

НОВАЯ ПОЛЬША

№4(74)

2006

Александр Бондарев: ПАМЯТИ СТАНИСЛАВА ЛЕМА

П о с л е д н и й ф е л ь е т о н Л е м а

**О годовщине восстания в варшавском гетто
беседуют Милош, Блонский, Эдельман, Турович**

Славомир Мрожек: тяжело быть менее глупым

Януш Корчак: Предсмертный дневник

Наталья Ворошильская о Геннадии Айги

Петр Вежбицкий о Шостаковиче

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»:
www.nowpol.ru

PKO BANK POLSKI

ПОЛЬСКИЙ БАНК «ПКО»

главный спонсор

деятельности Национальной Библиотеки в 2006 году

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 4(74)
2006
АПРЕЛЬ

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

	Александр Бондарев МУДРЕЦ, ОБРАЩЕННЫЙ К СОЛНЦУ	3
	Станислав Лем ГОЛОСА ИЗ СЕТИ	7
	Виктор Кулерский ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ	10
	Чеслав Милош СТИХОТВОРЕНИЯ	16
	ЧЕЛОВЕЧЕСТВО, ЧТО ОСТАЕТСЯ «Сапро di Fiori» 50 лет спустя	19
	Владислав Шленгель ОКНО НА ТУ СТОРОНУ	24
	Януш Корчак ДНЕВНИК	26
	Лев Лосев ПАМЯТИ ЧЕСЛАВА МИЛОША	30
	Лешек Бальцерович МИР, ПОЛНЫЙ АСИММЕТРИИ	32
	Нина Тайлор-Терлецкая ПЛАЧ ПО ЧОМБРОВУ	34
	Адам Мицкевич ДВЕ БАЛЛАДЫ	36
	Збигнев Махей СТИХОТВОРЕНИЯ	42
	Лешек Шаруга ТРЕТИЙ БЕРЕГ	48

	Наталья Ворошильская ВСТРЕЧИ С АЙГИ	49
	Геннадий Айги ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ	51
	Людмила Софронова ЕЖИ ГРОТОВСКИЙ: ОТ БЕДНОГО ТЕАТРА...	54
	Анна Подражка ВИДЕОТЕАТР «ПО-ЗА»...	56
	Олег Закиров ТВОЙ ДОМ — ТЮРЬМА!	61
	Алексей Волков ПОЛЯКИ КАЗАХСТАНА	63
	Петр Вежбицкий КВАРТЕТЫ ШОСТАКОВИЧА	66
	Иоанна Арашкевич ЮМОР И МЕТАФИЗИКА В РУССКОЙ МУЗЫКЕ XX ВЕКА	67
	Иоанна Арашкевич НОВОСТИ ПОЛЬСКОЙ ДИСКОГРАФИИ	69
	Магдалена Байер ПОПРОБУЙТЕ ПЕРЕПРЫГНУТЬ	71
	Янина Куманецкая ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ	73
	Лешек Шаруга ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ	76
	ДИВЕРСИФИКАЦИЯ НЕОБХОДИМА <i>Беседа с министром экономики Польши П. Г. Возняком</i>	80
	ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ГЛАЗАМИ УКРАИНСКОЙ ПРЕССЫ	83

Редакционный совет

Стефан Братковский
Хенрик Возняковский
Наталья Горбаневская
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Цёсек

Ежи Помяновский

(главный редактор)

Редколлегия

Элиза Вольская
Наталья Горбаневская
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Янина Куманецкая
Петр Мицнер (зам. гл. редактора)
Кристина Пашек (секретариат)
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих
(зам. гл. редактора, секретарь редакции)
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет

Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция

Кацпер Ванчик

Адрес редакции

Al.Niepodległości, 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел: (0-22) 608 27 95; 608 25 65
факс: (0-22) 608 25 05; 608 27 96
e-mail: nowpol@bn.org.pl

Информация о журнале для стран СНГ:

Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская,
д.15, кв.49
тел: 621-41-42
e-mail: mic@inbox.ru

Издатель

ВІВЛІОТЕКА НАРОДОВА
НАЦІОНАЛЬНАЯ
БІБЛІОТЕКА

По поручению
Министерства Культуры
Республики Польша

Тираж 4800 экз.

Переводчики: А. Базилевский, Н. Горбаневская, Ю. Зиман,
Н. Кузнецов, С. Морейно, С. Свяцкий, Е. Шиманская

Фото ©: Agencja Gazeta (стр. 32, 80), Archiwum (стр. 25, 26),
Archiwum N.Woroszyńskiej (стр. 50), Archiwum A.Podrazki (стр. 60),
E. Lempp (стр. 48)

Александр Бондарев

МУДРЕЦ, ОБРАЩЕННЫЙ К СОЛНЦУ *Памяти Станислава Лема*

Solaris (лат.) — солнечный; обращенный к Солнцу

***И смерть пребудет бессильна,
На ветру, под знаком белой Луны,
Встанут мертвые, чтобы — быть среди нас.
Пусть наги они, пусть их кости — прах,
Но сиянье звезд в них узрит любой,
Сойдут с ума — но их разум здрав,
Океан их поглотит — встанут со дна,
Со смертью любимых — не сгинет любовь,
И смерть пребудет бессильна.***

Из стихотворения Д.Томаса «Solaris Poem»

Станислав Лем, выдающийся польский писатель, родился 12 сентября 1921 г. во Львове и скончался 27 марта 2006 г. в Кракове. Его книги напечатаны общим тиражом 27 млн. экземпляров на 41 языке. Эти данные будут приведены во всех будущих энциклопедиях (я уже вижу, как смеется пан Станислав, считавший, что забывается решительно всё и хорошо еще, если внуки будут нас помнить. А в качестве примера приводил... Гитлера). Так вот, в одном из интервью Лем с гордостью заявил: «Кстати, у вас в России знают, что я — философ? В Германии уже лет пять, как знают». А в другом: «Между прочим, в немецкой энциклопедии написано коротко и ясно, что я — философ».

Как это понимать? Во-первых, он стремился ставить такие вопросы (и находить на них ответы, в отличие от просто писателей), на которые в свое время отвечали философы и мудрецы. «Ребе, у тебя мало времени, и у меня мало времени. Скажи, как жить?»

Практически все придуманные Лемом миры и футурологические предсказания маскировали строго и кратко поставленные философские вопросы. Эти маски стали способом, который позволил ему быть услышанным «в наш жестокий век» и показать, что никакие внешние обстоятельства не меняют сути человека и стоящих перед ним проблем. А еще Лем без устали предлагал, как эту суть можно улучшить.

С этим его стремлением улучшить человеческую породу порой происходили недоразумения: слишком уж это напоминало устремления коммунистов. Известно письмо, адресованное в 1974 г. в ФБР одним из лучших американских фантастов (и единственным среди фантастов, которого ценит Лем) Филипом К. Диком. Дик предостерегал, что

Рис. Dymitr Kłmińdow

американскую фантастику пыгается взять под контроль известный коммунистический партийный функционер из Кракова, некто Лем, который «по всей вероятности, является скорее целой организацией, нежели одним человеком, поскольку он пишет несколькими различными стилями и иногда понимает иностранные языки, а иногда — нет». А на сайте КИРФ я недавно обнаружил исследование, автор которого утверждал, что «лучше всего описал модель коммунизма Станислав Лем в книге «Возвращение со звезд»». А это одна из самых страшных и горьких антиутопий Лема, где ставится вопрос о том, что для человека важнее: свобода или мир и благополучие.

Может, именно эта двусмысленность и сбивала с толку советскую цензуру? Во всяком случае, сам Лем признавался, что огромные тиражи его книг в СССР весьма способствовали судьбе его книг в Польше.

А его приезды в Москву... Сам Лем вспоминал: «Как только я появлялся в Москве, ученые отбивали меня у литераторов. В результате я не познакомился ни с одним писателем, за исключением братьев Стругацких, а только с одними физиками, астрофизиками, кибернетиками. Однажды меня пригласили в Институт физики высоких температур, куда нужно было иметь специальный пропуск, на что-то вроде лекции для сотрудников. Когда я надевал пальто, кто-то вложил мне в карман записку «Этому человеку вы можете полностью доверять». А человек сказал мне: «Пожалуйста, выйдите из вашей гостиницы «Пекин» в девять вечера и стойте на углу». Приказ есть приказ: вышел я из гостиницы, подъехал «Запорожец», уже с пассажирами. Я уселся кому-то на колени, и мы тронулись. По дороге я оглядывался, не едут ли за нами кагэбешники, но все обошлось. Мы ехали по каким-то темным переулкам, поднялись по темным лестницам, двери открылись — и я оказался перед «сливками общества» советских ученых. Садимся за стол, и тут мне объявляют: «Здесь можно говорить все!» — «Ну, раз все, — отвечаю, — то ответьте мне на такой вопрос: есть у меня идея книжки о таком суперкомпьютере, который читал бы лекции о человечестве и его судьбах. Есть в этом смысл?» — «Ну, конечно», — отвечают, и начали так меня подначивать, что вскоре после возвращения в Польшу я написал «Голема»».

Прошу прощения, но здесь я вынужден добавить несколько слов от себя. Дело в том, что все библиографии произведений Лема дружно сообщают, что повесть «Голем XIV» (которую Лем, по его собственному признанию, особенно любил) была впервые издана в Польше в 1981 году. Я имел счастье познакомиться с паном Станиславом задолго до описанного им случая, будучи совсем еще «зеленым» студентом физфака МГУ. На факультете действовал так называемый «Студенческий клуб физиков», и я занимался тем, что приглашал туда разных интересных людей. Лем пришел на встречу, и после этого я виделся с ним еще несколько раз. На гения по внешнему виду он не тянул (не Ландау!), но говорить с ним, пожалуй, было интереснее, и чувство юмора у него было необыкновенное. Так вот, «Голем» — единственная вещь Лема, над переводом которой я работал, — был издан в СССР издательством «Знание» раньше, в 1980 г. (в 23-м выпуске серии «Научная фантастика»). И что самое смешное, я совершенно не помню, с какого текста делался перевод. Загадка, как говорил пан Станислав, природы — и обязательно вспоминал при этом советский журнал «Природа», который выписывал и весьма ценил.

Но я отвлекся. Так почему же Лем был так популярен в соцлагере, и особенно в СССР? Лучше всего на это вопрос, по-моему, ответила М.Чудакова:

«Лем удовлетворял больше чем потребность — жажду. Советские читатели сталкивались в его фантазиях со свободой человеческой мысли, объединявшей и героев, и авторов, с демонстрацией ее мощи, тогда как в тогдашней публичной (не на кухне) жизни мощь мысли не существовала как ценность (предполагалось, что за нас думает партия).

Лем напоминал нам каждой страницей: «Cogito ergo sum!» Да, он помогал нам существовать, напоминая, что мы мыслим, мыслить, должны, по крайней мере, мыслить! И потом — непрерывная демонстрация логического аппарата — в стране, где подавление способности к логическому мышлению было одной из важнейших, хотя никогда не эксплицитированных, задач мощного аппарата советской пропаганды» («Станислав Лем в умах и сердцах жителей исчезнувшей страны»).

Это глубокое наблюдение можно дополнить еще одним фактом: у Лема всегда разум побеждает грубую силу (даже в такой, казалось бы, безобидной сказке, как «Кибериада»).

То же самое М. Чудакова пишет о Стругацких: «В романе «Улитка на склоне» (1965) ярко обозначилась корневая суть творчества братьев Стругацких: глубочайшее разочарование в самом человеке, не желающем измениться внутренне, преодолеть на пути к лучшему будущему прежде всего себя. (...) В тогдашней печатной жизни не было ни экономической, ни социологической, ни исторической, ни философской, ни политологической мысли. В книгах братьев Стругацких читатели искали ответы на те вопросы, которые они должны бы задать профессионалам всех этих наук». Но подлинных профессионалов — не было. Мудрецов — не было. И философов тоже. Именно поэтому Лем так гордился, что немцы его признали философом (он вообще считал, что в Германии он более популярен, чем в Польше).

А популярность Лема в Америке (помимо чисто писательской) оказалась наиболее достойной его выдающегося интеллекта. В антологии известных специалистов по когнитивным наукам Д. Хофштадтера и Д. Беннета «The Mind's I» (1981) были собраны работы, которые стали, по мнению авторов, основополагающими для развития этих наук, для решения проблемы искусственного интеллекта. Из 27 работ три принадлежат Лему (и все три были опубликованы ранее в качестве художественных произведений!). С тех пор Лем стал мировым классиком этого научного направления. В качестве основного инструмента своих исследований он использовал так называемый «мысленный эксперимент», вполне законным образом использующийся также в физике («парадокс близнецов» в теории относительности, «кошка Бора» в квантовой механике и др.).

Хотя, надо сказать, он гораздо больше гордился тем, что предвидел (в «Сумме технологий») возникновение этих новых наук и даже дал им замечательные названия: «интеллектуэлектроника» и «фантоматика» (которая стала теперь называться «виртуальной реальностью»).

Лем верил, что человек неспособен измениться сам, что люди в массе своей глупы и злы, что «зло возникает из глупости, а глупость питается злом». «Никто ничего не читает, — говорил Лем, — а если читает, то не понимает, а если даже понимает, то ничего не помнит». Он считал, что автоэволюция вида «homo sapiens» будет проходить в несколько этапов: один из первых, уже начавшийся, — это так называемая консервативная техника, т.е. пересадка органов и протезирование, а сущность второго этапа состоит в реализации биотехнологической программы-максимум, то есть в формировании все более совершенных типов человека. «Голем XIV» завершается следующими словами суперкомпьютера: «Дело в том, что не существует Разума, если существуют разумы различной мощности, и, чтобы выйти за свои пределы, как я уже говорил, человек разумный будет вынужден либо отвергнуть человека естественного, либо отречься от своего разума. (...) Я думаю, что вы вступите в век метаморфозы, что решитесь отбросить всю свою историю, всё наследие, все остатки природной человечности, образ которой, многократно увеличенный до размеров прекрасного трагизма, сосредоточивают зеркала ваших вер. Я утверждаю, что вы выйдете за эти пределы, ибо иного выхода нет. И в том, что сейчас вам кажется лишь прыжком в бездну, вы усмотрите вызов, если не красоту, и все же поступите по-своему — ибо, отринув человека, спасется Человек».

Не существует Разума, если существуют разумы различной мощности... Понятно, что, придерживаясь этой концепции, Лем не мог не быть атеистом. «У меня свои убеждения. После моей смерти со мной будет в точности то же самое, что было перед моим рождением. То есть попросту ничего. И это для меня — обещание счастья. В определенном смысле, потому что ничего не ощущать — это намного приятнее, чем быть старым, больным, немощным». Это мог бы написать Эпикур.

Но вот что отвечает на это высказывание анонимный польский читатель Лема: «Вы для меня — абсолютный авторитет. Если Вы утверждаете, что Бога нет, то Его, наверное, и вправду нет. Но мы должны поступать так, как будто Он есть. Желаю Вам доброго здоровья».

К концу жизни Лем писал уже только короткие статьи и вел колонку в католическом еженедельнике «Тыгодник повседневный» (еще один из столь свойственных ему парадоксов). Характер у него всегда был не сахар, а в последние годы его брюзжание приобретало даже своего рода обаятельность.

«Лететь на Марс? А зачем? Воздуха нет, кислорода нет, воды нет, холод жуткий. Один красный песок. Что можно построить на Марсе? Только ГУЛАГ».

«Привязан ли я к Кракову? Привязан в том же смысле, в каком привязан к этому креслу, так как сидеть на полу было бы неудобно. Я здесь оказался случайно. Я родом из Львова и львовянином останусь. Здесь остановились мои родители, а я не мог решать, где оставаться, а где — нет. Нет, ничего у меня общего с Краковом нету, и я не испытываю особых чувств по отношению к этому городу».

«Похоже на то, что «высокая» или попросту традиционная культура будет вытесняться в катакомбы. Я сейчас читаю Пушкина — потому что очень его люблю. «Избранное» Пушкина в Советском Союзе стоило копейки, а тираж был — 250 тысяч экземпляров. Где теперь такие тиражи?»

«Я получил от Ежи Помяновского первый номер «Новой Польши», журнала о Польше для русских. Такой журнал был нужен, но его название навело меня на неприятную мысль, что русские еще не до конца отучились говорить не только «наша Киргизия», но и «наша Польша». К сожалению, пока все попытки объяснить русским, что они у нас натворили, отскакивают от них, как от стенки. Мы всегда слышим одно и то же: «Что значат ваши двадцать тысяч офицеров, убитых в Катъни и других местах в России, да и весь ваш восточный фронт вместе с пограничным корпусом, раздавленный советскими танками, по сравнению с нашими потерями!» Подобного рода подсчеты и сравнения я считаю непростительным грехом по отношению к человеческой морали. Не все можно простить и забыть: разумеется, со многими вещами мы должны смириться, но насилие всегда остается насилием».

А что же русские? Пусть скажут сами.

28 марта 2006 г., отвечая на просьбу польской корреспондентки дать в газету несколько слов в связи со смертью Лема, которого он лично знал, Борис Стругацкий сказал: «Нет ни одного писателя, который обладал столь поразительной способностью создавать фантастические миры. Это потеря для всей мировой литературы. Человек и писатель огромного интеллекта, титанической эрудиции и абсолютно невероятной силы воображения. Мы расстаемся с ним так, как расставались бы с целой эпохой. Это утрата не только для Польши, но и для России. У нас Лема любили так, как если бы он был нашим, русским писателем. И я думаю, что его почитателей в России, если говорить об абсолютных цифрах, даже больше, чем в Польше. Горько думать, что мы уже не будем ждать его новых книг, хотя, зная его, я подозреваю, что наверняка остались какие-то его неопубликованные произведения».

Шуточный проект памятника Лему, подаренный ему редакцией журнала «Пшекруй» к 70-летию.

ятной силы воображения. Мы расстаемся с ним так, как расставались бы с целой эпохой. Это утрата не только для Польши, но и для России. У нас Лема любили так, как если бы он был нашим, русским писателем. И я думаю, что его почитателей в России, если говорить об абсолютных цифрах, даже больше, чем в Польше. Горько думать, что мы уже не будем ждать его новых книг, хотя, зная его, я подозреваю, что наверняка остались какие-то его неопубликованные произведения».

А анонимный польский читатель Лема, может быть, и не знавший его лично, но больше любивший, написал: «Остались его тексты. И память. И то, и другое недолговечно. Лем писал, что мы — лишь мгновение на часах эволюции. Он ушел от нас, но его произведения остались. Я надеюсь, что, как он и говорил раньше, ящики его письменного стола действительно пусты. Просто ужасно, что вытворяют люди с наследием писателя, с его неопубликованными текстами. А теперь Лем уже не сумеет себя защитить».

Очень хотелось бы, чтобы польский читатель на этот раз ошибся.

Станислав Лем

ГОЛОСА ИЗ СЕТИ

Я хотел написать о неприятностях, которыми чреватые наметившиеся в последнее время в Польше крайне правые тенденции, но вдруг получил 52 сообщения российских пользователей Интернета, которым один из тамошних порталов предложил задавать мне вопросы*.

Трудно на это не отреагировать, тем более что авторы — люди в основном молодые, лет двадцати с небольшим. Меня совершенно ошеломил град похвал, хоть я и догадываюсь, что эти высказывания были отцежены из гораздо большего числа вопросов. Я узнал, что мои книги считаются в России «культовыми», а мои российские читатели просто восхищены, что я такой, какой есть. Сплошные дифирамбы и панегирики. Ситуация немного неловкая, тем более что я не такой уж замечательный, как им кажется. Кроме того, я не люблю, когда меня слишком хвалят, и охотнее всего признал бы значительную часть этих похвал недействительными.

«Пан Станислав! Не может быть, что это происходит со мной!!! Никогда не думал даже в фантазиях своих, что Вам можно будет задать вопрос!!!» — восклицает в экстазе Андрей. «Книги с Вашими произведениями уже затерла до дыр, — признается 23-летняя Маша. — Короче, спасибо без всяких вопросов». «Фотографию на фоне вашего дома в Кракове храню как реликвию», — пишет Сергей. И еще одно высказывание: «Я Вас люблю с первой прочитанной

мной в юности сказки роботов и до конца моих дней, и никаких вопросов. Всегда и во всем Ваш».

«Я действительно благодарю Бога за то, что есть Интернет, и я имею возможность задать вопрос человеку, книгами которого зачитывалась с детства!» — пишет Ангелина и тут же спрашивает, что такое сепульки, появляющиеся в одном из путешествий Ийона Тихого. Не она одна. Этим же интересуется и Андрей Бовыкин: «Всю жизнь, с самого детства, меня занимает один вопрос: что же такое сепульки и в чем заключается их порносферичность?» А чтоб им пусто было! Я и сам понятия не имею!

Есть и вопросы чисто предметные — например, знаком ли я с творчеством молодых российских писателей-фантастов. Мне очень жаль, но я их просто-напросто не читаю, — я очень давно перестал читать научную фантастику. Дмитрий хотел бы узнать, как я отношусь к творчеству братьев Стругацких. Что ж, я думаю, что это уже история, хотя история прекрасная. Еще кто-то сообщает мне, что в московской квартире Владимира Высоцкого находится экземпляр моих «Сказок роботов» с посвящением: «Володе. Март 1965», — и интересуется моей встречей с Высоцким, который тогда был еще не слишком популярен. Я не очень хорошо помню эту встречу, но припоминаю, что он спел мне «Песню о нейтральной полосе». Я относился к нему с уважением, независимо от того, насколько он был славен. Поэтому, когда он умер, меня не удивило, что русская молодежь ломала над его могилой гитары.

*Речь идет о портале ИноСМИ.Ру. Все вопросы см. <http://www.inosmi.ru/press/224888/>

«Должно ли человечество пытаться узнать правду о существовании жизни после смерти? Верите ли вы в такую жизнь сами, верите ли в то, что она вечна?» Что ж, на такие вопросы я не отвечаю. Еще один пользователь Интернета сначала восклицает: «Боже!!!! Я не могу поверить!!! ИноСМИ все же смогли уговорить Вас ответить на вопросы посетителей сайта», — после чего цитирует мое высказывание о том, что мир нужно менять, иначе он неконтролируемым образом начнет изменять нас самих. В заклю-

чение автор дает к этим словам свой собственный комментарий: «Не буду отвечать за весь мир, но меня Вы изменили точно. В лучшую сторону, конечно!»

«Каково сейчас Ваше мнение о войне в Ираке? Из уважаемых мной людей в поддержку войны выступали только Вы», — пишет Михаил Голубев. Не буду скрывать, что решение Буша кажется мне сегодня серьезной ошибкой. «Лично для Вас Львов — польский город или украинский?» — спрашивает Алексей. Я, к сожалению, человек необъективный. Конечно, я понимаю позицию украинцев, но мне трудно отказаться от Львова, который был и останется моим городом. Журналистка, беседовавшая со мной в декабре о моих львовских воспоминаниях, поехала во Львов и прислала мне оттуда множество фотографий. Вчера я рассматривал их до потери сознания.

«Ощущаете ли Вы себя на склоне лет по-прежнему поляком?» — спрашивает (провокационно, как он сам признается) Сергей Цедрик. А кем же еще я могу себя ощущать, черт возьми?! «Что для Вас Польша?» Что ж, Польша — это место, где разыгрывается моя судьба. И хотя иногда я думаю, что охотно бы отсюда уехал, найти сегодня в мире более безопасное место вовсе не так легко. «Ваши книжки так не похожи на то, что ассоциируется у меня с польской культурой и польским обществом... Что-то в них... инопланетянское...» — пишет все тот же автор. Не знаю... Во всяком случае, с моей стороны это было неумышленно.

«Я начал вас читать примерно с тех пор как научился читать вообще. В 6 лет я в первый раз прочитал «Солярис», и сейчас мои дети читают его тоже. И они четко отличают бессмысленные произведения от тех, где надо думать». Неужели человек, читающий «Солярис» в шесть лет, может в этой книге хоть что-то понять? Не знаю, но меня трогает непосредственность и искренность автора.

А вот высказывание, которое мне особенно понравилось: «Уважаемый господин Лем! — пишет Иван. — К сожалению, в отличие от большинства написавших Вам вопросы, я не прочитал еще ни одной Вашей книги. Но моя тетя — Ваш горячий поклонник». И эта тетя, у которой нет доступа в Интернет, хочет узнать, каково будущее современного общества всеобщего потребления. Предполагать, что у меня есть какие-то необычайные сведения на этот счет, и несколько забавно, и трогательно.

«Обязательно ли человечеству чего-нибудь бояться, чтобы стать единым?» — спрашивает Дмитрий Комиссаров из Оренбурга. Это трудный вопрос. В последнее время, после публикации рядом европейских газет карикатур на пророка Магомета, мы стали свидетелями взрыва арабского цунами. С одной стороны, я считаю, что не следует нарушать чужие иерархии ценностей — в данном случае ценностей религиозных. Но, с другой стороны, нельзя поддаваться диктату насилия. Только один человек в мире может быть доволен — это профессор Сэмюэл Хантингтон, предсказывавший столкновение цивилизаций.

Это последний фельетон Станислава Лема.

ТАКОЖЕ ПОСЛЕДНИЙ

Лично я встречался с ним в 60-х годах, дважды или трижды, когда Лем приезжал в Питер. Собиралась обычная питерская компания (Варшавский, Брандис, Брускин — переводчик «Соляриса», еще кто-то), выпивали понемножку и очень много разговаривали — о литературе, о Вселенной, о мире, Космосе, о жизни на Земле и на иных планетах. Лем очень недурно владел русским, и никаких проблем перевода не возникало. Разговаривать с ним было — одно наслаждение: он был блистательный полемист, потрясающий эрудит, остроумец и вообще умница. Думаю, это был один из умнейших людей, с которыми мне приходилось общаться за всю мою жизнь. А уж воображение его!... Нет и не было в литературе XX века писателя с таким мощным, многогранным и изощренным воображением! Мы пока еще не понимаем, какого гиганта потеряли. Он был Рабле и Свифт XX века в одном лице. Равных ему нет и не было со времен Уэллса. Человек-Гора!

Борис Стругацкий

Уважаемая редколлегия журнала «Новая Польша»!

Просим принять наши искренние и глубокие соболезнования в связи с кончиной великого писателя, футуролога и эссеиста пана Станислава Лема. За последние два года в мир иной ушло три великих человека, жизнь которых была связана с культурной столицей Польши Краковом: Чеслав Милош, Иоанн Павел II (Кароль Войтыла) и Станислав Лем!

Со смертью Лема осиротела целая вселенная, созданная силой его вдохновения и таланта. Осиротели и мы, читатели его феерически-парадоксальных текстов. Но именно в своих произведениях — в «Солярисе» и «Кибериаде», в «Путешествиях Трурля и Клапауция» и «Дневниках и воспоминаниях Ййона Тихого», в «Насморке» и «Футурологическом конгрессе» и множестве других сочинений, — Станислав Лем продолжит свою жизнь, жизнь одного из бессмертных гениев мировой литературы.

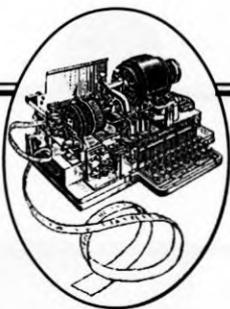
Сообщение о смерти пана Станислава совпало с новым прочтением его звёздного романа — «Соляриса». На 1 апреля 2006 года мы заранее наметили (и обязательно проведем) заседание университетского кино клуба по теме «Станислав Лем и Андрей Тарковский («Солярис»: текст, кинотекст и контекст)». Так неволью заявленная тема приобретёт мемориальный характер.

Спасибо Вам, пан Станислав, за Ваши книги, за Ваше исключительное умение будить человеческую мысль, вводить нас в мир Непознанного и Неизведанного!

С уважением,

*Валерий Алексеев, Степан Шилов
и Владимир Меншиков*

(преподаватели Курганского государственного университета,
искренние полонофилы и многолетние читатели
превосходной «Новой Польши»)

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• Председатель правящей партии «Право и справедливость» (ПиС) Ярослав Качинский после ста дней нового правительства: «Сегодня в Польше налицо начало перемен (...) Польше необходимы очень энергичные действия (...) чтобы можно было взяться за великие общественные проекты — строительство автострад или квартал для простых граждан, — (...) чтобы польская экономика быстрее развивалась (...) В Польше нет угроз для демократии и законности (...) В Польше не будет диктатуры (...) и авторитаризма (...) Но в Польше будет порядок». (*«Газета wyborcza», 18-19 февр.*)

• Согласно опросу Лаборатории социологических исследований (ЛСИ), 65% поляков выступают против введения цензуры нравов; 20% — за. Столько же опрошенных (65%) высказываются против ужесточения антиабортного закона; 26% придерживаются противоположного мнения. 62% не хотят запрета на воскресную торговлю; за выступают 34%. 51% высказываются за финансирование противозачаточных средств из госбюджета; 41% — против. За разрешение аборт по «социальным» причинам выступают 50% поляков; против — 40%. 89% хотят введения специальных пособий по безработице, и только 8% высказываются против этого. 66% выступают за ранние пенсии для шахтеров на особых условиях; 27% — против. 57% высказываются за выплату государством 1000 злотых на каждого новорожденного; 39% не согласны с этим. 55% общества не желают введения плоского налога; 33% считают его целесообразным. (*«Газета wyborcza», 27 февр.*)

• «За последний квартал прошлого года ВВП вырос на 4,2%. Это означает, что в указанный период он рос в два раза быстрее, чем в начале года. Экономике наконец-то подстегивает не только экспорт, но и внутренний спрос. Помимо инвестиций, растет потребление. Наши расходы увеличились на 3,1%. Поляки снова охотно тратят деньги, так как их все меньше пугает призрак потери работы, зарплата растет, а инфляция остается на низком уровне». (*«Ньюсуик-Польша», 12 марта*)

• «По данным института ГФК «Полония», в 2005 г. каждый третий поляк начал покупать экологически чистые продукты. По крайней мере так заявили участники опроса. По оценке производителей продуктов питания, истинное число людей, заинтересованных подобной пищей, значительно меньше. Правда, растет оно очень быстро, но пока не

превышает 0,5-1% покупателей. Они-то и пользуются услугами 20 интернет-магазинов и 200-300 расcеянных по всей Польше традиционных точек торговли (...) Экологически чистыми (био- или органическими) можно называть только продукты, произведенные в естественных условиях, без искусственных компонентов и генетических модификаций. Проверить это может одна из семи специальных лабораторий, выдающих соответствующие сертификаты. Рекламирывать товары без сертификатов, называя их экологически чистыми, органическими или биопродуктами, запрещено законом (...) Хотя за последний год посевная площадь экологически чистых культур в Польше удвоилась (и составляет почти 16 тыс. га), производители не поспевают за ростом спроса». (*Петр Стасяк, «Политика», 25 февр.*)

• «В январе цены были лишь на 0,7% выше, чем годом раньше. Инфляция в нашей стране не растет». (*«Жеч-посполита», 16 февр.*)

• Лешек Бальцеревич: «Уже третье подряд правительство застает на старте очень благоприятную экономическую ситуацию: низкую инфляцию, быстрый рост производства, почти сбалансированную внешнюю торговлю, прекрасные показатели экспорта и т.д. Во многом это следствие реформ снизу, которые идут на предприятиях. Кроме того, у нас очень спокойные финансовые рынки (...) Наши перспективы зависят от соотношения между теми, кто позволит демагогам ввести себя в заблуждение, и теми, кто будет этому активно противодействовать. Хорошие перспективы появляются только тогда, когда удастся победить силы этатизма». (*«Впрост», 12 марта*)

• Ян Винецкий: «Польша принадлежит к небольшой группе стран, в которых были проведены удачные посткоммунистические преобразования (...) Одышка последних семи-восьми лет, вызванная правовым регрессом, не меняет этой оценки сколько-нибудь существенным образом (...) Именно в Польшу, Чехию, Эстонию, Словению, Венгрию и Словакию стекаются иностранные инвестиции. Именно здесь [предприниматели] все чаще ищут не только относительно дешевую, но и высококвалифицированную рабочую силу. И все это несмотря на деформацию государства, политический клиентизм, гипертрофированную социальную сферу, регулятивные барьеры и коррупцию...» (*«Впрост», 19 февр.*)

• Лешек Бальцеревич: «Если бы после 1989 г. в Польше не были проведены общественно-политические преобразования, нам не удалось бы вступить в НАТО и Евросоюз. Чтобы вступить в ЕС, мы должны были соответствовать жестким требованиям, касающимся законности, демократии, прав человека и рыночной экономики. Свободные СМИ, независимость судов, самый высокий в постсоциалистическом мире после 1989 г. рост ВВП, стабильная и конвертируемая валюта, открытость к миру и успехи тысяч польских предпринимателей, пятикратный рост числа студентов, заметное сокращение младенческой смертности и значительное увеличение продолжительности жизни, несомненное улучшение обеспеченности семей бытовой техникой — все это не вымысел. Конечно, у Польши есть и серьезные проблемы — например, высокая безработица. В последние годы мы начали отставать от Литвы и Словакии по темпу экономического роста. Однако эти проблемы возникают вследствие блокирования части реформ (ставящихся сейчас под сомнение), а не вследствие их избытка. Кроме того, нельзя равнодушно смотреть на методы, используемые в политике (...) В Польше необходимо поднять уровень того, что я назвал бы элементарными гражданскими знаниями. Давайте не будем смотреть на лозунги, ибо зачастую они призваны усыплять разум (...) Скорее надо поощрять людей, которые сейчас из снобизма изображают политическую пассивность, чтобы они становились истинно сознательными и активными гражданами». (*«Жечпосполита», 25-26 февр.*)

• «В 2007 г. превышение расходов госбюджета над доходами составит 4,3% ВВП. Тем самым мы не выполним установленных еще в 2004 году предписаний Брюсселя, обязывающих нас в течение трех лет ограничить дефицит государственных финансов до допустимого в ЕС уровня 3% ВВП (...) Европейский комиссар по вопросам экономики и денежно-кредитной политики Хоакин Альмуния (...) напомнил, что у нас есть время до марта 2007 года». (*«Жечпосполита», 2 марта*)

• Анджей Арндарский, председатель Всепольской экономической палаты: «Депутаты сосредоточились на дележе ограниченных финансовых ресурсов, вместо того чтобы заняться созданием условий для их умножения. В течение последних месяцев 2005 г. Сейм не обратил внимания ни на одну важную для предпринимателей проблему». (*«Жечпосполита», 6 марта*)

• «20 февраля 2006 г. вступает в силу запрет на ростовщичество (...) «максимальный размер годовых процентов не может превышать четырехкратного размера процентной ставки ломбардного кредита Польского национального банка» (...) В настоящий момент эта ставка

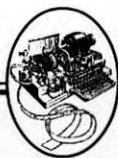
составляет 5,75%. Иными словами, номинальная ставка не может превышать 23% (...) Депутаты установили также максимальный размер комиссионных за открытие кредита (не более 5% от его суммы) (...) Ростовщикам грозит штраф, ограничение или лишение свободы до двух лет (...) Через несколько лет ставки могут снизиться до 2%. Соответственно четырехкратный размер будет составлять 8%. Тогда ни один банк не захочет давать кредит, так как это будет попросту невыгодно». (*Петр Стасяк, «Политика», 18 февр.*)

• «В речи министра иностранных дел Стефана Меллера был представлен новый подход к государственной внешней политике (...) Во-первых, безопасность (...) Перечисляя приоритеты, Меллер прежде всего упомянул НАТО. Кроме того, он отважился открыто назвать Евросоюз орудием реализации наших политических целей, а не некоей мистической самоцелью. Это ключевое орудие, дающее полякам шанс выйти на новый цивилизационный уровень». (*Ежи Марек Новаковский, «Впрост», 26 февр.*)

• «На протяжении последних полутора десятков лет горизонт коллективной памяти поляков сузился, а оценка этих лет, знакомых многим по личному опыту, кажется им более важной, чем обращение к минувшим эпохам (...) Получило распространение индивидуальное отношение к прошлому, проявляющееся в интересе к семейной истории (...) Зато реже, чем в предыдущие десятилетия, прошлое прочитывается в категориях ценностей, связанных с общественной сферой. При этом усиливается склонность к поиску в нем личных дилемм, добродетелей и недостатков (...) На протяжении последних полутора десятков лет общественное влияние национального мифа вооруженной борьбы явно ослабло (...) Однако вследствие произошедших за это время перемен большинство поляков ищет в национальном прошлом примеры хорошо функционирующей политической системы, здравого рассудка, эффективных действий и успехов на международной арене». (*Петр Тадеуш Квятковский на базе опросов ЦИОМа и института «Пентор», «Одра», февраль*)

• «Первый визит президента Польши в соседнюю страну. Президенты Польши и Чехии Лех Качинский и Вацлав Клаус заявили вчера в один голос, что они не евроскептики, но борются с «евронаивными». Качинский сказал, что, подобно Клаусу, наложил бы вето на закон о легализации гомосексуальных союзов». (*«Газета wyborcza», 18-19 февр.*)

• «Тех, кто ожидал, что [в Берлине президент Лех] Качинский будет критиковать ЕС, постигло разочарование. В своей лекции в Университете Гумбольдта он не только почтил память отцов-основателей Евросоюза, но и назвал ЕС «величайшим успехом». «Сегодня можно представить себе польско-немецкий спор, но

войну — уже нет», — сказал Качинский (...). По оценкам самого президента, визит в Германию стал самой удачной его поездкой. «Когда нам удастся решить проблему Северного газопровода и «Центра против изгнаний», наши взаимоотношения можно будет назвать цветущими», — сказал польский президент». (*Бартош Т. Велинский и Павел Вронский, «Газета wyborcza», 10 марта*)

• «Сегодня Польша — один из лучших друзей Израиля, и новое польское правительство продолжает политику в этом же духе», — написал известный американский комментатор Тэд Таубе в сервисе действующего в США еврейского агентства ИТА. Он считает, что, вопреки стереотипным мнениям о «польском антисемитизме», проблемы Израиля пользуются большой популярностью в польских университетах, а «редкие антисемитские демонстрации столь малочисленны, что не обращают на себя внимания даже локальных СМИ». (*«Жечпосполита», 13 февр.*)

• «Варшавский окружной суд оставил в силе приговор районного суда, признавшего Лешека Бубеля виновным в нарушении законодательного запрета на оскорбление граждан за их национальную принадлежность, и повысил наложенный штраф с 2,5 до 5 тыс. злотых. Причиной процесса стал изданный Бубелем сборник антисемитских статей — одно из 150 изданий, которые он уже долгие годы распространяет массовыми тиражами (...) Теперь его ждет еще один гражданский процесс по коллективному иску почти полутысячи человек, которые требуют высокого денежного штрафа». (*«Жечпосполита», 15 февр.*)

• «В воскресенье представители Польского общества цыган отметили очередную годовщину первой депортации цыган в концлагерь Аушвиц и создания в лагере Аушвиц II Биркенау т.н. Zigeunerfamilienlager (семейного лагеря для цыган) (...) Между 26 февраля 1943 и 21 июля 1944 года в цыганский лагерь было заключено в общей сложности 20 967 мужчин, женщин и детей. В это число не входят около 1700 цыган из Белостока, которые были уничтожены сразу после прибытия». (*«Жечпосполита», 27 февр.*)

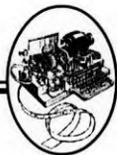
• «Вчера решение Главной военной прокуратуры РФ по катынскому делу прокомментировало польское министерство иностранных дел: «МИД в очередной раз с прискорбием отмечает существенные различия в юридической квалификации катынского преступления в Польше и Российской Федерации». (*«Жечпосполита», 7 марта*)

• Прокремлевский политолог Сергей Марков: «Если каждый начнет требовать компенсаций, нам придется отдать все, да и то не хватит». (*«Жиче Варшавы», 4-5 марта*)

• «Сергей Ястржембский — первый видный российский политик, появившийся на берегах Вислы с тех пор как в конце 2004 года польские власти поддержали украинскую «оранжевую революцию». Ястржембский вручил [президенту] Леху Качинскому письмо от Владимира Путина. «Президент хочет, чтобы наши отношения с Польшей были такими же хорошими, как с Германией, Францией или Италией», — сказал президентский посланец (...) «Россияне думают о поляках вовсе не так плохо, как вам кажется», — убеждал Ястржембский. Однако он предостерег, что повышения цен на газ не избежать: «Время братского сотрудничества прошло». Россия рассчитывает, что в ответ на [дружественные] жесты Кремля Польша воздержится от прямых действий, направленных на свержение белорусского режима Александра Лукашенко. Польские власти должны также смириться с прокладкой газопровода по дну Балтийского моря, соединяющего Германию с Россией в обход Польши (...) В свою очередь Россия, похоже, смирилась с потерей влияния на Украине. По словам Ястржембского, если Киев добьется принятия в НАТО, то Москва «воспримет это без энтузиазма», но как-нибудь переживет эту потерю». (*Енджей Белецкий, «Жечпосполита», 21 февр.*)

• «Есть потепление? — удивился политический комментатор «Эха Москвы», когда его спросили о визите Сергея Ястржембского в Варшаву, — А было охлаждение?» Ни один российский центр исследования общественного мнения не проводит опросов на тему польско-российских отношений (...) Наступил момент, когда Москве стало невыгодно игнорировать Варшаву: дело тут и в польской поддержке вступления Украины в НАТО, и в поддержке белорусской демократии, и в высказываниях Польши о России, к которым прислушиваются в Брюсселе. Поэтому Россия приняла протянутую нашими дипломатами руку, но на своих условиях (...) Я верю, что несущий потепление ветер с востока не окажется ураганом, который сметет столь важные для нас предвыборные принципы восточной политики польского президента». (*Кристина Курчаб-Редлих, «Впрост», 5 марта*)

• «Предприниматели из России, с Украины и из Казахстана (...) переманивают из наших фирм лучших директоров (...) Российские фирмы рассчитывают на то, что польские специалисты принесут с собой западный стиль работы (...) Им предлагают зарплату в несколько раз выше, чем в Польше, астрономические премии за успех, лимузины с шоферами и служебные апартаменты (...) Вакантные места ждут специалистов по торговле, банковскому делу, маркетингу, страхованию и логистике». (*Ярослав Олеховский, «Ньюсик-Польша», 5 марта*)

• «Наш главный партнер за Бугом — Украина. По мнению министра иностранных дел Стефана Меллера, ее демократическая эволюция так важна для Польши, что «некоторым образом стала частью нашей собственной истории» (...) Однако министр считает, что поддержка Украины не может и не должна отрицательно сказываться на наших отношениях с Россией. «Нет ни малейшей причины, по которой они могли бы быть плохими», — сказал Меллер (...) Зато политика нашей страны по отношению к Белоруссии будет и впредь жесткой, если у власти в этой стране останется режим Александра Лукашенко. Меллер в завуалированной форме сообщил, что на мартовских президентских выборах в Белоруссии Польша поддержит кандидата демократической оппозиции Александра Милинкевича. «Мы хотим, чтобы победила гражданская инициатива», — заявил польский министр». (*«Жечпосполита», 16 февр.*)

• Из интервью с премьер-министром Украины Юрием Ехануровым: «Мы очень заинтересованы в том, чтобы дотянуть до вашего Плоцка наш нефтепровод Одесса—Броды, предназначенный для транспортировки нефти из района Каспийского моря (...) Если поляки не согласятся, мы будем пытаться открыть путь каспийской нефти к берегам Балтийского моря через Белоруссию и Литву. Мы уже начали переговоры с Минском (...) Кроме того, я хочу предложить полякам сотрудничество в области экспорта электроэнергии (...) Мы хотим осуществить совместно с поляками несколько проектов, которые позволят нам экспортировать электроэнергию на Запад (...) Мы хотим, чтобы создавались совместные малые и средние польско-украинские предприятия. Мы верим, что поляки научат наших предпринимателей, как эффективно включиться в борьбу за западные рынки (...) Мы считаем, что Польша — это партнер, которому можно доверять, который прощает ошибки. Мы очень заинтересованы в том, чтобы наши предприниматели, правительства и президенты хорошо понимали друг друга». (*«Газета wyborча», 16 февр.*)

• «В течение трех месяцев мы представим конкретные предложения по строительству нового нефтепровода», — заявил [премьер-министр Казимеж] Марцинкевич после встречи с Ехануровым. Он заверил также, что в 2006 году будут приняты решения, гарантирующие диверсификацию поставок в Польшу энергии» (*«Жечпосполита», 17 февр.*)

• «Замминистра экономики Петр Наимский, ведающий топливной промышленностью, подходит к проекту сдержанно. «Мы будем участвовать в этой инвестиции только при условии получения гарантий, что положение на Украине будет стабильным и предсказуемым», — заявил Наимский (...) В Сейме он сказал, что число

сомнений, связанных с трубопроводом Одесса—Броды, «довольно велико», однако не уточнил, что это за сомнения». (*«Газета wyborча», 17 февр.*)

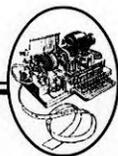
• «Хотя президенты Польши и Украины говорили вчера в Киеве о прекрасном сотрудничестве и стратегическом партнерстве, оказалось, что в двусторонних отношениях есть одна серьезная проблема: трубопровод Одесса—Броды—Гданьск. «С польской стороны недостает конкретных действий», — говорил премьер-министр Ехануров, хотя Лех Качинский и уверял (...) что через три месяца будет готово «исследование, касающееся осуществимости» строительства польской части трубопровода (...) Президенты подписали декларацию о развитии сотрудничества в области энергетики, в которой говорится и о трубопроводе (...) «Я с радостью выслушал заверения Виктора Ющенко в том, что по вопросу европейской и евроатлантической интеграции украинская внешняя политика останется неизменной. Это для Польши очень важно», — сказал Лех Качинский». (*«Жечпосполита», 1 марта*)

• «Растет интерес к разведке и добыче польского природного газа. В прошлом году заявления на продление концессии подали целых 50 предприятий — два раза больше, чем в 2004 году. А выданные разрешения — это лишь вершина айсберга (...) Разведка новых месторождений газа стала особенно актуальна после 1 января нынешнего года, когда Россия ограничила поставки газа на Украину». (*Пшемислав Познанский, «Газета wyborча», 6 марта*)

• «Сегодня с территории нашей страны начинает вещать по-белорусски радио «Рация» (...) Пока что программу можно слушать на средних волнах на частоте 180 кГц с 18 до 20 часов (...) «Рация» выкупила также ежедневный получасовой блок на вильнюсском «Радио с берегов Вилии», чей сигнал на УКВ слышен в северо-западной Белоруссии (...) Через две недели начнутся передачи на УКВ [105,5 МГц] из Белостока, что позволит слушать радио в Гродно». (*«Жечпосполита», 22 февр.*)

• «Вчера начало транслировать свои передачи вещающее из Вильнюса «Европейское радио для Белоруссии» (ЕРБ) — вторая после «Рации» радиостанция, которая должна поддерживать демократические перемены в Белоруссии». (*«Жечпосполита», 27 февр.*)

• В рейтинге, составленном ЦИОМом, государственное телевидение получило 82% положительных оценок и 10% отрицательных, «Польсат» — соответственно 76 и 10, ТВН — 75 и 5, телевидение «Трвам» — лишь 14% положительных оценок и 23% отрицательных. Польское радио получило 77% положительных оценок и 5% отрицательных, РМФ ФМ — 70 и 3, радио «Зет» — 68 и 3, радио «Мария» — 22 и 37. «Газе-

та выборча» — 48 и 5, «Жечпосполита» — 33 и 5, «Наш дзенник» — 19 и 8. Президент — 42 и 29, Сейм — лишь 23% положительных оценок и 65% отрицательных, Сенат — 27 и 50%. (*«Газета выборча», 27 февр.*)

• «Президиум Епископской конференции Польши призвал к порядку радио «Мария» и телевидение «Трвам» (...) Вчера было опубликовано письмо от 7 февраля, адресованное провинциальному приору [ордена] редemptористов, отвечающему за радио «Мария» и телевидение «Трвам» (...) «Мы рассчитываем, что Вы создадите такую ситуацию, в которой радио «Мария» и телевидение «Трвам» начнут в полной мере соблюдать нормы католического социального учения», — написали епископы». (*«Жечпосполита», 16 февр.*)

• Согласно опросу ЦИОМа, премьер-министру Казимежу Марцинкевичу доверяют 70% поляков, а не доверяют 12%, министру здравоохранения Збигневу Религе — соответственно 69 и 11%, президенту Леху Качинскому — 58 и 24, министру юстиции Збигневу Зеб्रो — 54 и 17, председателю правящей партии ПиС Ярославу Качинскому — 49 и 32%. (*«Газета выборча», 18-19 февр.*)

• Информация о возможном роспуске парламента президентом Лехом Качинским привела к падению акций на бирже, падению золотого по отношению ко всем главным валютам, а также к падению цен польских облигаций». (*«Жечпосполита», 14 февр.*)

• «Хотел ли президент Лех Качинский распустить парламента? Подразумевающее такую возможность сообщение ПАП вызвало политическую бурю и заставило опасующихся досрочных выборов политиков «Лиги польских семей» и «Самообороны» подписать дополнительное соглашение к стабилизационному пакту, которое предусматривает согласование участниками пакта даже поправок к законопроектам (...) В конечном итоге президент в телевизионном обращении к народу положительно оценил стабилизационный пакт и заявил, что парламента не распустит». (*«Тыгодник повсехный», 26 февр.*)

• «После наступившего в понедельник кризиса, связанного со слухами о возможности досрочных парламентских выборов, во вторник положение было совершенно иным. Когда выяснилось, что слухи не подтвердились, инвесторы начали скупать акции, облигации и злотые (...) В конце дня евро стоило 3,795, а доллар — 3,194 злотых. В понедельник курс составлял соответственно 3,815 и 3,21 злотых. Поднялись в цене и облигации». (*«Жечпосполита», 15 февр.*)

• Согласно опросу ГФК «Полония», «больше половины поляков уверены, что Лех Качинский злоупотребил своим положением, чтобы ПиС смог достичь сиюминутной политической цели. Только

каждый пятый опрошенный считает, что президент повел себя беспристрастно. Столь суровая критика главы государства связана с замешательством, вызванным слухами о роспуске Сейма (...) ПиС потеряла 5% в рейтинге поддержки политических партий». (*«Жечпосполита», 22 февр.*)

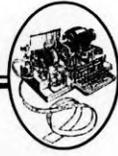
• «Архиепископ Юзеф Жицинский призывает чиновников не занимать места честных людей, уволенных нынешней командой. «Я призываю вас не принимать подобные предложения. Власти меняются быстро, а честность остается (...)», — сказал журналистам архиепископ. — Нашим образцом не может быть республика корешей, обладающих поддержкой и пробивной силой. Основой государства должна быть честность». (*«Жечпосполита», 21 февр.*)

• «Высший совет адвокатов выражает решительный протест против политических действий, которые подрывают авторитет основных институтов демократического правового государства (в первую очередь Конституционного суда, Верховного суда и уполномоченного по правам человека) и угрожают принципу независимости судов (...) Высший совет адвокатов протестует против ограничения права общественного мнения на независимую информацию путем дискриминации некоторых СМИ, которая создает угрозу свободе слова и печати. Высший совет адвокатов выражает обеспокоенность в связи с инструментальным отношением к законодательному процессу ради достижения сиюминутных политических целей». (*«Жечпосполита», 20 февр.*)

• «Польские авиалинии ЛОТ перестали раздавать в самолетах [левую] «Трибуну». Теперь вместо нее пассажирам предлагают издаваемый о. Рыдзыком «Наш дзенник» (...) Большинство акций ЛОТа (почти 68%) принадлежит государству. В декабре правительство Казимежа Марцинкевича сменило все правление компании, а в конце января — трех членов контрольного совета, включая председателя. Новым председателем стал бывший министр иностранных дел проф. Владислав Бартошевский». (*«Газета выборча», 15 февр.*)

• «Очередной жертвой [журналистской] провокации «Факта» стал министр сельского хозяйства Кшиштоф Юргель, пославший свою служебную машину за отцом Рыдзыком по просьбе его ассистента, каковым представился журналист. Премьер-министр Марцинкевич извинился за своего министра. «Не знаю, за что премьер извиняется, — удивился Рыдзык. — Благодарение Богу, что есть еще на свете люди с добрым сердцем». (*«Политика», 18 февр.*)

• Согласно опросу Лаборатории социологических исследований (ЛСИ), если бы выборы прошли в начале марта, «Гражданская платформа» (ГП) набрала бы 35% голосов (что обеспечило бы ей 176 мест в Сейме), ПиС

— 33% (167 мест), «Самооборона» — 9% (46 мест), «Союз демократических левых сил» (СДЛС) — 9% (44 места), «Лига польских семей» — 5% (25 мест). Аграрная партия ПСЛ получила бы 3% голосов и не вошла бы в Сейм. (*«Газета wyborcza», 8 марта*)

• **Между тем, согласно опросу ГФК «Полония», голоса избирателей распределились бы так: ПиС — 32% (196 мест), ГП — 28% (175 мест), «Самооборона» — 7% (44 места), СДЛС — 7% (43 места). «Лига польских семей» (3%) и ПСЛ (1%) не преодолели бы избирательный барьер.** (*«Жечпосполита», 8 марта*)

• Томаш Жуковский, политолог: «ЛСИ (...) принимает во внимание только тех, кто точно знает, за кого будет голосовать. Второй центр учитывает и мнение не определившихся (...) ГФК исключает из опроса тех, кто говорит, что не пойдет голосовать, а ЛСИ спрашивает о партийных предпочтениях всех подряд (...) «Полонии» интересуют прежде всего предпочтения тех, кто хорошо ориентируется в политике, в то время как ЛСИ учитывает и мнения людей, не слишком интересующихся политикой». (*«Жечпосполита», 9 марта*)

• **«ПиС хочет создать [парламентскую] следственную комиссию по изучению работы Польского национального банка (ПНБ) (...) Кроме Лешка Бальцеровича под лупой могут оказаться бывшие президенты ПНБ Гжегож Вуйтович и Ханна Гронкевич-Вальц (...) Анджей Топинский, бывший президент банка ПКО БП и председатель Союза польских банков предостерегает: «Мы уже расплачиваемся за безответственные заявления политиков относительно ПНБ. В течение недели курс злотого по отношению к евро упал на 10 грошей. Соответственно вырос внешний долг, из-за чего пострадает бюджет. Потери понесла биржа, уменьшились накопления миллионов поляков».** (*«Газета wyborcza», 13 марта*)

• Депутат от ГП Ханна Гронкевич-Вальц своим — своим коллегам по Сейму, выступающим против Лешка Бальцеровича: «Вы не понимаете ни демократии, ни свободного рынка, ни — не побоюсь этого сказать — либеральной экономики, такой, какая функционирует в США или Великобритании, где безработица составляет всего 5% и куда наши сограждане вынуждены ездить на заработки. Не понимаете вы и Евросоюза — вы хотите от него только денег, но не чувствуете себя обязанными соблюдать европейские законы. Кстати говоря, этими деньгами вы тоже не умеете распоряжаться». (*«Жечпосполита», 11-12 марта*)

• **«В Польше обнаружен опасный вирус H5N1».** (*«Жечпосполита», 7 марта*)

• Анджей Крушевич, орнитолог: «Нами уже давно овладела истерия. Это правда, что вирус птичьего гриппа настолько мутировал, что в определенных условиях

может угрожать человеку, — например, если кто-нибудь будет много часов подряд дышать зараженным воздухом, работая в курятнике с больными птицами или утилизируя мертвых птиц. Однако для этого нужна очень солидная порция вируса! В нормальных условиях, столкнувшись с большим лебедем или уткой, человек заразиться не может. Несмотря на это, шум поднялся невероятный (...) В телевизионных информационных программах показывают, как птиц сжигают или закапывают живьем, гусей несут, взяв за шею, пакуют в мешки и бросают в грузовики (...) Результаты не заставляют себя ждать. Под Щецином уже нашли лебедей с отрубленными головами; мне рассказывали, что кто-то стрелял из ружья в птиц, прилетавших к кормушке (...) Однако среди удручающих итогов гриппозного помешательства появился и очень ценный момент: мы начали говорить о том, что, независимо от обстоятельств, птицы имеют право на спокойную жизнь и спокойную смерть. Точно так же, как и мы». (*«Ты-годник повсехный», 5 марта*)

• **«Мы же не целуемся с этими утками», — смеется Ханна Леманская-Венгжецкая [из Варшавы]. И начинает перечислять, чего только люди не боялись: вируса Эбола, который должен был всех нас убить, СПИДа, SARS... Она считает, что зимой просто необходимо подкармливать птиц».** (*«Дарья Дзевенцкая», «Газета wyborcza», 6 марта*)

• «Жители Сольца-Куявского не боятся кормить лебедей и уток, плавающих по Висле. В подкарпатской деревне Макова крестьяне утверждают, что никакие запреты их не касаются. Куры должны бегать по двору. Хозяева из деревни Нивы-Вильчи близ Быдгоща тоже ежедневно выпускают своих кур и уток и говорят, что не боятся гриппа». (*«Суперэкспресс», 7 марта*)

• **«Если птица нагадит вам на голову, не надо впадать в панику. Нужно просто вымыть голову (...) Если вы подозреваете, что вступили в птичий помет, надо вымыть и продезинфицировать ботинки (...) Нужно мыть балконы. У голубей и воробьев есть иммунитет к H5N1. Уток и лебедей я на балконах еще не видел, так что мы в безопасности (...) Лучше на какое-то время отложить бутылку с яичным ликером — в спирте вирус не гибнет».** (*«Суперэкспресс», 7 марта*)

• «По инициативе варшавской городской охраны (...) три оборудованные специализированной техникой патрульные «экомашины» будут круглосуточно нести помощь животным (...) «Экопатрули» (...) занимаются защитой животных и предотвращением их бездомности, а также проверяют, гуманно ли обращаются с ними хозяева». (*«В месте» («В городе»), страница, печатающаяся одновременно в десяти районных газетах Варшавы, 9 марта*)

Чеслав Милош

СТИХОТВОРЕНИЯ

CAMPO DI FIORI

В Риме на Кампо ди Фьори
Корзины маслин и лимонов,
Булыжник вином забрызган
И лепестками цветов.
Креветок розовых груды
На лотках у торговков,
Черного винограда
Охапки и персиков пух.

Здесь, на Кампо ди Фьори,
Сжигали Джордано Бруно,
Палач в кольце любопытных
Мелко крестил огонь,
Но только угасло пламя —
И снова шумели таверны,
Корзины маслин и лимонов
Покачивались на головах.

Я вспомнил Кампо ди Фьори
В Варшаве, у карусели,
В погожий весенний вечер,
Под звуки польки лихой.
Залпы за стенами гетто
Глушила лихая полька,
И подлетали пары
В весеннюю теплую синь.

А ветер с домов горящих
Сносил голубками хлопья,
И едущие на карусели
Ловили их на лету.
Трепал он девушкам юбки,
Тот ветер с домов горящих,
Смеялись веселые толпы
В варшавский праздничный день.

Мораль извлекая, скажут,
Что римляне ли, варшавяне
Торгуют, смеются, любят
Близ мученического костра.
Другие, возможно, скажут
О бренности мира людского,
О том, что забвенье приходит
Прежде, чем пламень угас.

Я же тогда подумал
Об одиночестве в смерти,
О том, что, когда Джордано
Восходил на костер,
Не нашел ни единого слова
С человечеством попрощаться,
С человечеством, что оставалось,
В человеческом языке.

Спешили хлебнуть винишка,
Торговать мясом осьминогов,
Корзины маслин и лимонов
Плыли в шуме толпы.
И он был от них далеким,
Как будто прошли столетья,
А им и мгновенья хватило
Взглянуть на последний взлет.

И эти — одни в своей смерти,
Уже забытые миром.
Как голос дальней планеты,
Язык наш уже им чужд.
Когда-то всё станет легендой,
Тогда, через многие годы,
На новом Кампо ди Фьори
Поэт разожжет мятеж.

Варшава — Страстная неделя, 1943
Перевод Натальи Горбаневской

БЕДНЫЙ ХРИСТИАНИН СМОТРИТ НА ГЕТТО

*Пчелы обжигают красные потроха,
Муравьи обжигают черные кости,
Начало распарыванья и растаптыванья шелка,
Начало дробленья стекла, дерева, меди, никеля, серебра,
Воздушного гипса, струн и духовых инструментов, хрусталя —
Пых! Фосфорическое пламя с желтой стены
Облизывает волосы людей и животных.*

*Пчелы обжигают каморки легких,
Муравьи обжигают белые кости,
Не выдерживает бумага, резина, шерсть, мешковина, лен,
Материя, хрящ, клетчатка, проволока, зменная кожа,
Занялась и осела крыша, стены, оплавлен фундамент,
Осталась вытопанная, песчаная, с обугленными стволами без листьев
Земля.*

*Роя туннель, медленно движется крот-охранник
С маленькой красной мигалкой на лбу.
Обследует закопанные тела, считает, пробирается дальше,
Различая человеческий пепел по цвету окалины,
Пепел каждого по радужным испареньям.
Пчелы обжигают алые колеи,
Муравьи обжигают след моего тела.*

*Боюсь, очень боюсь жандарма-крота.
Его мешков под глазами, как у патриарха,
Сживавшего часто при блеске свечей,
Почитывая великую книгу судеб.*

*Что скажу ему — я, Жид Нового Благовещения,
Две тысячи лет надеющийся на возвращенье Христа?
Мой изувеченный труп откроется его взору,
Дав повод числить меня среди прислужников смерти:
Необрезанных.*

Перевод Сергея Морейно

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО, ЧТО ОСТАЕТСЯ

«Campo di Fiori» 50 лет спустя

Неопубликованная беседа Яна Блонского, Чеслава Милоша, Ежи Туровича и Марека Эдельмана в связи с 50-й годовщиной восстания в варшавском гетто

Публикуемая беседа была записана на магнитофон, по всей видимости, в 1993 г. в библиотеке издательства «Знак». Запись делалась с мыслью использовать ее в документальном фильме о возвращении Чеслава Милоша на родину, но не была включена в фильм по техническим причинам, а кассета с записью «утонула» в домашнем архиве.

Я нашла ее случайно два года назад [в 2003 г.], еще при жизни Чеслава Милоша, списала текст и дала ему на авторизацию. По этому случаю мы с ним говорили о разных вариантах стихотворения «Campo di Fiori». Тема восприятия этого стихотворения волновала его не меньше, чем за десять лет до этого.

В начале разговора Чеслав Милош, Ян Блонский и Ежи Турович обсуждают разные варианты «Campo di Fiori». Автор склонен считать, что на читателя сильнее воздействует первый вариант, напечатанный в подпольном сборнике «Из бездны. Стихотворения» (ред. Е. Вайделота [Т. Сарнецкий], Варшава, ЕКН [Еврейский национальный комитет], 1944). В сборнике «Спасение» (1945) поэт поместил «модифицированный» вариант текста, который, вопреки мнениям, высказанным в ходе данной беседы, признал окончательным и обязательным, включив его в первый том «Стихотворений», критического издания, подготовленного издательством «Знак». Как говорится в редакторском примечании, текст стихотворения особо обсуждался с автором. Для постороннего читателя различия двух вариантов не так уж сильны; автор придавал им такое большое значение, думаю, не по формальным или художественным причинам. Тема восстания в гетто оставалась для него чрезвычайно важной и болезненной до конца жизни.

Иоанна Громек-Ильг

Ян Блонский: Среди стихотворений Чеслава Милоша есть одно, занимающее особое место в творчестве поэта, — «Campo di Fiori». Особое, потому что это первый отклик польской литературы на Катастрофу и на восстание в варшавском гетто. Восстание заставило людей осознать, что цель немцев — тотальное истребление евреев. Еще и тем необыкновенно это стихотворение, что это вообще один из немногих откликов польской литературы на эти страшные события. Оно основано на контрасте между каруселью, на которой люди веселились у стены гетто, и немецкой осадой повстанцев, боями, идущими за стеной. Построенное на этом контрасте стихотворение говорит также об одиночестве всех погибающих, возвращается к Джордано Бруно, сожженному на костре. Могли бы мы узнать, какое конкретно событие побудило поэта написать «Campo di Fiori»?

Чеслав Милош: Это стихотворение, как и некоторые другие, порожденные нравственным возмущением, гневом, было исторгнуто из меня ходом обстоятельств. Я ехал к Ежи Анджеевскому, который жил на Белянах. Трамвайная линия проходила как раз там, где стояла карусель и где были слышны выстрелы обороняющихся повстанцев. Был трамвайный затор, и я долго смотрел на то, что там делалось. Под натиском эмоций я сразу написал эти стихи. Анджеевский написал рассказ «Страстная суббота». В доме Анджеевского находились евреи, которые переживали, что они не в гетто. Анджеевский показал эту ситуацию в своем рассказе. Мои стихи были напечатаны в маленькой антологии «Из бездны», которая вышла через год после восстания в гетто, в апреле 1944 г., и потом сразу были перепечатаны в Нью-Йорке.

У стихотворения были разные варианты, так как я потерял контроль над переписывавшимися и расходившимися копиями. Есть такая книга Натана Гросса «Поэты и Шоа. Образ уничтожения евреев в польской литературе» — там, в главе «История одного стихотворения», показано, как расходились различные варианты. Я переписывался с автором, слегка защищая другие варианты. Но наконец, когда Гросс был этим летом в Кракове, я после разговора с ним согласился, что первый вариант был правильнее, а моя позднейшая поправка — ненужной. Я это признал.

Какой вариант был первоначальным? Тот, что напечатан в сборнике «Из бездны» еще во время войны; следующий вариант появился в антологии «Песнь уйдет спасенной», составленной Михалом Борвичем сразу после войны. После разговора с Натаном Гроссом я в позднейших изданиях восстановил первоначальный текст. В чем состояла разница? За несущественными мелочами, довольно существенное изменение касалось строк о Джордано Бруно¹:

*Я, однако, тогда думал
об одиночестве погибающих,
о том, что когда Джордано Бруно
восходил на леса [т.е. на костер],
не было в человеческом языке
ни одного выражения [= слова],
чтобы он что-то сумел сказать
человечеству, которое остается.*

В первоначальном же варианте было:

*...не нашел ни на одном языке
ни одного выражения,
чтобы им попрощаться с человечеством,
с тем человечеством, что остается.*²

¹ Для того, чтобы читателю было ясно все обсуждаемое, отрывки из «Campo di Fiori» в тексте беседы приводим в дословном переводе. — *Здесь и далее прим. Н. Горбаневской.*

² Читатель может заметить, что в моем переводе эти четыре строки соответствуют скорее первоначальному варианту. Между тем, переводя в 1982 г. стихотворение, я о вариантах ничего не знала, пользовалась же лондонским изданием стихов Милоша конца 60-х (еще в Москве полученным мною от автора). Видимо, по крайней мере в этом издании поэт восстановил эти строки так, как они были написаны с самого начала.

Этот первый вариант сильнее, правда?

Ян Блонский: Куда сильнее, естественно.

Чеслав Милош: И я это восстановил. Кроме того в самом конце Гросс усомнился в варианте:

*И эти, погибающие, одинокие,
уже забыты миром
Язык наш стал им чужим [= чужим,
чуждым, но также иностранным],
как язык давней планеты.*

В некоторых вариантах: «язык их стал нам чужим».

*Пока все не станет легендой,
и тогда, через много лет,
на новом Кампо ди Фьори
бунт разожжет слово поэта.*

Он напомнил, что в первоначальном варианте было:

*на великом Кампо ди Фьори
бунт разожжет слово поэта.*

Это лучше, правда?

Ежи Турович: Разумеется.

Ян Блонский: Это значит, что весь мир — Кампо ди Фьори, и поэт разожжет бунт во всем мире. Однако содержание этого стихотворения подвергалось сомнениям — например, некоторые утверждали, что этих каруселей не было. Я, хоть и был маленьким мальчиком, видел эти карусели, когда ходил пешком из Старого города на Жolibож. Отлично помню карусель, стоявшую у стены гетто: возле нее играла шарманка, а из-за стены были слышны выстрелы.

Чеслав Милош: Очень странное чувство — быть поэтом, который написал такое стихотворение, как бы исторгнутое из него, как бы наперекор его прежнему творчеству. Я не хочу изображать из себя моралиста, человека, который судит других. Разумеется, я ощущаю себя написавшим эти стихи. Но они были исторгнуты из моей судьбы, правда?

Ян Блонский: В этом стихотворении ты говорил об одиночестве погибающих. Это сразу ставит некую проблему: обращено ли это стихотворение в каком-то смысле против польского общества с обвинением в равнодушии? Евреи здесь по-

кинуты, оставлены в одиночестве. Любопытно, как ты, Чеслав, это видишь и как вы (Мареку Эдельману) это видите?

Чеслав Милош: Для меня одиночество было тут важнейшим элементом. Одиночество погибающих. Отсюда, кстати, и взялся этот образ Джордано Бруно. Я не знаю, откуда он пришел — тут не было ничего философского, не то чтобы Джордано Бруно был для меня героем борьбы за свободу мысли. Я помню Кампо ди Фьори, то место, где Джордано Бруно сожгли, и то неустанное движение торгующей человеческой массы, веселящейся рядом.

Ян Блонский: Меня интересует, дошло ли это стихотворение до евреев и когда?

Марек Эдельман: Это не так просто. Дошло, но не сразу. Однако вернемся еще к карусели — это с самого начала безумно важный вопрос. Потому что это было так: надо отдавать себе отчет в том, что, например, власти польского подпольного государства, подчинявшиеся Лондону, и даже коммунистические — не хотели восстания в гетто. Они боялись, что это восстание перекинется на всю Варшаву. И генерал Грот³, не стесняясь, сказал: «Господа, этого восстания не будет, так как мы вам не поможем, мы боимся. Слишком рано». У нас с ним никогда не было прямого контакта. Были два посредника: начальник еврейского сектора АК Генрик Волинский и Александр Каминский⁴, автор «Камней на реду»⁵; они были нашими доверенными лицами. В этом трагическом разговоре между АК и Еврейской боевой организацией, который шел через посредников, было сказано: «Вы не можете это сделать». А во-вторых: «У нас к вам нет доверия, оружия у нас мало, и мы вам не дадим». Вот это было одно одиночество. Не буду рассказывать предысторию, когда различные группировки, ППС [Польская социалистическая партия] и другие, хотели поднять восстание, но все они были подвзя-

ны под лондонскую философию: не начинать слишком рано. Не могу рассказать все эти ужасы: например, единственный револьвер, который был в гетто до начала восстания, был получен от коммунистов. Такой мерзкий коммунист Витольд Юзвяк⁵ принес в гетто свой револьвер. И первый выстрел был сделан из этого револьвера. Мы сами покупали оружие у немцев на Керцеляке и Праге за большие деньги. Это тоже было одиночество — никто нам не помог.

Одиночество началось намного раньше. 18 января раздались первые выстрелы в гетто и погибли два-три немца — это стало двигателем операции у Арсенала⁶. Если б не то, что первый немец пал в открытом бою, этой операции никогда бы не было. Это говорят все — Каминский, Орша, — что ореол немецкой каски был уничтожен. Во время самого восстания АК нам уже помогала, давала оружие и т.п. Но поймите, АК мобилизовала три батальона напротив гетто, и на протяжении трех недель никто нам об этом не сказал. Они никогда не хотели поддерживать с нами связь. В первый день восстания в гетто эта карусель была, но не крутилась. Начала она крутиться только на второй день, и в этом было нечто трагическое. В окна было видно, как она крутится, шарманка играет, юбки у девушек, красные и голубые в горошек, развеваются на ветру. Это мы видели из окон, и это было нашим проклятьем. Тут горит и убивают, а там все смеются и веселятся.

Ян Блонский: Это ужасающая картина. Здесь возникает проблема одиночества, проблема какого-то исторического отстояния, проблема непонимания, расхождения польского и еврейского общества...

³ Генерал Стефан Ровецкий («Грот») — командующий Армией Крайовой. Арестован и расстрелян в 1943 году.

⁴ Александр Каминский (1903-1978) — многолетний деятель харцерского (скаутского) движения, где до войны он, в частности, возглавлял сектор дружин национальных меньшинств и ЦК Союза еврейских харцерских дружин. В АК был редактором ее главного печатного органа — «Информационного бюллетеня», начальником организации малого саботажа. Книга «Камни на реду» издана подпольно в 1943 г. под псевдонимом. В 1947-1956 гг. подвергался политическим гонениям.

⁵ Францишек Юзвяк («Витольд») (1895-1966), коммунист, в 1939-1942 гг. в СССР, в 1942-1944 гг. начальник штаба коммунистической Гвардии Людовой, ставшей затем Армией Людовой (но оставшейся в сравнении с АК весьма малочисленной), член секретариата ЦК ППР (Польской рабочей партии); в 1948-1956 гг. член политбюро ЦК ПОРП, в 1944-1949 гг. главный комендант гражданской милиции, а с 1945-го — замминистра госбезопасности; до 1956 г. занимал другие крупные партийные и государственные посты.

⁶ 18-21 января немцы начали проводить второй этап депортации населения варшавского гетто и, впервые натолкнувшись на вооруженное сопротивление, прервали его, не доведя до конца.

Марек Эдельман: Это не проблема расхождения. Надо бы посмотреть на это совершенно иначе. Во время оккупации люди, закрытые в гетто, были людьми второго сорта. Не только для немцев, а для всех. Если четыреста тысяч людей можно закрыть, если их могут есть вши, если они могут умирать с голоду и ничего не могут поделать, то это недочеловеки. Кстати, Рузвельт так прямо и сказал делегации, которая пришла к нему: да, это правда, что их уничтожают, но не пишете, что убили сто тысяч — эта цифра никого не трогает. Напишите, что маленькую Машу, длинноносую и большеглазую, убили два немца. Это подействует на умы. Но когда погибают тысячи, тысячи каждый день, на глазах у людей, — это становится банальностью.

Чеслав Милош: Немцы хотели, чтобы жертвы не считались людьми. Помню, когда в Варшаве закрывали гетто, то на стенах были надписи: «Евреи, вши, сыпной тиф», — эти слова соединились подряд.

Ян Блонский: Стихотворение «Campo di Fiori» было не только воздаянием почестей или выражением ужаса — оно ставило также вопрос об отношениях между польским и еврейским обществом.

Марек Эдельман: Эти стихи были таким же знаменем, каким была «Воздушная тревога» Антония Слонимского в 1939 году. Я получил стихотворение Милоша случайно от Мицнера, который занимался вопросами перепечатки. Несмотря на большие трудности мы послали копию стихов в лес [еврейским партизанам]. И что же эти парни, которые погибали от рук тех или иных, не будем говорить об этом в подробностях, — сказали? «Наконец-то нас кто-то заметил». Это было самое главное. Гайцы не написал бы такого стихотворения, понимаете? Это был хороший поэт, но никогда таких стихов не написал бы, потому что он презирал этих людей. Вы понимаете, о чем я говорю? Мы искали людей, которые нас не презирают. Мы были грязные, вшивые, и все-таки каждый говорил и дунал как человек.

Чеслав Милош: Я сказал, что эти стихи были из меня исторгнуты, но, разумеется, моя довоенная политическая позиция существенно влияла на то, что я писал во время оккупации. Когда идеализируют довоенную Польшу, то за-

бывают, например, о деятельности желтой прессы, об антисемитских движениях, о журнале «Просто з мосту»⁷...

Марек Эдельман: О великих поэтах...

Ян Блонский: Это все знают. Но глобально надо сказать, что если бы все поляки так относились к евреям, как поэты, то все было бы не так плохо. В этой профессии было сравнительно мало антисемитов.

Марек Эдельман: Не хотел бы я быть солдатом у Гайцы...

Ян Блонский: Ну да, Гайцы был связан с ОНР-Фалангой⁸.

Чеслав Милош: Я, конечно, знал этих юношей, знал Гайцы и считал, что их идеи совершенно безумны. Но всегда предполагаешь, что они были очень молоды и если бы выжили, то переменили бы взгляды.

Ежи Турович: Я считаю, что, независимо от своей художественной ценности, это стихотворение Чеслава Милоша имело огромное значение, потому что впервые затронуло самую суть вопроса об отношении польского общества к массовому уничтожению евреев.

Марек Эдельман: А не самую суть вопроса о жизни?

Ежи Турович: И это тоже. Но я говорю о другом — о том, что и по сей день остается злободневным и поднимается в дискуссиях и полемике. Мы знаем, что даже сегодня поляков, польское общество обвиняют в доле ответственности за массовое уничтожение евреев. Говорят, что лагеря массового уничтожения возникли в Польше, потому что поляки были антисемитами. Мы знаем, что это обвинение несправедливо. Лагеря уничтожения были устроены в Польше, потому что здесь было крупнейшее в Европе сосредоточение евреев, и, раз они были предназначены на уничтожение, то перевозить их куда-то не имело смысла. Во-вторых, немцы хотели все-таки по мере возможности сохранить это в тайне от западного мира, а Польша была отделена от Запада Третьим Рейхом.

⁷ Журнал крайне правой национал-демократической ориентации.

⁸ Возглавляемая Болеславом Пясецким полуфашистская организация, отколовшаяся от крайне правых сил и до войны подвергшаяся запрету. Во время оккупации к ОНР-Фаланге были близки молодые варшавские поэты из группы «Искусство и нация»: Тадеуш Гайцы, Анджей Тшебинский и др. (подробнее о них см. «Новую Польшу», 2004, №10).

Зато, разумеется, если бы мы захотели сказать, что на поляках не лежит доля ответственности, то вопрос не так прост. Знаменитая статья Яна Блонского «Бедные поляки смотрят на гетто», опубликованная в «Тыжднике повшехном» и тоже обращающаяся к стихотворению Милоша, показывает вину значительной части польского общества, состоящую в равнодушии. Мы знаем, что люди, восприимчивые к чужому несчастью, люди, которые пробовали что-то делать, спасать евреев, были в меньшинстве. Зато немалая часть общества сохраняла равнодушие, мотивируя это либо словами: «Это нас не касается», — либо так: «Немцы истребляют евреев, но нас тоже истребляют». Они проводили это сравнение, но сравнивали совершенно несравнимые ситуации — несмотря на все жертвы, понесенные польским народом. Или даже так: «Теперь истребляют евреев, а потом истребят нас». Тому, что это суждение верно, тоже нет доказательств. Карусель у стены гетто была крайне красноречивым образом этого равнодушия. Впрочем, если бы ее и не было, это вовсе не означает, что удалось бы спасти больше евреев. Может быть, и больше, но все равно немногих. Потому что какие же были возможности спасти евреев, скажем, в восточной Польше, в маленьком местечке, где было 80% евреев, хасидов, часто не говоривших по-польски? Там возможности спасения были близки к нулю. Огромное большинство общества было действительно бессильно и беспомощно. Но равнодушие — не говоря уже о крайних случаях, надеюсь, все-таки немногочисленных, о людях, которые были довольны, что руками Гитлера еврейский вопрос в Польше будет решен, — это равнодушие остается какой-то виной. И думаю, что стихотворение «Campo di Fiogi» показало, какого рода вызов бросает массовое уничтожение евреев совести — и христианской, и человеческой совести как таковой.

Ян Блонский: Я думаю, что это еще сильнее видно в другом стихотворении Чеслава Милоша того же периода и тоже посвященного евреям —

«Бедный христианин смотрит на гетто». Эти стихи в первый момент выглядят весьма загадочными, потому что представляют картину руин, в которых лежат убитые — среди развалин, среди остатков своего жилья. В этом странном подземелье, в этом Аиде появляется сторож-крот с маленьким фонариком на лбу. Поэт сравнивает этого крота с патриархом, то есть это как будто кто-то, явившийся с того света, — может, пророк, может, еврейский пророк. И теперь он считает, считает, смотрит, он всё знает и смотрит, лежат ли там только обрезанные или вместе с ними и необрезанные. А необрезанные — это немцы. Тот, кто все это говорит, герой стихотворения, страшно боится, что он тоже мог бы там лежать и тогда патриарх счел бы его тоже за немца, за палача, за убийцу...

Чеслав Милош: Деление на христиан и евреев...

Ян Блонский: Он опасается, что его как христианина могли бы зачислить в помощники смерти.

Чеслав Милош: Вполне.

Ян Блонский: Для меня это стихотворение было, пожалуй, еще более поразительным, чем «Campo di Fiogi». В «Campo di Fiogi» есть такой блеск, это «итальянские» стихи, а «Бедный христианин» затрагивает сильнее.

Чеслав Милош: Должен сказать, что у меня есть некоторые трудности нравственного порядка. Я гляжу на этот вопрос с другой точки зрения, потому что живу постоянно не в Польше, а в Америке. Во всяком случае до недавних пор жил. На авторских вечерах в Америке я не читаю эти стихотворения из-за общераспространенного там мнения, что поляки — антисемиты. Читать эти стихи — это в некотором роде подыгрывать американцам. Эти мои чувства можно считать угрызениями совести либо нравственного, либо эстетического порядка. И, глядя с американской точки зрения, я пытаюсь понять, что думают о тех временах люди в Польше. Я не могу понять феномен антисемитизма без евреев, не могу этого в Польше понять.

TYGODNIK POWSZECHNY

Владислав Шленгель

Перевод
Натальи Горбаневской

ОКНО НА ТУ СТОРОНУ

Окно мое — на ту сторону,
еврейские наглые окна,
на парк прекрасный Красинского,
где листья осенние мокнут...
Под вечер серо-сиреневый
шлюют ветки поклон поблёлло,
и смотрят деревья арийские
в мои еврейские стекла.
Стоять у окна не положено
(и правильно запретили)
кроты... червяки еврейские...
обязаны быть слепыми.
Пускай по норам усядутся,
в работу уставясь оком,
и прочь от глазенья на улицу
и от еврейских окон...
А я... когда ночь опускается,
стерев и фонтан, и аллею...
кидаюсь к окошку темному
глядеть... и жадно глазею...
Ворую Варшаву угасшую,
невнятного шума охапки,
домов и углов очертания
и башенок дальних кульпяпки...
Краду силуэты ратуши,
топчу тротуар Театральной,
и месяц-вахмайстер выставлен
на стрёме сентиментальной...
Впивается взгляд прожорливо,
как ножиком, ночи в горло,
в варшавскую полночь молчащую,
в мой затемненный город...
Когда ж наляжусь достаточно
на завтра, а может, на доле...
прощаюсь с молчащим городом
волшебным взмахом ладони...
и тихо шепчу зажмурясь:
— Варшава, откликнись... я чаю...

И все фортепьяно всех улиц
подымают крышки молчанья...
и сами на взмах подымаются,
и тягот полны, и печалей,
и в ночь... полонез шопеновский
плывет из сотни роялей...
Взывают ко мне клавикорды
в тишине, среди мук занемелых,
плывут среди ночи аккорды
от клавиш смертельно-белых.
Конец, опускаю руки...
умолк полонез оборванный...
И я умолкаю и думаю:
зачем мне окно на ту сторону...

Владислав Шленгель (1914-1943) до войны был связан с сатирическими журналами и кабаре. В сентябре 1939 г. принимал участие в оборонительной войне. В варшавском гетто руководил кабаре в кафе «Штука» («Искусство»), где вел программу «Живая газета». Погиб в бою во время восстания в гетто — в апреле 1943 года. Его лирические и сатирические стихотворения составили сборник «Что я читал умершим» (Варшава, 1977).

Януш Корчак

Перевод Юрия Зимана

ДНЕВНИК

Отрывки

21 июля [19]42

Завтра мне исполняется не то шестьдесят три, не то шестьдесят четыре. Отец два года оформлял мою метрику. Из-за этого мне пришлось пережить несколько тяжелых моментов. Мама называла это недопустимой халатностью: уж будучи адвокатом, он никак не должен был оттягивать выписку метрики.

Зовусь я по деду, а имя деда — Герш (Гирш) [Гольдшмит]. Отец имел право назвать меня Генриком, так как сам получил имя Юзеф. И других детей дед называл христианскими именами: Мария, Магдалена, Людвик, Якуб, Кароль. И все же отец колебался и тянул¹.

Я должен уделить отцу особое место: в своей жизни я реализую то, к чему стремился он, к чему так мучительно столько лет стремился дед.

И мать. О ней как-нибудь потом. Во мне — и мать, и отец. Именно благодаря этому я многое знаю и понимаю.

А прадед был стекольщиком. Я рад этому: стекло приносит свет и тепло.

Тяжелое это дело — родиться и научиться жить. Теперь мне остается куда более легкая задача — умереть. После смерти может быть снова тяжело, но об этом я не думаю. Последний год, либо месяц, либо час.

Хотелось бы мне умереть, сознавая происходящее и не теряя самообладания. Еще не знаю, что я сказал бы детям в этот момент. А хотел бы сказать многое и так, чтобы они знали, что имеют полную свободу в выборе своего пути.

Десять часов. Выстрелы: один, два, несколько, два, один, несколько. Может быть, это именно мое окно плохо затемнено?

Но я не прерываюсь и продолжаю писать.

Даже наоборот: острее (одиночный выстрел) становится мысль.

1 августа 1942

Когда картофельная ботва слишком буйно разрасталась, по ней проезжал тяжелый каток и дробил ее, чтобы у клубней в земле было время лучше созреть.

Читал ли Марк Аврелий притчи царя Соломона? Как успокаивающе действуют его мемуары.

Некоторых отдельных людей я порой ненавижу, а может быть, лишь стараюсь с ними бороться.

Речь идет о таких, как Х[...] и Г[...]. Я даже не склонен винить немцев: они работают, вернее, планируют логично и эффективно и должны злиться, когда им мешают. И притом мешают по-глупому.

И я тоже им мешаю. Они еще снисходительны. Они только «хватают» и приказывают мне оставаться на месте — не толкаться на улицах, не путаться под ногами.

Они делают мне добро, ибо, слоняясь, я могу поймать случайную пулю. А так я чувствую себя в безопасности, защищенный стенами, и могу спокойно и сосредоточенно наблюдать и размышлять — строить цепочки умозаключений.

И я строю.

¹ Этот факт еще раз свидетельствует, что отца Корчака огорчало отступление от еврейских национальных традиций.

*

В местечке Мышинец остался старый слепой еврей².

Он брел, опираясь на палку, среди телег, лошадей, казаков и пушек. Какая жестокость — бросить слепого старика!

Они хотели его забрать, — говорит Настя. — А он уперся — не поеду: должен же кто-то присматривать за синагогой³.

Я познакомился с Насткой, помогая ей отыскать ведро, которое взял у нее солдат; должен был вернуть и не вернул.

Сам я — и слепой еврей, и Настка одновременно.

*

Мне так мягко и тепло в постели. Очень трудно будет встать. А сегодня суббота — по субботам с утра я взвешиваю детей, это делается еще до завтрака. Впервые, пожалуй, мне не интересно, каков будет результат недели. Должны прибавить в весе. Я не знаю, зачем вчера на ужин давали сырую морковь.

*

На месте старого Азрылевича у меня теперь молодой Юлек. У него водянка в боку. Уже по другой причине у него трудности с дыханием. Те же самые стоны, движения, жесты, обида на меня и самолюбивое желание артиста обратить на себя внимание; может быть, даже претензия ко мне, что я о нем не думаю.

Только сегодня, впервые за неделю, у Юлека была спокойная ночь. И у меня тоже.

*

И у меня тоже. С тех пор, как день стал приносить столько испытаний, тяжелых и печальных впечатлений, я совсем перестал видеть сны.

Закон равновесия.

День терзает — ночь успокаивает. День благополучный — ночь мучительная.

О перине я бы написал отдельную монографию.

Крестьянин и перина.

Пролетарий и перина.

*

Уже давно я не обращался к космосу⁴. Пробовал этой ночью — не получилось.

Я даже не знаю, что я сделал неправильно. Очищающее дыхание более или менее получилось. Но пальцы остались слабыми, через них не текла энергия.

...Верю ли я, что это что-то дает? Верю, но только не мне самому. Индия! Святая Индия!

*

Облик квартала меняется изо дня в день.

1. Тюрьма.

2. Районы со случаями чумы.

3. Дансинг.

4. Дом умалишенных.

5. Игорный дом. Монако. Ставка — жизнь.

*

Самое важное — что все это уже было.

Нищие, живущие между тюрьмой и больницей. Рабский труд: продажа не только мышечной энергии, но девичьей чести, гордости.

Попранные вера, семья, материнство.

² Этот кусочек — воспоминания Я. Корчака о временах I Мировой войны.

³ Еврейский молитвенный дом. В современных языках это слово употребляется также для обозначения еврейства в совокупности. На греческом языке, откуда это слово взято, оно означало собрание для нужд культа. Стало применяться исключительно к евреям после перевода Библии на греческий язык.

⁴ Речь идет о специальных упражнениях, история которых восходит к древним ритуалам Индии. В результате человек заряжался энергией из космоса.

Торговля всеми духовными ценностями. Биржа, где обозначено, почем сегодня совесть. Курс меняется — как сегодня цена на лук и на жизнь.

Дети живут в постоянном напряжении и страхе. «Придет еврей и тебя заберет». «Отдам тебя старику». «Посажу тебя в мешок».

Сиротство.

Старость. Ее унижение и общее падение нравов.

Когда-то считалось почетным заслужить, заработать старость. И то же самое с болезнью. Теперь в цене сила, здоровье, молодость. Теперь лишь у подлеца есть шансы дожить до седых волос.

Панна Эстерка [Виногравня].

Панна Эстерка не мечтает о веселой или легкой жизни. Она хочет лишь жить достойно, хочет прожить красивую жизнь. Ее последнее прощальное слово — постановка с детьми «Почты».

Если она не вернется к нам сюда и сейчас, мы обязательно встретимся с ней где-нибудь в другом месте. Я уверен, что все то время, пока ее нет с нами, она будет служить другим людям, — ведь и у нас она всегда дарила добро и умела быть полезной.

4 августа [1942]

1.

Я полил цветы, бедные растения сиротского приюта, растения еврейского сиротского приюта. Спекшаяся земля вздохнула.

За моей работой присматривал часовой. Раздражает его или умиляет это мое мирное занятие в шесть часов утра?

Стоит и смотрит. Широко расставил ноги.

2.

Все попытки вернуть Эстерку ни к чему не привели. Да я и не был уверен, окажу ли ей, в случае успеха, услугу или наврежу и обижу.

— Где она попала? — спрашивают. Может быть, это не она, а мы попались, оставшись здесь.

3.

Я написал в комиссариат, чтобы Адзю исключили: недоразвит и злостно недисциплинирован. Мы не можем из-за какой-то его выходки подвергать опасности весь Дом. Коллективная ответственность.

4.

Отправляем пока на Дзельную улицу тонну угля — к Розе Абрамович. Кто-то спрашивает, достаточно ли это место надежно для угля.

В ответ можно лишь улыбнуться.

5.

Пасмурное утро. Половина шестого. Как будто бы нормальное начало дня. Я говорю Ханне:

— Здравствуй!

Она отвечает удивленным взглядом.

Я прошу:

— Ну, улыбнись.

Бывают болезненные, бледные, чахоточные улыбки.

6.

Пили вы, господа офицеры, пили много и смачно, а ведь пили за кровь, танцуя, побренькивали орденами и тем самым отдавали честь позору, который, слепые, не видели, а вернее, прикидывались, что не видите.

7.

Участие мое в японской войне. Поражение — разгром.

В европейской войне поражение — разгром.

В мировой войне...

Я не знаю, как и кем чувствует себя солдат армии-победительницы.

8.

Все периодические издания, в которых я сотрудничал, закрыты, временно распущены, обанкротились⁵.

Мой издатель [Морткович], разорившись, покончил с собой.

И все это не потому, что я еврей, а потому, что я родился на Востоке.

Грустным могло бы быть утешение, что и надменному Западу не лучше.

Могло бы быть, но его нет. Я никому не желаю зла. Не умею. Не знаю, как это делается.

9.

Отче наш иже еси на небесех! Эту молитву изваяли голод и невзгоды. Хлеб наш насущный...

Хлеба.

Ведь то, что я переживаю, все это уже было. Было.

Продавали домашнюю утварь и одежду за литр керосина, килограмм крупы, стопку водки.

Когда один шустрый поляк доброжелательно расспрашивал меня в комендатуре полиции, как я выбрался из блокады, я спросил его, не мог бы он сделать «хоть что-нибудь» для Эстерки.

— Разумеется, нет.

Я поспешил сказать:

— Спасибо на добром слове. Эта благодарность — бескровное дитя нищеты и унижения.

10.

Я поливаю цветы. Моя лысина в окне — такая замечательная мишень.

У него карабин. Почему он стоит и спокойно смотрит?

Нет приказа.

Может быть, до военной службы он был сельским учителем, а может быть, нотариусом, подметальщиком улиц в Лейпциге или официантом в Кельне?

Интересно, что бы он сделал, кивни я ему головой? Махни ему дружески рукой?

А может быть, он даже не представляет, что все так, как оно есть?

Он ведь мог приехать только вчера и издалека...

Изд. СТАВ, Иерусалим, 1982

Януш Корчак (1877?-1942) — врач, педагог и писатель. Последние его записи — это «Дневник», который он вел в варшавском гетто почти до самого дня отправки в лагерь уничтожения. Это размышления о прожитой жизни, запись наблюдений и повседневных дел в сиротском приюте, который он возглавлял.

⁵ Речь идет о событиях, начавшихся еще в довоенные годы. В результате царских репрессий был закрыт журнал «Глос», затем сменившие его «Пшеглэнд сполечный» и «Сполеченьство». Такая же судьба постигла социалистические журналы «Ведза», «Святло» и др. Журнал «Промык» окончил свое короткое существование из-за финансовых трудностей.

Лев Лосев

ПАМЯТИ ЧЕСЛАВА МИЛОША

(Выступление по «Голосу Америки» 17 августа 2004)

С полгода назад я получил по электронной почте удивительное письмо. Содержание его было деловое и само по себе ординарное — касалось сотрудничества с одним польским журналом. Удивительно было другое. Во-первых, то, что электронной почтой пользуется 92-летний старец. Во-вторых, что Чеслав Милош вообще вспомнил про это мое сочинение.

Со смертью Милоша в минувшую пятницу от нас ушел не только великий поэт, но и один из последних великих людей XX века. Его ранние воспоминания относились к I Мировой войне. Он был участником сопротивления в годы II Мировой войны. Свидетелем Катастрофы, о чем тогда же, в 1943-м, написал поразительное стихотворения «Бедный христианин смотрит на гетто».

Как и многие совестливые люди его поколения, он, видевший своими глазами нищету и социальную несправедливость в Европе 20-30-х годов, с надеждой отнесся к обещаниям социалистического общества, но он же раньше, чем многие, осознал подлинную сущность нового порядка, принесенного в его страну на советских штыках. В 1951 г. он оставил пост культурного атташе посольства Польской Народной Республики во Франции и стал политическим эмигрантом. На следующий год вышла его книга «Порабощенный разум».

«Слепящая тьма» Артура Кестлера, «1984» Джорджа Орвелла, «Порабощенный разум» Чеслава Милоша, «Истоки тоталитаризма» Ханны Арендт, «Новый класс» Милована Джиласа, «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына — это не просто книги, это идеологические битвы. В этих баталиях на одной стороне была мощнейшая в истории человечества пропагандистская машина, поддерживаемая не только пятой колонной купленных «деятелей рабочего движения» и «защитников мира», но и филистерским благодушием недалёковидного западного обывателя. На другой стороне — одинокий интеллигент, вооруженный только пишущей машинкой.

Было бы преувеличением сказать, что горстка интеллигентов сокрушила «империю зла». Она рухнула под собственной тяжестью, поскольку не имела другого основания, кроме лжи и насилия. Но кто знает, сколько бы еще она простояла и сколько зла еще совершила, если бы не удары, нанесенные ей той славной когортой, к которой принадлежал Милош.

Не могу сказать, что я лично знал Милоша. Мне просто посчастливилось встретиться с ним несколько раз. Самая памятная для меня — первая встреча. Дело было зимой 1977 года. Я тогда еще и года не прожил в Америке, плохо разбирался в правилах здешнего этикета. Меня пригласили на прием в честь Чеслава Милоша в дом одного профессора Мичиганского университета и я, как мне потом деликатно намекнули, совершил faux pas — чуть ли не на целый час узурпировал почетного гостя. На таких мероприятиях полагается циркулировать, подойти с бокалом в руке, поприветствовать, поговорить пять-шесть минут и дрейфовать дальше.

Но, клянусь, я не один виноват, Милош тоже! Он что-то спросил меня о новых стихах нашего общего друга Иосифа Бродского. И я, отвечая, назвал имя Льва Шестова, поскольку как раз тогда впервые осознал, до какой степени мироощущение и даже стиль Бродского связаны с экзистенциализмом Шестова. Оказалось, что в интеллектуальном пантеоне Милоша Шестов — тоже одна из главных фигур. И Милош заговорил о Шестове, Бродском, русской и польской поэзии, я заслушался. Хозяин дома бросал на меня многозначительные взгляды и давал круги, если воспользоваться стихом Бродского, «как молодой дельфин вокруг хамсой наполненной фелюки».

Я тогда заканчивал аспирантуру Мичиганского университета и вскоре после этой встречи делал доклад об отношениях Пушкина с Мицкевичем. Как известно, «Медный всадник» был в значительной степени откликом на петербургские главы поэмы Мицкевича «Дядя». Как мне тогда казалось, оригинальной в моем докладе была мысль о том, что именно поэтическая полемика двух поэтов дала толчок развитию психологического реализма в русской литературе. Я показал доклад Милошу. И вот, как пишут в романах, прошло четверть века... В девяносто два года Милош помнит это мое сочинение и пишет мне из Кракова, чтобы я послал его в варшавский журнал!*

Я разыскал старый доклад и решил его в Польшу не посылать: слабое сочинение. Вместо этого мне захотелось послать Милошу одно стихотворение, но я все не решался. Теперь решаюсь. Это вольное переложение на русский его «Песенки о конце света», написанной шестьдесят лет тому назад, на руинах Варшавы.

В день, когда наконец наступил конец света,
Пчела кружилась над головкой клевера,
Рыбак чинил поблескивающую сеть,
Под желтым парусом шла шхуна с севера
И голос скрипки продолжал висеть
В вечернем воздухе. Переругивались, припрыгивали
И в луже дрыгались лихие воробьи,
А на углу друг дружку перекрикивали
Торговки, овощи нахваливая свои

В день, когда наконец наступил конец света.
А те, кто ждали грома, молнии, знаменья,
Земли разверзнутой, архангела с трубой,
Высказывали разочарование и сомнение:
Не может быть, он должен быть совсем другой —

День, когда наконец наступил конец света.
Не может быть, что мир совсем кончается,
Когда алкаш на травке спит с улыбкой до ушей,
Когда пчела на клевере качается
И бабы розовых рожают малышей.

Это еще не день, когда наконец наступил конец света.
А старику-пророку нынче не пророчится —
На огороде дел не перечесть!
И он ворчит: ну, а чего вам еще хочется?
Тут верь не верь, а это он и есть.

И другого конца света вам не будет.
И другого конца света вам не будет.

* По всей видимости, этот «варшавский журнал» — наша «Новая Польша». — *Ред.*

Лешек Бальцерович

МИР, ПОЛНЫЙ АСИММЕТРИИ

Мир полон асимметрии, которая, в частности, заключается в том, что создавать и продавать общественному мнению бредни гораздо легче, чем проверенные и документально подтвержденные теории. Это касается и обширной литературы, посвященной глобализации. Конечно, это не единственная тема. Скажем, Польшу в последние недели буквально захлестнула волна злобных бредней, касающихся приватизации. Но эту тему я оставлю на другой раз. Возвращаясь к глобализации, вспомню лишь для примера, что рецензент одной из польских газет, которая отнюдь не считается бульварной, восхвалял недавно научную компетентность канадки Наоми Кляйн, автора модных книг с исключительно высокой концентрацией умело препарированного абсурда.

В другой газете, тоже с неплохой репутацией, некоторое время назад выступил профессор Бенджамин Барбер, для которого «Макдональдс» и джихад — две стороны одной медали. Сейчас я как раз закончил читать замечательную книгу главного публициста «Файнэншл таймс» Мартина Вулфа «Why

Globalization Works» («Почему глобализация работает»). Благодаря огромной эрудиции, ясности стиля и аналитическим способностям автора эта публикация проясняет картину, замутненную создателями и распространителями бредней, доступно представляет последствия либерализации международной торговли и финансов, показывает отношения между государством и транснациональными корпорациями, демократией и рынком и т.п. Было бы неплохо, чтобы этот труд попал в руки польского читателя и хотя бы частично уравновесил поток антиглобалистской чуши.

Глобализация, или лекарство от изоляции

В популярных дискуссиях глобализация означает либо всё, что происходит в современном мире, либо всё существующее на планете зло. Само собой, такие определения делают невозможной какую-либо осмысленную дискуссию. В первом случае нам пришлось бы анализировать влияние всего на всё; во втором мы стали бы жертвами распространенной манипуляции, заключающейся в том, что доказываемый тезис с самого начала входит в число исходных посылок (таким было одно из последних решений нашего Сейма). Если мы хотим спорить о

глобализации по существу, следует определить ее как фактор, облегчающий установление контактов и заключение сделок между людьми из разных частей света и разных стран, в результате чего растет (в мировом масштабе) мобильность товаров, услуг, людей, капитала, информации, идей и т.п.

Итак, глобализация — это противоположность изоляции обществ. Человечество было на самом низком уровне глобализации, когда состояло из обособленных и маленьких первобытных племен. Во времена Александра Великого и Римской империи мир был уже гораздо более объединенным. Средние века означали возвращение к изоляции, из которой челове-

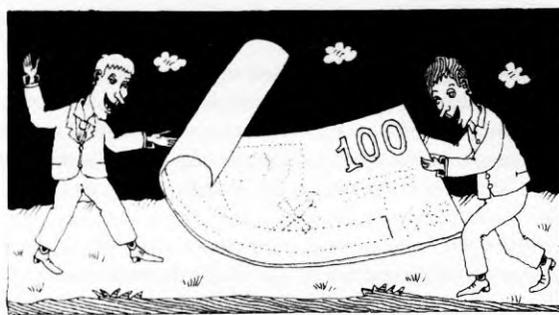

чество стало постепенно выходить, начиная со времен Возрождения. Беспрецедентный скачок глобализации произошел в 1850-1914 гг., однако затем распад системы золотой валюты и экспансия коммунизма и фашизма привели к новой мировой дезинтеграции.

В 1950 г. началась вторая волна глобализации, охват которой поначалу ограничивался только богатыми западными странами. Коммунистический блок и большинство стран Третьего мира предпочли изоляционистский социализм и все больше отставали от Запада. Лишь в 1980 г. многие бедные страны провели рыночные реформы и включились в процесс глобализации. Мартин Вулф показывает, как ускорялось развитие этих стран по сравнению с обществами, где господствовали антирыночные диктатуры. В первых в период с 1980 по 1997 г. ВВП на душу населения рос в среднем на 3,1% в год, во вторых — на 0,5%.

Глобализация, или лекарство от бедности

Вопреки тирадам антиглобалистов, причина нищеты в мире — не глобализация, а сохранение систем, подавляющих человеческую свободу, в том числе и свободу контактов с людьми из других стран. Самые антиглобалистские режимы — это Северная Корея, Бирма и Куба. Как это соотносится с лозунгами антиглобалистов?

Развитие бедных стран затруднено не избытком глобализации, а, наоборот, ее непоследовательностью по отношению к ним. Под влиянием отраслевых лобби богатых стран текстильные изделия и сельскохозяйственные продукты — особенно важные статьи экспорта стран Третьего мира —

талкиваются в богатом мире на особенно высокие барьеры. Например, пошлины на ввоз в США товаров из Бангладеш были такими же, как на французские товары, хотя французы экспортировали в США в 13 раз больше, чем бедный Бангладеш.

Особым проявлением «лицемерия богатых» — как это метко называет Мартин Вулф — стала защита собственного сельского хозяйства с помощью завышенных цен, а также связанных с ними субсидий и таможенных барьеров, которые ограничивают возможность экспорта, тем самым обрекая бедных фермеров из стран Третьего мира на прозябание. В 2001 г. в богатых странах дотации на сельское хозяйство были в шесть раз выше, чем вся их помощь странам Третьего мира. В 2000 г. в рамках сельскохозяйственной политики Евросоюз выделил на одну корову 913 долларов дотаций, в то время как на одного жителя Центральной и Южной Африки пришлось лишь по 8 долларов европейской помощи. В Японии эти цифры составили соответственно 2700 и 1,5 доллара.

Кто борется с глобализацией?

Мартин Вулф показывает, кто борется с глобализацией. Это, в частности, те люди, которые раньше во имя марксизма сражались со свободным рынком и капитализмом. Подавляющее большинство этих антикапиталистических идеологов живет в странах развитого капитализма и пользуется всеми его благами. В условиях капитализма антикапиталистический абсурд можно выгодно продать. Против глобализации, а значит, и против свободной торговли, выступают также отрасли и группы, которые боятся конкуренции, но, разумеется, прикрываются общественными или национальными интересами.

Наконец, есть еще крайние экологи, избравшие своим главным врагом современное развитие. А то, что лишь такое развитие дает шанс выбраться из нищеты сотням миллионов бедняков, — разве это важно?

Нина Тайлор-Терлецкая

ПЛАЧ ПО ЧОМБРОВУ

Дуэт бабушки и внуки

В мицкевичевской географии Чомбров занимает особое место. Дед поэта служил здесь экономом, мать Барбара держала аптеку, а госпожа помещица Анеля Узловская была крестной матерью будущего поэта. Трудно себе представить, что маленький Адаш не бегал по комнатам, не заглядывал в кладовки и буфеты, не пробовал разные маринады, копчености и варенья, не исследовал все углы и закутки.

Из Чомброва открывался вид на лес, окружающий озеро Свитезь. Семейные документы говорят, что некогда здесь стоял замок князей Туганов, а в парке по сей день видно взгорье Городищик — поросшее старыми дубами городище со следами рва и оборонительным валом. В Чомброве произошло и следующее: «Около 1817 года [на самом деле в 1821. — *Авт.*] в Новогрудском воеводстве гражданин У. побил в трактире целый гарнизон Новогрудка, а командиров взял в плен». В 1826 разорившиеся Узловские продали имение пришельцу из Полесья Казимежу Карповичу.

Имение, стоявшее на берегу ручья, на небольшом пригорке, с садом, рощей старых тополей, прудом и мельницей, обладало всеми данными для поэтической мифологизации пространства. Традиционное мнение, что имение в Чомброве послужило прообразом Соплицова, где разворачивается действие «Пана Тадеуша», настолько закрепилось в коллективной памяти, что в межвоенный период Чомбров стал Меккой школьных экскурсий. Здесь делались натурные съемки для довоенной картины «Пан Тадеуш» (1928) в постановке Рышарда Ордынского по сценарию Фердинанда Гетеля и Анджея Струга со Стефаном Ярачем в роли Наполеона. В ставнях были отверстия в форме сердечек, а семья продолжает спорить, были ли они вырезаны специально для фильма. Здесь семилетний умник, внук последнего владельца, гордо показывал гостям и дальней родне лавочку над яром, «где Зося с Тадеушем в первый раз поцеловались».

Об этой домашней идиллии недвусмысленно свидетельствуют «Чомбровские впечатления», которые много лет спустя, уже после войны написала Зофья Бжозовская, двоюродная сестра маленького умника (Быдгош, 1997). Одаренная феноменальной памятью, она запечатлела холмистый ландшафт и дворы, утопающие в зелени, воспроизвела расположение комнат, формы и положение мебели, гобеленов и картин, которых давно нет, семейный погост. Она вызвала из небытия запахи сада, где каждая яблоня приносила не такие яблоки, как соседняя, и всю вкусовую поэзию блинов, каких уже не готовят. Подробно припомнила, как ездили ременным дышлом в Столовичи, Хатичи, Миратичи, в Мондзин над речкой Нёвдой, в Молодов навестить дядю с теткой и двоюродных братьев и сестер. Запечатлела она и знаменательную деталь: на ее скромнейшее венчание (1942) — последнюю свадьбу в Чомброве — бывшие работники имения выстроили нечто вроде триумфальной арки: торжественно оплели ворота зеленью. Только закрыть ворота было нельзя: воротных полотен не было.

А не так давно вышли «Письма из Чомброва» (Пельплин, 2002), которые Мария Карпович, последняя госпожа помещица, которую все звали Бабушкой, писала в 1940-1944 гг. своему младшему сыну Витольду (Литеку): взятый в плен после сентябрьской кампании 1939 г., он провел войну в немецком лагере для военнопленных. Письма складываются в своеобразную летопись событий войны и оккупации в окрестностях Новогрудка.

Письма проверялись цензурой, поэтому Бабушка не всё называет прямо, пользуется разными сокращениями и прозвищами, пишет шифром, понятным только самым близким. На этом эзоповом языке под «годовщинами» разумеются аресты. «Он все ходит из угла в угол» означает сидеть в тюрьме. Быть «в другом месте» — высылка. Если кто-то «уже уехал» — значит, его депортировали, но если «на некоторое время уехал» или «сменил работу» — то ушел в партизаны. По безумной логике войны писать разрешалось только военнопленным, поэтому Литек, сидя в Вольдеберге (теперь Добегнево) был единственным связным между матерью под Новогрудком и старшими братьями и сестрами под Варшавой.

Цензура цензурой, но Бабушке явно не очень-то хотелось огорчать своего любимого «сынулю». Поэтому она пишет, что не голодно, все здоровы, сама она много ходит, сильна «как тур» (а страдала тяжелой анемией). Она проявляла невероятную энергию, самообладание, неугасающую готовность помогать людям. Сначала большевики выселили семью. В мае 1940 г. арестовали мужчин, в том числе ее мужа Кароля и самого старшего сына в Новогрудке, одного увезли в Омскую область, другого под Котлас. В июне 1941 г., когда немцы вошли в сожженную и разбомбленную Лиду, Бабушка чудом спаслась, однако в письме признавалась: «Была посреди ада».

Пока стоял день, угроза шла от немцев, а ночи принадлежали красным партизанам. В 1942 г. они сожгли овин. Бабушка пишет об этом крайне сдержанно. А в 1943-м пишет: «Мы все живы и здоровы. Нет уже только нашего старого семейного гнезда», потому что «сожгли наш прекрасный дом. Мало что удалось спасти: мало было на это времени».

Эти по-расиновски сжатые сведения дополняет Зофья Бжозовская, которая, восхваляя всю красоту тогдашней жизни, не обходит молчанием и самого жуткого ужаса насилия и убийств: «Под вечер 16 мая пришел в Чомбров отряд красных партизан, которые объявили домашним, что все имение будет сожжено. Столько было времени спасать имущество, сколько у поджигателей заняла подготовка пожара. Мы в спешке выносили наскоро связанные узелки, а партизаны вносили и рассыпали по полу солому. Мы собрались на газоне перед домом. Бабушка стала на колени и начала последний в Чомброве майский Богородичный молебен. «Царица мучеников, Царица исповедников, Царица Польши, молись о нас». И дом пылал, как огромная церковная свеча».

Семья еще помнит, как больше двух дней горела библиотека, уже сильно разграбленная: большевики во время ночных посещений делали себе из книжных (чаще всего из нотных, больших) листов факелы, чтобы освещать темный дом. Одна из двоюродных сестер через горящее окно прыгнула в гостиную, чтобы спасти прекрасное издание Священного Писания с иллюстрациями Гюстава Доре. Огоньки плясали на стропилах — зрелище было совершенно нереальным. Между тем Бабушка лаконично пишет (письмо от 30 августа того же года): «Чомбров выглядит настолько пережившим, что трудно узнать, что это Ч[омбров]». 23 января 1944: «От сада осталось только 10%. Остальное вымерзло и пошло на дрова». 28 марта 1944: «Чомбров теперь совершенно уродливый. Торчат развалины труб из дома, овина нет, конюшня разваливается (...). На погосте жуткие развалины».

Дедушка Кароль Карпович в годы своего хозяйствования был страстным собирателем жуков, энтузиастом искусственных удобрений и автором книги о Свитези как заповеднике природы. Бабушка в молодости переводила французские романы, писала рассказы для детей, вела общественно-просветительную деятельность среди окрестных жителей. Она открыла школу для деревенских детей, содействовала постройке нового костела в Валовке, руководила любительским театром, выступала за киносеансы на селе для распространения культуры.

Теперь, попивая желудевый кофе, она видит в пожаре имения акт милосердия Божия. (В соседней Воронче остался в живых только слепой сирота, так как, по большевистским обычаям, истребление жителей, как правило, предшествовало поджогу.) Поэтому «на каждом шагу видно, что мы в руке Божией». Из опыта войны она извлекла нравственные уроки. «Таким утешением преисполнилась и верой в милосердие Божие, что ничего не боюсь. В самом деле — эта война и все несчастья нужны были, чтобы человек научился молиться и дух свой вознес к Богу. А опеку Божию мы испытали столько раз, что я крепко верю: Бог нас и впредь не оставит».

Бабушка живет в ином измерении. Сыну она пишет: «Знаешь, больше всего я люблю ночь и тишину! Тогда все вы возле меня, мы сидим за столом, я вижу вас и слышу ваши разговоры так явственно, что совершенно забываю о действительности! (...) А когда настанет ночная тишина, сяду к сочельнику с вами, всеми моими! И будет мне очень весело и хорошо, потому что теперь я научилась жить в духовном мире сильнее, чем в реальном».

На востоке она потеряла мужа, старшего сына и старшего внука, который погиб под Сурконтами в отряде Мацея Каленкевича. Две сестры мужа, обе вдовы после советско-польской войны 1920 года, оказались в Архангельской области и в Казахстане. Из шести ее племянников самый старший воевал в 1919 г., будучи гимназистом-восемиклассником, потом скончался трагически; второй, приговоренный к 10 годам лагерей, умер на этапе; четвертый погиб в 1939 г. под Яворовом; пятый погиб в Катыни; третьему и шестому повезло больше: они вернулись на родину, десять лет отсидев в ГУЛАГе. Сынуля младшенький, сынуля любимый в войну остался жив. Был во 2-м корпусе в Италии, потом поселился в Лондоне. С матерью никогда больше не увиделся.

Этот дуэт бабушки и внучки представляет нам картину повседневной жизни на берегах Свитези во время двух оккупаций. Это такая редкость: мы видим картину помещицкой идиллии, нарисованную внучкой, и свидетельство постепенного, систематического опустошения, описание медленного истребления, одним словом — тринадцатую книгу «Пана Тадеуша», настоящий и последний конец. Зофья Бжозовская считала, что над ее семьей тяготеет особый рок. Скорее можно сказать, что такова была судьба сотен других помещицких имений, и зачислить ее по разряду извечной типологии судеб на восточных окраинах Польши. (Об одиссее их родственников из Анджейкова рассказывает Гражина Струмилло-Милов в книге «От Свитези вглубь тайги. Разговоры с моей матерью. Ольштын, 1990».)

В 1990 г. Зофья Бжозовская побывала в Чомброве — застала там старый амбар, газон, остатки липовой аллеи и два серебристых тополя, а в парке — беседку из семи лип. Бродя по кладбищу в поисках знакомых могил, она натолкнулась на следы обряда дзядов: «Могилы старательно огорожены, с лавочками для живых, кресты перевязаны рушником, обязательно с красным бантом. Были и низкие столики для покойников, прикрытые белым платком, на тарелках нарезанный хлеб и яблоки». «Письма из Чомброва» — письма безмерно частные, но в то же время и общественные, касающиеся нас всех. Как горькое, душераздирающее резюме можно сказать, что они складываются не в эпитафию, а скорее в отчет с фронта массового уничтожения — уничтожения некоей формы цивилизации, которой ничто уже не заменило ни материально, ни эстетически, ни морально.

Адам Мицкевич

Перевод
Святослава Свяцкого

ДВЕ БАЛЛАДЫ

СВИТЯЗЬ

Баллада

Михаилу Верещак

Когда посетишь Новогрудок старинный,
В Плужинский наведайся бор,
Коней осади у прибрежной равнины,
Чтоб бросить на озеро взор.

Спокойная гладь и светла и просторна,
Не скоро и глаз обоймет,
Близ берега лес поднимается черный,
А воды прозрачны как лед.

Порою ночью у тихих прибрежий
Засветится звездочек рой,
И в озере звезды увидишь ты те же,
Откроешь и месяц второй.

И кажется, воды уходят все выше.
Теряются где-то вдаль,
А небо хрустальной спускается крышей,
Сливается с краем земли.

Блуждаешь глазами средь заводи синей,
То вверх устремляясь, то вниз,
И мнится, что в призрачной этой пустыне
Ты как бы навеки завис.

В погожую ночь убедишься воочию:
Там нету ни верха, ни дна.
Но чтобы на это отважится ночью,
Немалая смелость нужна.

Близ озера в сумраке носятся черти
И рыскают призраки там.
Так старец рассказывал, старцу поверьте.
Я, вспомнив, дрожу по ночам.

Шум, говор, как в городе, жалобы, крики,
Из бездны пожары дымят,
Доносится грохот сражения дикий,
Проклятия, стоны, набат.

Но все умолкает: ни дыма, ни битвы.
Лишь ели над берегом скрип,
По озеру стелется шорох молитвы,
Доносится девичий всхлип.

Какое найти объяснение чуду?
Никто не спускался на дно.
Болтали... Да можно ли верить? Повсюду
И слухов и толков полно.

Хозяин тех мест, получивший от дедов
В наследие эти леса,
Задумал, озерные глубины изведав,
Проникнуть во все чудеса.

Богатый он был и не ведал сомнений,
Желал лишь достичь глубины.
Сплели ему невод на сорок саженей
Смолят и спускают челны.

Сказал я: «Без Бога начать хорошо ли?
Себя же введете вы в грех».
Приехал из Цырина ксендз и в костеле
Молились мы все за успех.

И ксендз в облачении стал над обрывом,
Людей окропил и суда.
Вот невод в движении неторопливом
Плеснул и вскипела вода.

А глубь-то... Не выдержат, кажется, снасти,
Исчезли уже поплавки,
Канаты, веревки порвутся на части.
Поймают ли что рыбаки?

И все-таки невод на берег втащили
С остатком озерной травы.
Редчайшее чудище мы изловили.
Скажу – не поверите вы.

А впрочем, не чудище в сети попало.
Там дивная дева была:
Лик нежен, а губы алей, чем кораллы
И волосом влажным светла.

По травам идет, по прибрежному лугу.
Глухая кругом тишина.
Сбежать бы, но мы онемели с испугу,
И речь начинает она:

«Узнайте, о юноши, и подивитесь!
Ведь тот, кто спускает ладью,
Чтоб разумом мерять бездонную Свитязь,
Находит в ней гибель свою.

Смельчак! С нами сила чужая не сладит,
Ни сети, ни вражье весло.
Однако был родичем нашим твой прадед,
Вас это от смерти спасло.

Вы так любопытны, что стоите кары,
Но Бог был защитой вам,
И я вам открою озерные чары
И тайну свою передам.

На месте, где нынче пески да болота,
Где густо разросся тростник,
Где лодка скользнет да промчится охота,
Там некогда город возник

Названием Свитязь. И силою бранной
И юных девиц красотой,
И мужеством князя, седого Тугана,
Был славен тот город быллой.

Где нынче с косулей вы встретитесь чуткой,
Там были поля, а вдали
Во мгле возвышались валы Новогрудка,
Столицы литовской земли.

Но храбрый Мендог был однажды в столице
В осаду взят русским царем.
Сумеет ли он от врага защититься?
Мы в страхе и трепете ждем.

«Спаси нас! – Мендог обратился к Тугану, –
Едва ли не всю свою рать
Услал я недавно в далекие страны.
Мне города не удержать».

Туган отозвался по первому слову,
Не зря был он славен в бою!
Пять тысяч бойцов поспешило по зову
С оружием в конном строю.

Протяжно запела труба боевая,
И знамя над князем плывет.
Но он возвратился и, руки ломая,
В тревоге стоит у ворот.

«О дочь, чтобы город спасти осажденный, –
Сказал он, – я войско веду.
Но Свитязь оставил я без обороны,
На вас навлеку я беду.

А если делить мне отряд, не сумею
Тогда я Мендогу помочь,
Уйду на сражение с конницей всею –
Кто вас защитит в эту ночь?»

«Отец, – отвечаю, – сомненья напрасны,
Вас подвиги ждут на войне.
Защитой будет нам ангел прекрасный,
Он нынче предстал мне во сне,

Он город обвил золотыми крылами,
Как молнию меч свой простер,
Сказал мне: «Пусть бьются литвины с врагами,
Их жен не коснется позор».

Послушал Туган, ускакал за дружиной.
Настала ночная пора.
И топот и лязг раздались над долиной,
Послышались крики «ура».

Тараны без усталости бьют по воротам,
От стрел почернел небосклон.
Все бросились в замок – последним оплотом
Он будет для дев и для жен.

«Спасайтесь! – вопят – не сдержат нам напора.
В проход навалите камней,
Друг друга уьем! Как еще от позора
Спаси нам себя и детей?»

Исполнены странного все иступленья,
Безумием светится взор.
Торопятся с факелом, вносят поленья,
Сокровища мечут в костер.

Кричат: «Тот предатель, кто смерти не хочет!»
Но как им рассудок вернуть?
Иные уж лезвия в ярости точат,
Иные подставили грудь.

Лишь миг – и взметнутся преступные руки...
Но что будет лучше для нас:
Позор ли принять или сгинуть без муки
Греховною смертью сейчас?

«О Боже, – взмолилась я, – будь нам опорой,
Молению слабых внемли,
Нас громом небесным спасти от позора,
Укрой нас в глубинах земли!»

Внезапно исчезла ночная завеса,
Мы белой окутаны мглой.
Вокруг посмотрела – ни замка, ни леса
И лишь пустота под ногой.

Так мы и спаслись. Видишь заводи эти?
В цветах водяные луга?
Ведь это же Свитязи жены и дети –
Пришли на свои берега.

Как бабочки в белой висят оболочке
Над легкой игрою зыбей,
Зимою под снегом свежи их листочки
И хвои они зеленей.

При жизни земной чистоты воплощенье,
По смерти невинности цвет,
Стыда не изведали и униженья,
Ушли от мученья и бед.

Царь это познал, испытали и слуги,
Когда, увидав лепестки,
Они пожелали украсить кольчуги,
Венками убрать шишаки.

Любой, кто протягивал дерзкую руку,
В озерные воды входил,
Себя обрекал на жестокую муку,
Рассудка лишался и сил.

Хоть в нашем краю не осталось преданий
О том, как спасен был Мендог,
Однако зовут и поныне крестьяне
«Царем» этот белый цветок».

Она удаляется, грохнуло в пуще,
Мы замерли, поражены.
Волной помутневшей, на берег идущей,
Потоплены наши челны.

И озеро вдруг разошлось в середине,
Вода расступилась до дна.
Глядим – в окаймленную пеной пучине
Пропала навеки она.

ТУКАЙ,

или

Испытание дружбы

Баллада в четырёх частях

I

Умираю, но без слёз.
Надо сбросить эти цепи.
Вот ты жив, а вот ты в склепе.
Боль свою навек унёс.
Я своим богатством славен –
Земли, замки, сто затей.
Щедрым был я для друзей.
А пиры? Кто был мне равен?
Мощь и блеск. О человек!
Где же замки, где же имя?
Всё прошло, всё скрылось в дыме.
Ах, недолог был мой век!
Я скитался в дальних странах,
Призрак мудрости ища
И нимало не ропща,
Рылся в формулах туманных.
Суть вещей. О человек!
Где же вы, учёность, имя?
Всё прошло, всё скрылось в дыме.
Ах, недолог был мой век!
Веру чтил, являлся в храме
Со смиренною мольбой,
И деньгами и дарами
Праздник провожал любой.
Добродетель, святость, имя –
Всё прошло, всё скрылось в дыме!

Набожность... О человек!
Мы твои игрушки, Боже.
Что ты дашь за верность нам?
Жизнь разрежешь пополам,
Взыщешь за любовь построже.
Милого ты милой дашь,
Смерть поставив в карауле...
Плакать, о друзья, могу ли?
Наша жизнь – такая блажь.

Так, томимый смертной мукой,
Меж друзей и меж родных
Угасал в постели Тукай.
Он закрыл глаза и стих.

Вдруг раздался гром, и в гrome
Стены замка разошлись.
Все глядят со страхом ввысь,
И пришелец стал в проломе:
Старец, точно лунь седой,
Испещряют лоб морщины,
Бородой колеблет длинной,
Подпирается клюкой.
«Тукай! – гаркнул. Тот с постели
Поднялся. – Со мной иди!»
Оба вихрем полетели,
Вот и замок позади.
Каплет дождь, глядит с прищуром
Месяц в прорези небес:
Озарит внезапно лес,
Скроется в тумане хмуром.
Мчатся мимо бочага,
Проскользнули по трясине.
Вот Гнилицы берега,
Лес над Колдычёвом¹ синий.
Сверху маковки светлы,
Снизу пни глядят сурово.
Появляется из млы
Каменистый холм – Жернова.

Но внезапно старец пал
На колени у могилы.
Трижды громко просвистал,
Трижды прокричал что силы
И сказал: «Вот наша цель,
Хатка за болотом, Тукай.
Там живёт старик Полель,
В дружбе, как и ты, с наукой.
Добродетель – твой удел,
Так Господь тебе велел.
Но тебе, увы, от Бога
Дней отпущено немного.
Впрочем, Тукай, не робей,
Я тебя утешу в горе,
Будешь жить ты для друзей
И бессмертным станешь вскоре.
Здесь вот, прямо на лугу,
Тайну я открыть могу.
Но учти, вас будет двое
Тайною владеть такую.
Выбери второго сам,
Чтоб сомнения не ведал,
Чтоб тебя в беде не предал.
Тайну я двоим отдам.
Верно выберешь – бессмертье.
Нет – утащат в пекло черти!»

¹ Название озера.

«О старик, твои слова
Непонятны. Если б снова...»
«То, что я сказал сперва,
Повторю: найди второго.
Сердце даст тебе совет,
Сделает подсказку разум.
Угадаешь или нет?
Смерть иль жизнь – и это разом.
А слуга не подойдёт?»

Но не отвечает Тукай.
Что тут может быть порукой?
Слуги предают господ.
«Может быть, твоя супруга
Иль любовница?» – «Да...нет...»
Как тут сразу дать ответ?
Мысль вращается с натугой.
«Да, любовница, жена...»
Так бормочет он со страхом.
Ах, пойдёт всё это прахом...
Женщина тут не годна.
Но решил. Ответить хочет.
Усомнился. Вновь бормочет...
«Так умри же! Как ты глуп!
Страсти на одну минуту.
Веришь ли ты хоть кому-то?
Превращаешься ты в труп».
Тукай думает: «Так кто же?
Друг, жена, слуга... О Боже...»
Тукай думает. Но вот
Разом небо почернело,
Разом чаша загудела,
Закипела глубь болот,
В пламени сверкают горы
И озёрные просторы,
Грохот, скрежет, свист вокруг.
И, окончив путь свой дальний,
Очутился Тукай в спальне
На руках у верных слуг,
Жив иль нет, цел иль калека...
Но в ушах звучит упрёк:
«Ты не выбрал человека,
Чтобы он тебе помог».

II

«Нет, я выбрал! – умирая,
Крикнул Тукай – есть такой!»
Снял немощ как рукой,
Искорка в глазах живая.
Поразились доктора:
Был он на краю могилы,
А теперь воскрес с утра.
Что ему вернуло силы?
Он нашёл на простыне
Грамоту из кожи бычьей.

«Этот бес блюдёт обычай, –
Тукай думает, – и мне
Договор пересылает».
Тукай грамоту читает:

«В нови месяца дождись,
В лес на гору поднимись.
Где навалены каменя,
Белые ищи коренья.
Чуя смерть, ты должен лечь
И велеть себя рассечь.
И кореньев тех отваром
Покропить, согласно чарам.
Смерть ты сможешь побороть,
Вновь твоя срастётся плоть.
Так, почувствовав охоту,
Сможешь воскресать без счёту.

Несколько под этим строк:
Перечень обыкновенный,
Как рубить и резать члены,
Как варить волшебный сок.
А пониже в заключенье
Важное предупрежденье:
«Помни, ежели твой друг
Выдаст наших зелий тайну
Или ежели случайно
Нас понять не сможет вдруг,
Иль разрубленное тело
Не успеет натереть,
То проиграно всё дело
И в аду тебе гореть.
Так доверься ж без изъятья!
Этот договор в ночи,
Подкрепив своей печатью,
Нашему послу вручи.
И не пробуй строить козни,
И не думай сеять розни.
Люцифером при кострах
В шабаш писано в Эребе.
Пользоваться при потребе.
Сверено: Хадраメラх».

Но смущён немного Тукай.
Сердится: условий тьма.
Тьфу! Не спятить бы с ума!
Лоб потёр. Такая штука...

Вновь взглянул на договор,
Две понюшки взял, чихает.
То опустит на пол взор,
То на потолок взирает.
Взвесил грамоту в руке,
Осмотрел, но как-то боком.
Снова стал читать в тоске,
Снова взвесил ненароком.

Стукнул кулаком о стол
И заскрежетал зубами.
Вскакивает вдруг: нашёл!
И в глазах сверкнуло пламя,
И рукою сделал взмах.
Нет, опять трепещет в муке
И заламывает руки,
Ненадолго вновь зачах.
Впрочем, это всё возможно:
Торговаться с чёртом сложно.

Значит, или вечно жить,
Иль терзаться адской мукой?
Время подошло. Как быть?
Шевелит губами Тукай.

Не готов ещё ответ,
Не постиг ещё он сути.
Он уходит в кабинет,
Чтобы в мудрости приюте
Договор перечитать.
Стиснул в кулаке печать.
Не пора ли в миске плоской
Растопить кусочки воска?
Чувствует, судьба его
Плавится в домашнем тигле.
Договора существо
Оценил ли он, постиг ли?
Режет воск он, свечку жжёт,
Чтобы, больше не лукавя,
Доводы смешать в расплаве.
Сам с собою речь ведёт:
«Я считаю: несомненно
У обмана, у измены,
Как на это не смотри,
Есть причины только три.
Изменяют ради денег
Иль с испугу, просто так,
А порой изменник – пленник
Льстивых и ничтожных врак.
Как ни бегай, как ни прыгай,
Как ни бейся над интригой,
Но причина в трёх словах:
Алчность, любопытство, страх.
Если сможет друг мой близкий
Искушенья отклонить,
Значит, речи нет о риске.
И дано мне вечно жить».

Тукай счастлив, что сомненье
Наконец прогнал он прочь,
Но греховное томленье
Он не в силах превозмочь.
Поздно, ночь уж наступила,
А в чернильнице-то грязь.

Взял две свечки, лил чернила
В две чернильницы, сердясь.
Ах, рука писать не хочет,
С волосинками перо,
А к тому же не остро,
И перо он ногтем точит.
Приступит пора к письму.
Он выводит: БЫТЬ ТОМУ.
Вот, сейчас, сейчас подпишет,
Начертал уж букву Т.
Головою в пустоте
И пером слегка колышет.
Ничего нет на листе.
Лишь прибавил в той же строчке
К букве Т четыре точки.

Осуждать его смешно
За медлительность, за вздохи,
Ибо знаем мы давно,
Что с чертями шутки плохи.

Изумился Тукай вдруг:
Буква Б в словечке БУДЕТ
Издавала гудящий звук,
Спящего такой пробудит.

Буква движется, растёт,
Пухнет наподобье теста,
Рёбра у неё, живот,
Ей на строчке нету места.
Вздудлась бочкою башка,
Волосы уже как щётка,
Нос орла, козла бородка,
Шейка слабая тонка,
Ножка слева как у кури,
Справа, будто у козла,
Лоб с глазищами вола,
Крылья... но какой натуры?
Словом, в комнату пролез
Мефистофель, дьявол, бес.

Можно ль с бесом встречу эту
Проводить по этикету?
Вот он вспрыгнул на бюро,
Слова молвить не изволит.
Тукая в мизинец колет,
Намочил в крови перо
И проворно всунул в руку.
Тут сама пошла рука
И выводит: У.К.А.
И сложилась подпись: ТУКАЙ.
Бес взлетел, как из пращи.
Ветра во поле ищи.

Конец второй части

Збигнев Махей

Перевод
Андрея Базилевского

СТИХОТВОРЕНИЯ

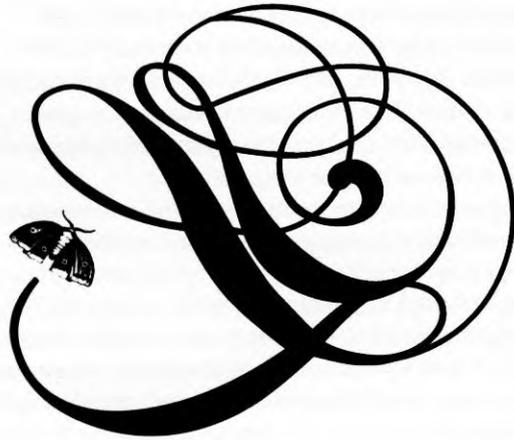
«Цветы зла»

Помню, впервые я прочитал «Цветы зла» накануне Пасхи в 1977 году. И тогда же — «избранное» Рембо, тоже в жёлтой «целлофановой» серии издательства ПИВ, ну и, конечно, Аполлинера в издании Национальной Библиотеки. Уже было известно, что я, финалист олимпиады по польскому языку и литературе, не обязан сдавать экзамен на аттестат зрелости по этому предмету и могу вне конкурса попасть на филологический факультет. В школе меня освободили от уроков, и я мог целыми днями делать то, что хотел и умел лучше всего: читать, читать и читать. Сынок, ты свихнёшься от этого чтения, предрекала мне мама, но для нормальной жизни я уже и так был потерян. Эти книги тебе никогда ничего не дадут, предостерегал меня отец, но я уже и так давно не умел с ним разговаривать. Книжки стали для меня важнее, чем люди, ближе, чем самые близкие члены семьи. Чёрные буквы из книг, слова, слова, слова и предложения, стих за стихом сгущались вокруг моей головы, точно кокон огромного, невидимого тутового шелкопряда, наслаивались день за днем, обволакивая меня прозрачной, кристаллической бездной, которая не столько отделяла меня от мира, сколько вела, как чуткий и нежный радар, к иной, истинной — как я сентиментально предполагал — реальности. Я следовал за этой бездной вслепую, безвозвратно, окончательно. У Паскаля была своя бездна, она шла за ним неотступно — повторял я слова Бодлера. Я верил, что это та самая бездна, которая во всём вокруг пылает незримым огнём. Можно было только читать и молчать. Школа, семья, религия, рутина будничных занятий, гротескные неудачи подростковых влюблённостей, даже музыка, без которой я прежде не представлял себе жизни — ничто уже не имело такого значения,

как прежде. Я — это кто-то другой, я — это кто-то другой — повторял я наивно вновь и вновь. Всё вокруг пылало незримым огнём, всё вокруг плыло — доверчивым, бездонным, бескрайним потоком, неведомо как и куда, однако только так всё и могло быть. Часы пусть звонят и ночь настанет и дни прочь летят а я только вперёд, напевал я рефрен песенки из «Алкоголей». Я не знал, кто я. Не знал, что делать. Но ничего и не надо было делать, а только читать, читать, читать, читать.

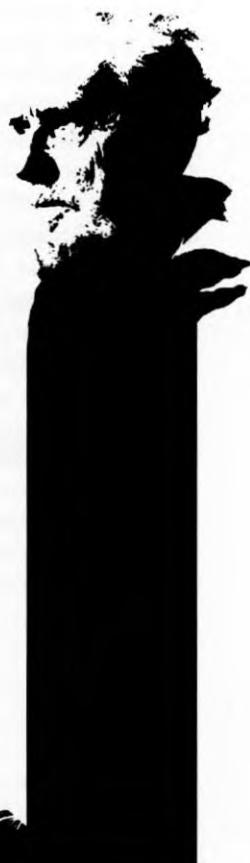
Эзра Паунд

Помню, что «Santos» Паунда я взял почитать в библиотеке американского консульства в Кракове весной 1983 года. Это была вторая весна военного положения, опять не наша весна, хотя золотой дождь светил всем одинаково, и цвели абрикосы, и Пасху, как обычно, унесло ветром, и Христос воскрес, как водится в Кракове, и даже должен был второй раз приехать Святой Отец. А я уже окончил свой первый факультет, но учился на другом, чтобы еще оттянуть армию, и жил на Юстовской Воле, в зелёном районе снобов и нуворишей, в полуподвале виллы одного инженера, в клетушке при гараже, почти как в камере, потому что на окне была решётка, а дом с небольшим садиком был огорожен стальной сеткой и калитку запирали на ключ, так что приходилось прыгать через забор, особенно ночью, и лаяли собаки, а в казармах по соседству десантники выбегали на утреннюю разминку, а где-то рядом, в своей студии с видом на сельский деревянный костёл, Кшиштоф Пендерецкий сочинял во сне «Потерянный рай» или «Польский реквием». Я снимал эту камеру вместе с приятелем, Томашем, физиком-теоретиком, за это каждый из нас должен был работать по девять часов в неделю на плантации лесного орешника, неподалёку. По весне работы прибавлялось — зимой накапливалась недоимка, и приходилось её отработывать до самой осени. Вскоре после Пасхи все уже радовались первому майскому празднику труда: демонстрации «Солидарности» в Новой Гуте, с милицейскими дубинками и слезоточивым газом. Ко всему можно было привыкнуть,

даже к бесправию военного положения, даже к постоянной угрозе насилия и бессмысленной смерти. Впрочем, что это было за военное положение, если можно было беспрепятственно пользоваться библиотекой американского консульства, куда я часто ходил и брал себе и Музам всякие американские книжки со стихами, потому что ещё мне хотелось изучать английский и переводить американскую поэзию. И вот я притащил к себе в камеру «Cantos», неподъёмный томище толщиной в кирпич и в обложке кирпичного цвета. Вечерами, после занятий в университете и работы на плантации, я в состоянии голодного предвкушения сидел над этим Паундом за столом в своей камере. Из транзистора тихо звучали хиты стиля «нью романтик», пахло ячменным кофе и жареным луком. Напротив меня Томаш изучал проблему континуума и читал по-английски Уайтхеда. Я тогда перевёл «Canto I» и «Canto XLV» и был убеждён, что мои переводы этих стихов лучше, чем те, которые были мне известны по антологии «Поэты английского языка», но вскоре я признал своё поражение. Вечера были всё короче, деревья цвели, воздух на Юстовской Воле благоухал свежей, влажной травой, разрыхлённой землёй и цветами рододендронов. Весна со всех нас требовала свою ежегодную дань. Но праздник не мог обойтись без жертв юной крови и майских траурных богослужений. Известно, самый жестокий месяц это апрель, который в наших краях приходится скорее на май. Поэтому мы предпочитали вечерами ездить к девушкам, в общежитие «Пяст», или сидеть в пивнушке в Тихом Уголке. И не было смысла притворяться перед самим собой, что я понимаю то, чего я не понимал. А понял я только то, что Паунд пытался описать рай. Описать рай? Но ведь это не удалось даже Данте. Однако в чём же ещё может состоять задача поэта?

Блез Сандрар

Помню, что стихи Сандрара я читал
летом 1986 года. Я был тогда в армии
и как курсант командовал взводом
на полигоне в венджинских лесах.
Целый месяц стояла дикая жара,
а мы отработывали показ боеготовности
для генералитета Варшавского Договора,
инспектирующего маневры «Дружба». Коммунистическое
братство по оружию, оставшиеся еще от немцев бараки
среди сосен, танки, бээмпэшки, советские базы,
учебный городок, автоматы калашникова
наизготовку, лесные пожары. И такая атмосфера
три месяца кряду. Короче, тоска зелёная.
К счастью, из библиотеки моего полка,
расквартированного в Ополе, я мог взять книг,
сколько было моей гражданской душе угодно,
потому что вместе с солдатами в лес поехала
полевая библиотека. Но тот маленький, изящный,
эластичный томик стихов Сандрара (издание ЛСВ)
я захватил из своей домашней библиотеки. Книжка сидела
как влитая в боковом кармане муаровых форменных брюк.
Там она была в относительной безопасности. Не то что «Пан
Тадеуш», которого кто-то украл у меня
из жестяного, не запиравшегося шкафчика
в ротной казарме. Вор прихватил всё,
что под руку попало: станок
для бритья, лезвия «Полсильвер», консервный
нож, шариковую ручку, частично исписанную
тетрадь в клетку, два номера «Пшекруя»
из до-полигонной эпохи... Ибо всё могло
пригодиться для обмена на водку. А кроме «Пана Тадеуша»
ещё и «Последнее искушение» Казанцакиса,
которое я тоже тогда читал. Может быть,
это название более всего и ввело его в искушение.

Владимир Маяковский

Помню, когда я учился в пятом классе средней школы, мне пришлось читать стихи Маяковского на торжественном заседании в честь Великой Октябрьской социалистической революции. Через год, когда в следующем классе учительница снова назначила меня читать Маяковского по тому же поводу, я встал из-за парты и заявил, что не согласен.

В тот год я начал учиться игре на классической гитаре в музыкальном кружке. К соломенной циновке Над моей кроватью была пришпилена вырезанная из «Трибуны люду» фотография «Битлз», которые переходили по зебре на другую сторону улицы. Я бросил читать газету «Свят молодых», стал покупать «Магазин фильмовый».

Отца вызвали в школу. Мало того что я отказался декламировать Маяковского, у меня были ещё и слишком длинные волосы. Грозил двойка по поведению, хотя я неплохо учился по всем предметам. Перед родительским собранием я трижды ходил укорачивать волосы. В очереди у парикмахера просматривал цветные еженедельники. У Немена на снимках в «Панораме» волосы были всё длиннее.

Зато Эдвард Герек был подстрижен ёжиком. Все тогда помогали товарищам судостроителям, которые обещали помочь товарищу первому секретарю, чтобы Польша становилась сильнее, а благосостояние людей повышалось. Я начал ходить на американские фильмы, разрешённые после шестнадцати лет, а билетёрши смотрели на это сквозь пальцы, потому что я был парень рослый.

С шести десяти, сразу после новостей, я слушал «Рандеву в шесть десять». Отец снова вступил в партию и поэтому мог ездить в Германию, откуда привозил не только свежие номера «Штерна», но только «Штерн» я мог листать дома легально. Дядя из Америки, которого в семье прозвали Шовинистом, прислал мне в посылке с жевательной резинкой первые джинсы. Их называли «райфлы», хотя это были «левиса».

Когда в седьмом классе я ходил в райфлах и жевал американскую жвачку, мой отец — по профессии бухгалтер — стал казначеем родительского комитета. Со временем длина волос перестала меня волновать. Я всё лучше играл на гитаре, но фотографии «Битлз» уже не было над моей кроватью. Теперь я слушал «Ти-Рекс».

Сюрреализм

Помню, как перед экзаменом на аттестат зрелости
и на первых курсах университета
я зачитывался антологией
французского сюрреализма,
которую составил и перевёл
Адам Важик.

Я брал эту книгу
неоднократно
в разных библиотеках
и очень хотел иметь
собственную.
Но напрасно я искал её
в букинистических магазинах.

И только в конце
восьмидесятых годов,
в период заседаний «круглого стола»,
когда я работал учителем,
я купил её за гроши
у коллеги, распродававшего книги,
он как раз тогда
вместе со всей своей многодетной семьёй
перешёл в веру Троицына дня
и в начале нового духовного пути
избавлялся от
искусствоведческой библиотеки.

Я принёс антологию сюрреализма
домой
и поставил на
книжную полку.
С тех пор я в неё
так ни разу
и не заглянул.

Лешек Шаруга

ТРЕТИЙ БЕРЕГ

Збигнев Махей (1958 г.р.) дебютировал в 1984 г. книгой стихов под названием «Гурманы, любовники и платные убийцы». И сразу же обратил на себя внимание жестокостью описываемого мира. Причем существенным кажется здесь то, что позиция повествователя-обозревателя спокойна, лишена всяких эмоций:

*Евреев вешали за ноги,
иногда между двумя
привязанными за задние ноги
собаками, которые, обезумев
от страха, разрывали в клочья
медленно умирающую жертву.*

Мотив Катастрофы появляется и в следующей книге, к примеру, в стихотворении «Гетто 1941»:

*Дети в лохмотьях лежат на промерзшей брусчатке
(их черные глаза горят, хотя проходят века)
Двое полицейских смотрят сквозь колючую проволоку
(будут еврейские черты у нашего портрета в пепле).*

Зло мира сопутствует этой поэзии, тут с самого начала заметна «выучка» в школе Ружевича. Отчужденность от мира и отчужденность от искусства накладываются друг на друга. Можно сказать, что это, особенно в первое время, лирика предметная — как по тону, так и по образу представляемой реальности. Тем же законам подчиняется и мир искусства, то есть реальности претворенной. В стихотворении «Последний сочельник Хуана Миро» из книги «Легенды пражского метро» (1996) появляется обобщающее резюме креативной техники, описание картин Миро:

*Больше вычеркивания,
чем образы. (...)
Больше диаграммы
старческой физиологии,
чем знаки для будущих
поколений прорицателей
от истории искусства.*

Но этот «реализм» изначально подозрителен. Ибо Махей — поэт, который не верит реальности, ставит ее структуры под вопрос, выслеживает стереотипы либо — в стихах, посвященных драмам человеческой исто-

рин, — через отчужденность от воспроизводимых событий и ситуаций выявляет их «неральность».

Кроме того Махей — поэт, который не верит поэзии. Отсюда в его последней книге — «Воспоминания о современной поэзии» (2005) (название иронически намекает на лозунги постмодернизма и постсовременности) — язвительные дефиниции и предписания: «Стихотворение, как всегда, должно быть рекламой / связей видимых и невидимых, / симметричных и мимолетных» — или: «Сегодня следует быть поэтом неукоснительно / синтетическим, а постсексуальные cantos / обязаны быть блестящими, как кредитные карточки». Наконец Махей — поэт, отвергающий деление на поэзию и реаль-

ность: они не отражаются одна в другой, как зеркала, а скорее взаимопроникают и в то же время противоречат одна другой.

Реальность и поэзия являют собой два берега — как ни странно, взаимопроникающих. Между ними бушует поток существования, как в пуанте стихотворения «Третий берег»:

*В лодке
без весел и руля я переправлялся
на другой берег реки, за воду великую,
горькую и не слишком чистую. Каменные мосты
плыли сразу за мной. К третьему берегу.*

Этот отчет о полусюрреалистическом путешествии не удивляет, поскольку «реализм» Махея — несомненно сюрреалистического происхождения. Реальность и поэзия — это сны о жизни, не сбывшейся в своей осуществленности, о мире несостоявшемся, который случился, о превращении предметов в символы и символов — в предметы. Эта лирика — путешествие через пейзажи воображения, вписывающего биографию героя в поэтическую вселенную. Но и с сюрреализмом порой бывают странности, как в посвященном ему стихотворении: «Помню, как перед экзаменом на аттестат зрелости / и на первых курсах университета / я зачитывался антологией / французского сюрреализма». И вот спустя годы герою удастся приобрести книгу: «Я принес антологию сюрреализма / домой / и поставил на / книжную полку. / С тех пор я в нее / так ни разу / и не заглянул».

Наталья Ворошильская

ВСТРЕЧИ С АЙГИ

Когда я увидела Геннадия Айги, мне было 13 лет. Для всех участников этой встречи она была неслыханно важной. А я горжусь, потому что два года спустя Геннадий Айги прислал мне тоненький листок с посвященным мне стихотворением «Уроки польского». Не так ведь много в мире девочек, которым великие поэты посвятили стихи.

Встреча состоялась в Таллине, куда мы с родителями приехали весной 1971 года. Это была первая поездка моих родителей в СССР после возвращения из Москвы в 1956 году (в 1952-1956 гг. они учились в аспирантуре, мой отец — в том же Литературном институте, что и Айги). Мой отец, поэт Виктор Ворошильский, был «невезд-ным». Его отход от коммунизма начался именно во время пребывания в СССР, а окончательным фактом стал после увиденного воочию венгерского восстания. Это для советских властей было неприемлемым. Родители задумали экскурсию так, чтобы не приближаться к Москве и вообще к России. Может быть, поэтому нам удалось получить приглашения из Вильнюса и Таллина — в те времена нужно было иметь приглашение из каждого города, где останавливались, — а в Гродно, родном городе отца, мы остановились на один день нелегально. Но это уже другая история.

Родители заставляли меня вести дневник путешествия, что я, к моему большому сожалению, делала неохотно. Однако след этой встречи остался: «На лестнице мы встретили господина Айги. Мы вместе пообедали дома. Вечером родители пошли с Айги в ресторан в гостиницу «Таллин», а я пошла спать» (30 марта 1971).

Я помню эту встречу на лестнице. Я тогда почувствовала, что между ними — моим отцом и Айги — существует какая-то необычная связь. До этого я многократно слышала фамилию Айги и знала, что это друг. Айги приехал специально повидаться и пообщаться с отцом. Он остался с нами в Таллине пять дней, до нашего отъезда.

В Москве они были просто знакомыми. Начало их дружбе положила поэзия: в 1962 г. Айги прислал отцу с оказией свои стихи; это было уже после решения перейти с чувашского на русский. Стихи поразили отца. Они не были похожи ни на что известное ему в русской поэзии. Он перевел и опубликовал стихотворение «Снег» — и это была первая зарубежная публикация, открывшая Геннадию Айги, как потом оказалось, путь к мировой славе. Признание у себя на родине пришло гораздо позже. Сам Айги всегда, при любом случае, об этом говорил и писал. Просматривая полку с публикациями Айги, я нашла буклет, изданный в Чувашии в 1986 г. (Чувашия первая его оттолкнула, обвинив в эстетизме и пессимизме, и первая приняла обратно), надписанный: «Любимому моему Виктору — моему первооткрывателю доброму, Первому в дружбе, в общности надежд и терпенья!.. — братски Айги (2 II 1987)».

В только что вышедшей антологии переводов из русской поэзии, сделанных моим отцом, об Айги он написал: «Главным в этом приключении, которое тогда началось, было соединение братскими узами с интенсивной, оригинальной, богатой личностью героического поэта и незаурядного человека». Дружба развивалась, хотя они не могли повидаться: «...мы переписывались, посылали друг другу (пользуясь посредничеством доброжелательных путешественников) стихи, книги и даже картины, но между нашим прощанием в Москве в 1956 г. и нашей следующей встречей «вживую» прошло 15 лет, а до следующей встречи — еще 19. Однако это было настоящее общение, сотрудничество и помощь друг другу». Достаточно вспомнить лишь один пример: мой отец написал биографию Маяковского (1965), хотя у него не было возможности пользоваться архивами и библиотеками в Москве. В той же антологии он записал: «...больше всего я обязан большому знатоку русского авангарда Геннадию Айги, который приложил огромные, особые усилия, чтобы находить и тайно пересылать в Варшаву просто бесценные материалы». Стоит помнить, что это было время «докомпьютерное», и даже ксероксов не было в употреблении.

Я тоже принадлежала к числу тех путешественников, которые возили в обе стороны разнообразные послания поэтов. Меня окружают следы этих встреч: картины, подаренные Айги, чувашские скатерти, кухонные передники, надписанные Геннадием Николаевичем книги. В небольшом французском сборнике «Festivités d'hiver» (порусски в СССР его тогда еще не печатали) Айги написал:

«Дорогой Наталии
родственной — Ворошильской
с чудесным Festivit  —
с днем
(в Москве!)
ее рождения

Айги

26.IX.1978

У Юнны»

(я проводила тогда каникулы в Москве у другой приятельницы родителей, Юнны Мориц).

Участвовала я и в той встрече, которая состоялась через 19 лет после Таллина:

«И: наконец-то,
Через 19 лет,
с Виктором,
с Яной, Наташей,
с Галей: в Варшаве! —
О, счастье...»

Встреч было еще много: в Варшаве, Москве («Виктор, дорогой мой, с Возвращением в Москву!... — Ведь это чудо: Обнять Тебя — здесь!...»), Париже, Берлине, в деревне Денисова Горка, где была и я, и где мы, т.е. наша семья и семья Айги, праздновали его 60-летие. Для меня это была особенно важная встреча. Там я, поддавшись уговорам отца, взяла у Айги интервью (оно было опубликовано в «Русской мысли», а также в «Вензи» и — в сокращенном варианте — в «Тыгоднике повшехном»). Мы с Геннадием Николаевичем отправили всех гулять, а сами остались дома. Не знаю, кто больше волновался: я, проводившая первое в жизни интервью, или Айги, который очень старался, чтобы у меня получилось. Мы беседовали о его корнях, о судьбе, о языке, о поэзии, о польских мотивах и о многом другом. Польский вариант назывался «Без Норвида я бы не выжил», русский — «Поэзия нужна как ветер».

По случаю шестидесятилетия Айги Чувашский государственный университет готовил международную научную конференцию. Мой отец, тогда уже тяжело больной, знал, что не сможет поехать. Он подсказал, кого пригласить из Польши из переводчиков, поклонников и в то же время знатоков поэзии его друга. Проблема состояла в том, что чувашки могли оплатить дорогу гостям лишь от Москвы. Будучи тогда заместителем директора Польского культурного центра в Москве, я устроила приглашенным в Чебоксары профессору Эдварду Бальцежану и Ежи Чеху встречи в нашем центре. Благодаря этому они смогли поехать потом на конференцию, на которую съехались «айгисты» со всего мира. Профессор Бальцежан описал наше путешествие в Чебоксары и Шаймурзино в «Айгиаде». Все это произошло в мае 1997 г., а мой отец умер осенью 1996-го.

Последний раз я видела Геннадия Айги в Москве, в декабре 2005 года. Я надеялась обсудить с ним подробности его приезда на презентацию книги моего отца «Мои русские» — антологии его переводов русской поэзии. Однако за несколько дней до моего приезда Айги оказался в больнице. Мы с его женой Галей поехали его навестить. По дороге я узнала, что за болезнь приковала его к постели и поняла, что о приезде в Польшу уже не может быть речи. Геннадий Николаевич был в неплохом настроении, не вполне осознавал свое положение, строил планы на будущее. Восхищался прочитанными недавно в «Новой Польше», которую он высоко ценил, стихотворениями Петра Мицнера. Когда мы уходили, провожал нас, стоя в дверях больничной палаты. Потом мы еще раз разговаривали по телефону. Я позвонила уже из Варшавы сказать, что антология пошла в типографию. Айги это очень обрадовало. Тогда он уже знал диагноз. О своем состоянии говорил спокойно, не жаловался. Сказал, что старается брать пример с моего отца, который очень страдал, но умирал мужественно. К счастью, Геннадию Николаевичу не пришлось долго страдать. Он умер 21 февраля 2006 года.

Геннадий Айги
и Виктор Ворошильский

После смерти моего отца многие, прощаясь с ним, писали о его необыкновенном умении дружить. Не знаю, унаследовала ли я это умение, но унаследовала многих из его друзей. Одним из них был Геннадий Айги.

3

о тишина
я бесстыднее не был
с тобой тишина
а вот так же со мной
ты тишина как дыхание
света-бессмертно-высокого
духа-Золы (вот такой красотою
истинной
ныне
ты есть
тишина)

4

ветр
мы закончили а из оврага
стыдно да вот же цветку же подобно
ветр будто лепет младенца-Бачиньского (вот вам цве-
точек-такой-иероглиф-могучего-сверх-совершенства
дрожанье — теперь-то дошло как раненье ребенка
бесстыдное тонкостью)
ветр
над оврагом
закончили
даже клейма совершенства сияющих травам да птицам
зубов-совершенств-Человечества-Бога-давно-Словоедов
даже и знака
какого-то
ветру
самой Пустотою
не всаживать не взасверкать
(отблистанье
покрыло: и имени нет
чего-иль-кого-Что-теперь-и-назвать-уже-пусто-и-позд-
но! — того: в отстраненье закрытом! —
лишь кости сияют скорей чем свет глаз над лицом!)
и бесточечно-и-раздробляюще-нечтотое
словоподобие
бесстыдства последнею тонкостью
рвя-Что-то-рвя! — и все тоньше и тоньше! —
закончили — ветр над оврагом
закончили
ветр
над оврагом

1984

УРОКИ ПОЛЬСКОГО

Н. Ворошильской

ясность Словацкого!
с чем мне сравнить? —

будто вижу я это
в памятном месте где летом когда-то
на склонах горы Аддала-Шухгельмеэр
зрение было мое вместо белой исчезнувшей яви
шиповника — цветшего за год до этого — зыбко-легко беспокоя
исчезновением
белого
в воздухе!.. —

ясность Словацкого! — память
о чистоте — за туманом забвенья:

мне / забываюсь
как будто
вдали беспокоюсь / столь зыбко-подобная —

месту тому отмененному

1973

Людмила Софронова

ЕЖИ ГРОТОВСКИЙ: ОТ БЕДНОГО ТЕАТРА К ИСКУССТВУ-ПРОВОДНИКУ

Союз театральных деятелей Российской Федерации, российское и польское министерства культуры, Институт Адама Мицкевича и польский Фонд литературы совместными усилиями издали по-русски книгу Гротовского и о Гротовском. Эту удивительную книгу, не зависящую ни от каких временных координат, трудно переоценить не только потому, что благодаря известному театроведу Натэлле Башинджагян, выступившей в роли переводчика, составителя и комментатора трудов польского режиссера, вырисовывается его творческий портрет (штрихами она создавала его в отдельных работах и ранее). Огромную помощь ей оказал и сам мастер, чьи письма приводятся в ее статье. Появилась книга, которая встает в один ряд с классическими теоретическими трудами о театре. Она необходима и теоретикам искусства, и режиссерам, и актерам, так как разрушает многие привычные театральные клише, против которых Гротовский всегда протестовал, пытаясь поймать тот миг в своем творчестве, когда после освобождения от одного клише еще не появилось следующее. Одновременно эта книга преподносит нашему критическому размышлению некоторые вопросы теории и философии театра.

Ежи Гротовский создавал ее в течение всей жизни и по-особому воплотил как в театре, так и в реальности. Ему не был нужен традиционный театр, в том числе и «новаторский», экспериментальный. Это не значит, что он отбросил все традиции. Достаточным доказательством того, что это не так, служат его статьи о Станиславском, о польском романтизме, его восторженное отношение к китайскому театру. Но режиссер остро чувствовал массу несовпадений того, что он видел на других сценах, с тем, что хотел воплощать сам. Известные авторские пьесы вскоре стали ему «узки». (Ярким примером этого можно считать постановку пьесы Кальдерона «Стойкий принц», тонко и точно воссозданную в одноименной статье Натэллы Башинджагян.)

Уже на раннем этапе своего творчества, полагая главной задачей театра выявление в человеке его тайных реакций, тех неявных связей, в которые он немотивированно вступает с другими («Партитура актера — элементы межчеловеческих отношений»), режиссер не желал втискивать эту задачу в привычные рамки, лишь придавая пьесам, составляющим классический фонд, новую форму и новое звучание.

Гротовский решил выйти за пределы театра в поисках его корней. Он обратился к обряду, воплощающему миф в акциональном, вербальном и предметном планах. Культура не только хранит миф в памяти, но и возрождает. Он воплощается не только в обрядовой деятельности, но и в самых различных ее текстах, особенно театральных. «Ритуал — это performance, действие совершенное, акт. Выродившийся ритуал и есть зрелище». Так Гротовский прямо указывал на связь обряда с театром, хотя и не стремился вынести ее на поверхность, представить на всеобщее обозрение. Не желал он копировать и некоторые обряды, давшие в свое время множество театральных форм. Ему была чужда идея их модернизации на сцене. Сам Гротовский говорил об этом так: «В нынешнюю эпоху умножения авангардных форм мы, если хотите, — арьергард, мы остаемся на стороне глубинного прошлого, остаемся искателями корней театра в минувших эпохах. Мы совсем не современные, напротив, мы целиком — в давних традициях, в давних преданиях: случается, что самыми поразительными оказываются вещи, которые уже были».

Гротовский создал свой собственный обряд, который он парадоксально именовал «мирским». Как обряд воспринималось его искусство, которое Питер Брук назвал *путем к спасению*: спектакли этого польского артиста он наименовал обрядом, церемонией, а игру актера — жертвоприношением. Обряд у Гротовского не имел цели восстановления миропорядка из хаоса или напоминания о сотворении мира. Режиссера занимал процесс обряда и то, что происходит с человеком, его участником. Для него важна была реконструкция архетипов человеческого поведения. Участвуя в таком обрядовом представлении, человек переставал быть актером. Зритель как таковой тоже исчезал по правилам обряда. Он становился «со-актером», со-участником. Они вместе должны были найти средства самовыражения, пути к новой импровизации о том, что есть человек. Все были едины при его совершении. Актерская техника прежнего вида была им не нужна. Гротовский не принимал ее, как и привычные упражнения, которые, с его точки зрения, лишь убивали в актере его «естество». Он доверял только одному инструменту — телу актера, его организму. Он хотел, чтобы все отказались от грима, наклад-

ных животов и носов, от избыточных жестов и движений. Его актеры довели свой инструмент до совершенства. Их пластика, жест и сценическое движение по отточенности могут сравниться только с техникой китайских или японских актеров.

Гротовский сам начал создавать «сценарии» для своих произведений, мечтая о подлинно театральной *утопии* на основе обряда. Он сознательно удалил свое искусство, которое можно назвать жизнестроением, от сцены с ее художественным пространством, насыщенным реквизитом и декорациями. Его идеалом было пустое пространство, в чем видится одно из проявлений его «бедного» театра. Был он беден и по-другому. Все происходило ради поисков истинности и *не-вооруженности* своего Я. «Театр, освобожденный ради взаимности такого искательного переживания от каких-либо украшающих или объясняющих постановочных приемов», Гротовский назвал Бедным Театром. Этот театр был бедный и потому, что не нуждался в знаках других искусств и в технических ухищрениях. Ему не нужен был синтез, так как театр, по словам Гротовского, лишь паразитирует на других видах искусства, «выстраивает свои гибридные зрелища на смещении форм лишенном монолитного корня, а значит, не интегральном». Он искал этот «монолитный корень», будто забывая о том, что в обряде существует синтез, только иного плана.

Режиссер требовал непосредственности и разыгрывания своего мирского ритуала, не принимая во внимание, что всякий ритуал складывается веками, храня в себе миф и опираясь на него, о чем он и сам не раз писал. Ему всегда хотелось достать из глубин то, что записано в обряде, т.е. миф. «Миф как простую человеческую ситуацию, с одной стороны, а с другой — как явление соборное; с моделью, которая уже независимо живет в коллективной психике и неосознанным для нас образом направляет коллективное поведение и реакции».

Не только нарушив границы театрального искусства, но и стараясь избавиться от него вовсе, Гротовский создал свой вариант паратеатра (Театр Соучастия), который кумулировал в себе идею обряда вообще. Однако затем Гротовский начал опасаться того, что как концепция ритуального театра приводит к стилизации, так и паратеатр может изжить себя. Он решил создать новый театр, который назвал Театром Истоков, в который уже не допускались любители-дилетанты: здесь тщательно выбирались из многих те, кто был готов погрузиться в себя, чтобы обнаружить то, что он искал в человеке всю жизнь: его сокрытую, внутреннюю, неосознанную энергию. Этот театр сменяется Объективной Драмой, цели ее остаются прежними. Позднее Гротовский создал свою Мастерскую в Италии, где изучал воздействие ритуала на человека.

Он стал философом не только театра, но и искусства в целом, сумев связать его с культурной антропологией. В Париже, на той же кафедре, что и Мицкевич в XIX веке, Гротовский читал лекции по театральной антропологии. В своих исканиях он переживал не только те сложности, с которыми встречается каждый творческий режиссер. Гротовскому пришлось пережить нечто более трудное. Он мучился от невозможности театральными средствами адекватно передать сущностные бытийные проблемы, смысл человеческого бытия, который он стремился «выпустить наружу» из каждого своего актера, из каждого участника паратеатра. Не привело ли это к тому, что театр этот почти растворился в жизни, стал частью жизни, пройдя перед этим чрезвычайно сложный путь? Он двигался от театра-«лаборатории» («Театр 13 рядов», принявший впоследствии именно это название) — к театру-«монастырю», каким можно считать и Театр Истоков, и Мастерскую. В них театр, оставаясь лабораторией, превратился в *проводника* Искусства. Это превращение сам режиссер считал двумя концами одной цепи. «Искусство как представление и Искусство как проводник — обоим концам этой цепи должно существовать: одному — видимому, для обозрения зрителей, и другому — почти невидимому. Почему я говорю «почти»? Потому что если Искусство как проводник будет скрыто совсем, оно не сможет пробудить к жизни анонимные влияния».

Не превратился ли сам Гротовский из талантливого художника, постоянно находившегося в творческих поисках, опыт которого до сих пор питает искусство сцены, в мыслителя, отказавшегося от театрального языка, но оставшегося великим Художником, который желал одиночества и обрел славу, страдая от того и другого? Об этом прекрасно пишет Натэлла Башинджагян в статье «Контуры биографии», предваряющей текст режиссера. В ней автор сумела слить воедино две биографии: творческую и ту, которая есть у каждого из нас; проследить зрительскую реакцию и реакцию критиков. В результате образ Гротовского оживает и приближается к читателю. Одновременно он насыщается театральными смыслами, а затем и превышает их, как бы вторя жизни и творчеству Гротовского — необычайного человека XX века.

Хотелось бы отметить прекрасный перевод текстов и строгое, достойное оформление книги, выпущенной в свет московским издательством «Артист. Режиссер. Театр».

Ежи Гротовский, От бедного театра к искусству-проводнику. Перевод, составление, комментарии, примечания Натэллы Башинджагян. М. 2003, «А.Р.Т.», 350 стр.

Автор — доктор филологических наук, работает в Институте славяноведения РАН.

Анна Подражка

ВИДЕОТЕАТР «ПО-ЗА» ИОЛАНТЫ ЛОТЕ И ПЕТРА ЛАХМАНА

Видеотеатр «По-за», который в 1985 г. создали Иоланта Лоте и Петр Лахман, представляет собой синтез кино и театрального спектакля. Это первый в Польше, если не во всем мире, театр, где на равных правах с актером на сцене появляется видео. Этот театр, как говорят его создатели, «объединяет живой актерский план с планом мониторов, проекциями фильмоскопа и кинокамер, дополненными цифровой компьютерной виртуозностью. Благодаря съемкам, сделанным в разных странах (Италия, Греция, Египет, Израиль), он вводит в свое интимное, камерное пространство инсценированные для театра и *зеркально* соотнесенные образы иных времен и пространств. Этот театр стремится создать новый симбиоз между живым актером и его электронным клоном, временем спектакля и временами *по-за*, образом, музыкой и словом, а также новейшей техникой и древнейшим искусством»*.

Иоланта Лоте окончила варшавскую Государственную высшую театральную школу. Выросла она в старой варшавско-виленской семье. Ее бабушка Ванда Станиславская участвовала в жизни художественной богемы на рубеже веков, писала стихи в стиле младопольской поэзии и влюблялась в поэтов. Дедушка был известным адвокатом. Мать Иоланты Ванда Лоте-Станиславская была актрисой, любившей эксперименты, играла в пьесах Кокто и Сартра. Иоланта Лоте сыграла в нескольких фильмах («Неудобный гость», «Польские пути», «Далеко от шоссе», «Потоп»). И еще она играла в Национальном театре и театре «Студио» в произведениях Гельмута Кайзара, за которого вышла замуж в начале 70-х.

Петр Лахман родился до войны в немецкой семье в Гливице. В 1945 г. мать записала его в польскую школу, устроив ему поистине приключение в стиле Гомбровича, так как мальчик не знал польского языка. Тогда Лахман пообещал себе, что выучит польский как следует. В связи с этим возникло сильное желание примирить две ментальности, два языка, две культуры. Было, как он сам говорит в интервью Тересе Торанской, нелегко: «Быть билингвой или трилингвой хорошо, когда это происходит в нормальных, мирных условиях, когда это служит познанию мира, культурному обогащению. И плохо, когда необходимо делать окончательный выбор, надевать маски, под которыми скрываются двойники, пытающиеся друг с другом договориться, хотя между ними непреодолимая пропасть». В 1958 г. он окончил химический факультет Гливицкого политехнического института, с группой молодых людей создал небольшой студенческий театр, начал писать стихи. Тогда же немцы получили возможность вернуться в Германию. Петр Лахман решил не возвращаться, но вышло иначе. К сожалению, там он не чувствовал себя дома. «Во мне уже укоренилась польскость (...) Я хотел быть только польским поэтом, хотя доказал, что умею писать стихи и по-немецки. Одно из моих стихотворений даже было помещено в антологии немецкой поэзии, но я предпочитал писать для поляков. Ведь пишут всегда для кого-то. Я мог представить себе польских читателей, а немецких — не представлял». По-другому быть и не могло, и, прожив в Германии 30 лет, он снова оказался в Польше.

Иоланта Лоте и Петр Лахман познакомились при непростых обстоятельствах. Муж Лоте Гельмут Кайзар заболел раком, последние дни жизни он проводил в больнице во Вроцлаве. Среди друзей, навещавших Кайзара, был Лахман. Они дружили много лет, их познакомил Тадеуш Ружевич (Лахман переводил пьесы Кайзара на немецкий).

Иоланта Лоте: «Я стала вдовой и тут же перестала ею быть. Я думаю, что Гельмут нас соединил. Для того чтобы мы могли создать театр». Главным источником, питающим деятельность этого театра, стало творчество Гельмута Кайзара, но, как подчеркивают Иоланта Лоте и Петр Лахман, они хотели не создавать продолжение его театра, а воскресить его самого в их театре. Как справедливо заметил Матеуш Канабродзкий в журнале «Квартальник фильмowy», «театр Гельмута Кайзара и видеотеатр Лоте и Лахмана представляют

* С деятельностью театра можно ознакомиться на сайте www.poza.q.pl

собой единое целое. Трудно предугадать, где заканчивается один и где начинается другой. У них одна, единая душа». Следует также добавить, что, как писала в журнале «Сцена» Гражина Кожневская, «спектакли эти, будучи данью памяти покойному Гельмуту Кайзару — драматургу и режиссеру, следуют за его мыслью философа и теоретика театра одновременно, ведущего поиск смысла актерской игры, смысла существования актера на сцене, смысла существования человека. Поэтому форма, предложенная Лахманом и Лоте как поддержка кайзаровских вопросов и попыток найти ответы, идеально отвечает этому содержанию».

Гельмут Кайзар, замечательный режиссер, которого относят к поколению «способной молодежи», интересный драматург-новатор, создатель метаповседневного театра, сегодня, собственно, совсем неизвестен. Его произведения практически исчезли из польских театров. И если бы не созданный Лоте и Лахманом видеотеатр «По-за», имя Кайзара было бы забыто. Гельмут Кайзар был режиссером чрезвычайно чутким, поэтому его творчество весьма богато многочисленными темами, взятыми из живописи, а также из области философии и философской антропологии. Оно почти полностью опубликовано: «Пьесы и эссе» (Варшава, 1977), «Театральные пьесы. 1972-1982» (Вроцлав, 1984), «С поверхности... Очерки о театре» (Варшава, 1984). Первая пьеса Кайзара «Патерностер» — произведение, полное поэзии и реминисценций детства и юности. Сон, видение, воспоминание и одновременно драма, раскрывающая правду о земле, на которой родились, жили, сражались и умирали его предки. Вполне понял эту драму выдающийся польский режиссер Ежи Яроцкий — его инсценировка заняла прочное место в истории польского театра. Однако Кайзар чаще всего сам ставил написанные им пьесы, в том числе «Рыцарь Анджей», «Villa dei Misteri» («Вилла Тайн»), «Коровник».

Он был поэтом повседневности. И отражал это в своих произведениях и постановках. В 1977 г. он опубликовал «Манифест метаповседневного театра». Его театр был не только театральной практикой в узком смысле слова, замкнутой в конкретных рамках. Поэтическая идея его театра — это определенная позиция по отношению к миру. Метаповседневный театр выражал стиль мышления. Это был стиль мышления о мире, о культуре, о себе самом. Это был способ контакта с другим человеком, с людьми. Это был способ разговора о жизни, о ее законах, о смерти, об универсальных ценностях, о том, с чем сталкивается каждый человек и что касается каждого человека. Любой, самый незначительный человеческий жест, на первый взгляд вполне обычный и маловажный, становится театральным элементом, с помощью которого можно сказать о чем-то важном. Кайзар расширял границы театра. Обращение к повседневности, к ее изменчивой и безграничной материи было не только жестом заявляющего протест художника, желающего отделить искусство от норм и парадигм, освободить его от всяческой идеологии. Речь шла о том, чтобы в событиях повседневной жизни увидеть иное, высшее измерение, некую извечную связь микрокосма с макрокосмом. Кайзар постоянно старался преодолевать границы, отделяющие сцену от зрительного зала, так, чтобы являлась прежде всего жизнь с ее обычностью, случайностью, повторяемостью, отсутствием упорядоченности и непредсказуемостью.

Тексты покойного Кайзара были первыми, к которым обратились Лоте и Лахман. Спектакль они назвали «Театром я занимаюсь с детства», а премьеры его состоялась в варшавской «Старой Проховне» («Старом пороховом складе»). Он возвращал зрителя к спектаклям марионеток, которые маленький Гельмут ставил для деревенских детей. Действительно, Кайзар в возрасте шести-семи лет создал собственный театр марионеток, который, правда, сгорел, но с того момента он уже никогда не отступал от своего неповторимого образа театра и увлеченности театром. Для него самой большой тайной театра был актер. Он постоянно пытался проникнуть в нее. Поэтому нет ничего удивительного в том, что один из наиболее характерных образов театра Гельмута Кайзара — актер, а точнее актриса (Звезда). Она появляется в большинстве произведений Кайзара («Патерностер», «Волосы шута», «Musikkraker», «Звезда»).

Присутствие Звезды в видеотеатре «По-за» остается зримым с самого начала существования театра и до сего дня. В середине 80-х была поставлена «Акт-орка»*, а затем Звезда появляется и в следующих версиях этого спектакля: «Акт-орка II» (польская премьера — 1988, английская — 1989), «Акт-орка III» (1990), «Акт-орка IV» (1992). Звезда появляется также в спектакле «Акт орки» (премьера 1999). Создатели этого спектакля не без причины поставили в название множественное число, они пригласили в свою труппу Марию и Яна Пешек, которые стали виртуальными актерами.

* Можно перевести как: «Акт-непомерный труд», сродни труду пахаря (orka — пахота), а слово Aktorka переводится как Актриса. — Пер.

Следует вспомнить, с чего начиналось большое приключение Иоланты Лоте и Петра Лахмана со Звездой и видеотеатром. В 1984 г. они поехали в Италию, а затем в Грецию; перед самым отъездом Лахман купил видеокамеру. В самом древнем греческом амфитеатре в Эпидавре Иоланта Лоте с загримированным лицом — наполовину в белый, а наполовину в красный цвет, — находясь в центре каменной сцены, стала произносить стихотворный текст по-польски. Как сообщала пресса, «это были фрагменты «Антигоны» в переложении Гельмута Кайзара. Лоте декламировала их перед камерой Лахмана, как будто это был древнегреческий язык. Грим она наложила на месте, воспользовавшись красной помадой и кремом «Нивея». Эти съемки были сделаны для представления по «Звезде» Кайзара — драме о старой актрисе, которой не пришлось сыграть тех ролей, о каких она мечтала. «Для меня это был весьма личный спектакль, ибо я тоже не сыграла множество разных ролей. Мне хотелось играть сложные персонажи, ближе к Бергману, а не комедийные, но большинство режиссеров видело во мне только бюст. У Петра я могу сыграть все, лишь бы это было хорошо», — вспоминает сегодня Иоланта Лоте. Спектакль был основан исключительно на фрагментах произведений Кайзара: «Звезда», переложения «Антигоны» и «Патерностера», а назвали спектакль «Akt-orka». В этом было нечто революционное — столкновение живого актера с записью на видео. Актриса присутствовала одновременно на сцене варшавского театра и в Эпидавре, под жгучим южным солнцем. Премьера состоялась 22 июня 1985 г. на малой сцене Театра Повшехного в Варшаве, зал которого был заполнен друзьями Кайзара. В эпизодах (в записи на кассетах) играли Паула Кайзар с собственным текстом «Какую роль выполнял театр в древней Греции?» и Анна Лахман, исполнявшая танец живота. Всего спектакль был сыгран пятнадцать раз.

Потом появились очередные изводы спектакля «Akt-orka», о чем выше уже было сказано. А между спектаклем «Akt-orka» и его четырьмя вариантами состоялась премьера пьесы, которой, разумеется, незримо покровительствовал Гельмут Кайзар — его личность и его творчество. Это произошло в 1987 г. в центре искусства «Студио» им. Станислава Игнация Виткевича в Варшаве, спектакль был назван «Кайзар — фрагменты» (по мотивам спектаклей «Патерностер», «Звезда», «Рыцарь Анджей», «Самозащита», «Коровник», «Волосы шута», «Царь Давид»). Съемки для этого спектакля велись в Греции (в Хорефто-Пелионе и в месте поклонения святой Праксиде), а также в видеостудии центра искусства «Студио». Это представление вызвало большой интерес постановкой Лахмана. Иоланта Лоте появлялась на сцене в большом золотом возке и возносилась вверх с помощью тросов.

Их следующий спектакль касался темы смерти. 12 декабря 1991 г. в Центре современного искусства в Уяздовском замке состоялась премьера пьесы «Операция Алкеста». Это была переделка трагедии Еврипида «Алкеста» (включавшая также тексты из Платона, Глюка, Рильке, Каспровича и Сталина), где речь шла о женщине, которая согласилась пойти на смерть, чтобы спасти своего мужа. Съемки к спектаклю велись в Эпископии и Агии-Триаде на Пелопоннесе, на сцене театра Дионисия в Афинах и в лесном театре в Повсине под Варшавой. Петр Лахман говорит: «Написание современной «Алкесты» меня вдохновила речь генерального секретаря ЦК греческой компартии (...). В древнегреческую сказку, лежавшую в основе пьесы Еврипида, о жертве женщины ради мужчины, я внес реалии эпохи концлагерей и опыт нашего современного «театра жестокости». Второй аспект моего произведения — драма современной Алкесты, ставшей дозором и отдавшей свое сердце мужу: она воскресает в награду за то, что принесла свою жизнь в жертву. Воскресение ассоциируется у нас прежде всего с экзугмацией, поэтому мы учитываем связанные с нею картины, но пытаемся подвести к очищению глаза — оптическому катарсису». Этот спектакль получил положительную критику на Эдинбургском фестивале в 1992 г., где труппу театра принимал в своей галерее Ричард Демарко (некогда открывший англичанам Кантора). Лондонская газета «Индепендент» назвала «Операцию Алкеста» одним из лучших спектаклей фестиваля, газета «Скотсмен» присудила ему премию «Fringe First» [премия фестиваля «Fringe» — «Обочина», проходящего в Эдинбурге одновременно с основным фестивалем], а в берлинской «Нойе цайт» можно было прочесть следующее: «...феноменальный спектакль из Варшавы, эксперимент по поиску новых выразительных форм с удивительным использованием техники». Сам Ричард Демарко так говорил о театре во время публичной лекции: «Важнейший аспект видеотеатра — то, что он позволяет создавать эхо. Это наверняка заинтересовало бы профессора Стивена Хокинга, Альберта Эйнштейна или любого другого ученого, который занимается четвертым измерением. То, что мы видим, — это время расщепленное, время расширенное, время возвращенное». А еще он сказал: «Видеотеатр — это уникальная форма, чтобы поставить те морально-эстетические вопросы, которые больше всего волнуют современного человека. В Европе никто не делает такого театра».

Вскоре появился очередной спектакль: «КаБаКаи/РЕ-анимации» (1993), а потом и дополнение к нему — «КабабаКаи» (2001). Спектакль поставлен по древнеегипетской «Книге мертвых кормилицы Каи» (это папирус с молитвами за упокой умерших, который хранится в варшавском Национальном музее) в переводе Тадеуша Анджеевского.

Спустя десять лет со времени своего возникновения видеотеатр «По-за» наконец переехал во Дворец Шустера в Варшаве, ставший собственным помещением театра. В центре сцены помещается большой экран, там же выделено пространство для играющих актеров, а по бокам установлены мониторы. Это очень камерное помещение (рассчитанное максимум на 40 человек). Как только попадаешь в этот полутемный, «электронный» зальчик, сразу возникает ощущение, что предстоит участвовать в каком-то таинственном эксперименте. На экранах непрерывно вращаются какие-то странные формы, которые вообще-то появляются всего на несколько секунд и так быстро сменяют друг друга, что невероятно трудно определить, сколько времени мы их видим. Здесь царит иной мир, созданный для зрения и слуха, в котором, как писал в «Твурчости» Мариан Гжещак, «обряды над человеческими душами совершают мультимедиа, образослухи — образовиды, образовиды».

Первая премьера во Дворце Шустера состоялась в январе 1995 г., это был спектакль «Тадеуш Ружевич — лицо поэзии» (сам поэт представлял в видеозаписи). Затем был поставлен спектакль «Рождение театра из духа и брюха» (1996). Потом они поставили «Роман для Голливуда» (1996). В основу спектакля был положен репортаж Ханны Краль о еврейке Изольде Р., которая из ада Катастрофы спасла лишь свое чувство к любимому мужу. Это, разумеется, повторение мифа об Алкесте в эпоху газовых камер. Это был с разных точек зрения необыкновенный спектакль. Впервые Иоланта Лоте не исполняла главную роль. Роль Изольды Р. была предоставлена 80-летней в то время актрисе Тересе Марецкой. Иоланта Лоте играла роль журналистки, слушающей рассказ Изольды Р. Эта постановка имела особое значение для обеих актрис: для Марецкой — потому что вся ее семья погибла во время Холокоста, а для Иоланты Лоте — потому что только после смерти матери она узнала о том, что ее отец был евреем, а сказала ей об этом именно Марецкая. Спектакль был показан на 7-м Фестивале еврейской культуры в Кракове. Через четыре года после премьеры старая актриса умерла, но спектакль «Роман для Голливуда» не исчез из репертуара, и Марецкая по сей день выступает в нем — с экрана. «Настолько убедительно, — говорит Лахман, — как будто она жива», — а Лоте добавляет: «Ну и как тут не поверить в электронную загробную жизнь?»

В 2005 г. видеотеатр отмечал 20-летие своего существования. К юбилею был подготовлен спектакль «*świe-wanna@alkestis.pl*». Это еще одна современная переделка греческого мифа об Алкесте. На сей раз Лоте и Лахман представили миф в форме «параоперы» видео. Запись на цифровом носителе, соответственно преобразованная и представленная на экранах и мониторах, создает эффект настоящего оперного спектакля. На сей раз рассказ об Алкесте, которая жертвует собственной жизнью ради любимого Адмета, перенесен во времена массовой культуры. О смерти говорят на языке геной инженерии. Алкеста же (Мария Пешек) выглядит и ведет себя как типичная современная тридцатилетняя женщина: гоняет на роликовых коньках, поет джазовые баллады и купается в ванне, наполненной благовониями. Она не верит в вечность, но смерть называет «заебистой». На экране появляются актрисы Анна Ходаковская, Моника Немчик и Малгожата Зайончковская в виде соблазнительных и оболстительных Мойр. Адмета играет Артур Стефанович, а Иоланта Лоте читает текст от автора. Сам Лахман говорит, что спектакль «вырос из опыта многократного умирания — правда, не отдельной личности, а театра. Театра, который тоже представляет собой живой организм, хотя часто находящийся в состоянии анабиоза. По случаю двадцатилетия существования и не-существования».

Видеотеатр «По-за» Иоланты Лоте и Петра Лахмана работает в Польше и за границей без особого шума, отстраняясь от всей бурной и пышной театральной жизни и искусственно подогреваемой атмосферы споров о форме театра и его месте в культуре. Живет собственной жизнью.

ГЕЛЬМУТ КАЙЗАР (1941-1982)

Гельмут Кайзар был замечательным режиссером театра, радио и телевидения, драматургом, теоретиком театра. Он изучал философию и полонистику в краковском Ягеллонском университете, а затем режиссерское мастерство в варшавской Государственной высшей театральной школе.

В польском театре с конца 60-х до начала 80-х он занимал особое место, отдельное и важное. Работал в основном с театрами в Кракове, Вроцлаве и Варшаве. Его деятельность не ограничивалась польскими сценами. Он работал в Германии, Англии, Швеции и Финляндии. Заслуживает внимания и преподавательская работа Гельмута Кайзара в киношколах в Лодзи, Берлине и Стокгольме. Его чрезвычайно высоко ценили как организатора Международных театральных мастер-классов. Оригинальные, нетрадиционные художественные идеи Кайзара и его новаторские методы работы с актерами давали незабываемый опыт.

Однако этими достижениями не исчерпывается творческое наследие Кайзара. Следует помнить и о его литературном творчестве. Он был драматургом, критиком, автором театральных эссе и рецензий. Библиография его работ включает около двадцати авторских произведений, несколько переводов, инсценировки для радио, в том числе на основе текстов Тадеуша Ружевича и Виславы Шимборской. Он сам заботился о том, чтобы его произведения как можно быстрее и в полном объеме публиковались и ставились, причем ставил их в основном он сам.

Он был автором ищущим, творил и делал свое дело. Он видел мир как единое целое, состоящее из мелких, но исключительно важных частичек. Целое, складывающееся из наших повседневных поступков, обычного поведения. Он написал «Манифест метаповседневного театра» (1977) и старался воплотить эту теорию в своих собственных постановках.

Театр метаповседневности отменяет и отменяет все три правила классической драмы, единство времени, места и действия.

Всё одновременно. В театре метаповседневности «театр» обретает заново свой ритуальный смысл, обретает достоинство красоты

крайность
обычность

и простоту — Кипятят молоко —

Закрывают и Открывают двери —

Одевают и Раздевают —

Смотрят в окно.

С этих пор «театр» становится местом промежуточным —

таким, как лестница, как коридор, как

Земля. Как обычный

даже в невероятности.

Он обретает настоящее время,

прошлое и будущее.

Отменяя правила и освобождая воображение от их насилия

он превращает их в инструменты

воображения. Театр метаповседневности

это театр всеобщий и индивидуальный.

Через то, что единственно,

он позволяет встретиться

суверенным личностям.

Олег Закиров

ТВОЙ ДОМ — ТЮРЬМА!

Продолжение катынских записок

Петр Климов, 1910 г. рождения, член КПСС с 1940-го, с 1938 года работал в ОГПУ-НКВД Смоленской области дворником, потом вахтером у коменданта Стельмаха. Жил он в доме, вернее в бывшем помещении городской тюрьмы, около кинотеатра (примерно 150 метров от здания Смоленского КГБ). Именно Климов своими глазами видел расправу над польскими военнопленными и ксендзами весной 1940-го и рассказал леденящие кровь подробности. Изложу все по порядку. Я постучал в дверь «одиночной камеры» Климова и услышал раздраженный старческий голос: «Кто там, что надо?». Дверь открыл худощавый, с болезненным -страдальческим лицом старик. Показанное мною удостоверение сотрудника КГБ расположило к дальнейшему разговору. Весь разговор мною документировался и позже, почти без изменений, был опубликован в газете «Московские новости». Не без страха в глазах Климов поведал следующее: «...Я, помню, смывал кровь расстрелянных... мыл автомашины: полуторку и трехтонку. На них обычно грузили с помощью транспортера трупы расстрелянных, чтобы не носить на носилках. Этот транспортер соорудил Альхимович... был мастер на все руки. До этого трупы расстрелянных выносили из подвала НКВД на носилках... Подвал, где расстреливали, находится под зданием нынешнего УВД Смоленской обл. На ул. Дзержинского (третье окно). В маленькой подвальной комнатке был люк, голову клали на его край и стреляли в затылок... у одной из жертв, помню, был распорот живот. Стреляли... с вечера и вывозили в Козьи Горы*, а возвращались к двум часам ночи. В автомашины погружали штабелями трупы, бывало по 30-40 человек в одну автомашину. Потом трупы накрывали брезентом и везли. Кроме шофера выезжали 2-3 человека и комендант.

...в Козьих горах было целое отделение (помню из них Белкина, Устинова), они закапывали расстрелянных, копали рвы. Они жили прямо в Козьих Горах. Эти рвы с трупами расстрелянных я сам видел в Козьих Горах. Это я знаю, так как сам видел трупы (присыпанные землей) поляков. Расстреливала их команда Стельмаха Ивана Ивановича. Поляков в этом рву (когда я посмотрел) было много, они лежали в ряд, а ров был метров 100 длиной... Тогда и после войны меня неоднократно Стельмах, Рейсон, Гвоздовский и Грибов предупреждали, чтобы я молчал. ...польских военнослужащих расстреливали Стельмах... Грибов, Гвоздовский, Рейсон Карл. Они были самые заправилы при расстрелах... Часть священников польских была расстреляна в подвале НКВД Смоленска... Вozил еще трупы Левченков, но его убил заключенный, который был, по-моему, поляком. Этот заключенный случайно остался жив и пробрался в оружейную комнату, а потом открыл огонь. [Его] три дня не могли убить (и водой заливали из пожарной автомашины), а потом его отравили газом... Мне за мойку автомашин от крови платили 5 рублей... тем, кто стрелял в людей, и тем, кто возил, давали спирт и закуску бесплатно. Они еще, помню, после расстрела мыли руки спиртом. Я тоже руки протирал спиртом... а закуску брали в столовой [НКВД]: колбаса, балык, осетрина и другие продукты».

Даже кремлевского пайка (в нищей стране) не пожалел Сталин для своих опричников из НКВД по такому случаю. Определение «пир во время чумы» здесь не подходит, точнее — пир во время резни.

Боле того, Климов еще добавил, что «в то время, когда был расстрел поляков, и после, здесь, в Смоленске, в Козьих Горах, бывали Каганович Л.М., Шверник, еще помню, они глушили на Днепре рыбу. Отдыхал в Козьих Горах еще Ворошилов К.Е.». Видимо правы те, кто утверждает, что преступника тянет на место преступления...

Вот она, наша советская история, в которой, как сказал недавно умерший А.Яковлев, нет положительных примеров, а все только кровь и ложь. Видимо безрезультатные поиски «положительных исторических примеров» заставили В.Путина обратиться к событиям четырехвековой давности, ко временам Сигизмунда III и Гришки Отрепьева.

Для меня (а в дальнейшем для следствия) свидетельства Климова были важны тем, что он был не только очевидцем, но и участником этого преступления — это ясно из приведенных им подробностей расправы. Чувствовалось, что страх помешал ему подробнее рассказать о своем личном «вкладе» в это преступление сталинизма. Из бесед с этим свидетелем стало ясно, что польских пленных офицеров расстреливали не только в тюрьме НКВД г. Смоленска, но и непосредственно в Катынском лесу (т.е. в Козьих Горах).

Выйдя от Климова (из здания бывшей тюрьмы) на свет Божий, я не радовался светившему солнцу, мне было тошно от «родной» истории, от запаха параши в этих бывших камерах, который, наверно, никогда не выветрится и которым президент Путин хочет заставить нас гордиться, называя все это «героическим прошлым».

Позже, размышляя о судьбе этого рядового исполнителя преступной воли Сталина и политбюро, я ловил себя на мысли, что Климов жил так, потому что знал, где ему и ему подобным место. Он сам себя осудил и приговорил к одиночной камере, сознавая, что заслуживает суровой кары. Это последнее можно было прочитать и в испуганных глазах Бороденкова, Титкова и других найденных мною свидетелей.

* Козьи Горы в Катынском лесу, территория дач НКВД, а позже КГБ.

Но меня тогда больше беспокоило то, что старики начали один за другим умирать, а прокуратура России не спешила их допрашивать в качестве свидетелей. Как мы теперь видим, она вообще со следствием не спешила... А по результатам следствия, объявленным весной 2005 г. главным военпрокурором России А.Савенковым, это чудовищное преступление названо «превышением служебных полномочий». Российская прокуратура сейчас сама совершает на наших глазах служебное преступление — не реабилитируя репрессированных польских офицеров. Поэтому я не удивился, когда прочитал результаты опроса общественного мнения: 96% граждан России считают прокуратуру РФ бесчестной. К этому уже ничего не прибавишь — это приговор русского народа. Все эти извращения права и морали еще несомненно получают свою оценку в международном суде, но есть еще Высший Судья над нами!

Кто-то из приехавших в феврале 1990 г. поляков подарил мне скромный маленький значок с надписью «Солидарность», каких много продавали в каждом польском киоске, но у меня было такое ощущение, что награжден я по меньшей мере орденом. Столько чувств стояло за этим словом, столько перемен и надежд... Помнится, я как ребенок радовался этому значку и всем знакомым показывал, пока его у меня кто-то не стащил. По «наводке» корреспондента «МН» Геннадия Жаворонкова меня наконец «вычислили» люди из «Солидарности», и теперь мне не надо было ходить за польскими туристами — говоря словами Иоанна Павла II: «...я их искал, а они сами пришли...» Пришли они не просто, а от имени самого Анджея Вайды. Среди них был известный режиссер-документалист Марцель Лозинский с целой киногоруппой и съемочной аппаратурой, был Марек Новаковский, Стефан Бартош из Минска. Помогал им правозащитник из «Мемориала» Алексей Памятных, который при случае был и переводчиком, так как хорошо владеет польским языком. Да, еще с ними была очень милая и культурная пожилая женщина, которая меня подробно расспрашивала о судьбе пленных польских офицеров. Приехавшие мне сказали, что ее отец-офицер погиб в Катини. Она меня несколько раз сердечно благодарила за поиски свидетелей преступления. Для меня это была неоценимая моральная поддержка в атмосфере всеобщей травли, устроенной мне в КГБ Смоленской области. Я показал им, где живут свидетели, и Лозинский снял фильм (который позже получил награду на кинофестивале).

Я, как ни странно, переживал не из-за того, что мне достанется от КГБ за несанкционированную встречу с иностранцами, а из-за того, что у меня дома был пустой холодильник и полторы тарелки супа в кастрюле. Жена моя Галина стояла несколько часов на морозе за колбасой (вареной), но перед самой кассой продавец объявил: «Дамы и господа, колбаса кончилась». В связи с этим неожиданных гостей я потчевал чаем и печеньем (купленным на талоны). «Масла в огонь» подлил Лозинский (видимо, подозревая меня в скупости) — начал рассказывать, как какие-то русские его хорошо приняли и сытно накормили...

Но все это были только «цветочки». Вскоре после приезда киногоруппы М.Лозинского произошло то, чего я не мог себе представить даже во сне. Напомню, что во времена Брежнева известный правозащитник Анатолий Щаранский был назван изменником Родины и осужден на длительный срок лагерей только за встречи с иностранным корреспондентом. Вообразите же мое состояние, когда поздним вечером в дверь моей квартиры позвонили ни больше ни меньше, как генеральный консул Республики Польша в СССР Михал Журавский и журналистка Кристина Курчаб-Редлих. Помню, у меня чуть не подкосились ноги: я уже видел себя в наручниках в Лефертовском следственном изоляторе КГБ, а моих гостей выдворенными из страны в 24 часа, как «persona non grata» или того хуже... как шпионы.

Как сейчас помню: из неосвещенного, темного (лампочки постоянно выкручивались, так как были страшным дефицитом) и, мягко говоря, грязного подъезда на меня с интересом смотрели мужчина и женщина, приветливо улыбаясь. Женщина (Кристина Курчаб-Редлих) смело зашла в квартиру, как к себе домой. Генеральный консул, стесняясь и виновато улыбаясь, пошел за ней. Из соседней двери высунула голову любопытная соседка. Вот и свидетель готовый, мелькнуло у меня в голове. Соседка тоже приветливо улыбалась, уловив иностранный акцент. «Может, им, сотрудникам КГБ, положено с иностранцами встречаться», — думала, наверное, соседка, прикладывая ухо к нашей замочной скважине. Кристина смело прошла в комнату и села в кресло, жена моя, парализованная увиденным, спряталась в другую комнату, а дочь Лариса пошла ставить чайник и подавать печенье (холодильник, как всегда, был пустой).

Меня просто ошарашила их смелость: ночью, без приглашения, прийти в квартиру майора КГБ. При такой их явной отваге и риске мне было стыдно показать свою трусость. Я понял, что надо переходить Рубикон, но собирался передать им только то, что уже отдал в газеты и на радио (Смоленское). Однако я недооценил их. М.Журавский приложил весь свой журналистский талант и темперамент. В результате я отдал им даже свой дневник расследования катынского преступления и еще неопубликованные материалы. Теперь польская сторона располагала данными о свидетелях и могла официально требовать скорейшего их допроса и возбуждения уголовного дела Генеральной прокуратурой СССР. Так Польша впервые узнала, что еще живы свидетели и участники зверского преступления сталинизма против польских офицеров и других граждан.

Поговорив несколько часов и заверив меня, что теперь я под охраной польской общественности, они уехали. Только тогда я в полной мере осознал, как важна для поляков правда о катынском преступлении. Позднее, много позднее, я понял, как важна эта правда для всех — в т.ч. и для россиян. Русский народ должен строить свое будущее на фундаменте исторической правды, а не на песке лжи.

После их исторического визита я уже ничему не удивлялся — ни встречаю с польским послом в СССР С.Цёсеком и генеральным прокурором Польши, ни телефонному разговору с легендарным Яцеком Куроном, ни встрече с тогдашним президентом Лехом Валенсой.

Алексей Волков

ПОЛЯКИ КАЗАХСТАНА

Нынешний год имеет для отношений Казахстана и Польши особое значение. Это год семидесятилетия печальной вехи в истории польского народа — высылки этнических поляков с Украины в Казахстан.

История поляков в Казахстане насчитывает столетия и имеет глубокие корни и традиции. Архивные летописи свидетельствуют, что еще в 1246 г. польский путешественник и монах Бенедикт вместе с итальянцем Джованни Карпини в ходе путешествия в Монгольскую империю посетил Центральную Азию и прошел с экспедицией по территории современного Казахстана. По мнению историков, это было первое посещение Великой степи европейцами, которое состоялось на 25 лет раньше знаменитого путешествия Марко Поло. Бенедикт и Карпини оставили потомкам много ценных исторических записей, свидетельствующих о традициях, обычаях и образе жизни кочевых народов Центральной Азии — предков современных казахов.

В 30-е годы XIX века на территорию Казахстана из царской России ссылали политических противников самодержавия, борцов за свободу, среди которых было немало поляков. Многие из них, такие, как Адольф Янушкевич, Густав Зелинский и Бронислав Залеский, посвятили Казахстану свою жизнь и творчество, оставили заметный след в казахской истории и культуре. Друг Мицкевича, увековеченный им в 3-й части «Дзядов», Адольф Янушкевич хорошо знал казахский язык и обычаи казахов. В течение восемнадцати лет он собирал казахские песни, легенды и поверья и опубликовал их в своих «Дневниках и письмах из путешествий по киргизским степям» в Париже в 1861 году. Густав Зелинский в знаменитой поэме «Киргиз» воспел образы казахской степи. Стоит напомнить хотя бы описание похода степняков, которым начинается шестая часть поэмы:

...Подан знак — и аулы сняты,
Забрано имущество — юрты свернуты
И сложены на двухколесные телеги...
Медленно тронулись тяжелые обозы,
Степь оживает, пестреет и населяется...
(Пер. подстрочный)

В начале XX века музыкальный критик Александр Затаевич, поляк по происхождению, переехал в Оренбург, бывший тогда главным городом Казахстана. Здесь он впервые познакомился с казахским музыкальным творчеством, и эти мелодии настолько его поразили, что он стал записывать песни. Он собрал и издал более 2300 песен и мелодий степных акынов и инструменталистов. Никто ни до него, ни после не смог провести такую титаническую работу — собрать и записать музыкальное достояние целого народа. При этом А.Затаевич использовал собственную методику записи, которая позволяла передать не только нотное изображение произведений, но и вдохновение, настроение той или иной песни. К его уникальной коллекции обращались многие композиторы, этому собранию до сих пор нет равных.

В 1936 г. в ходе сталинских репрессий на Украине были ликвидированы польские национальные районы и принято решение о переселении польских и немецких хозяйств из пограничных областей СССР в Казахстан, для чего была создана специальная комиссия по высылке. Контингент переселяемых составил 15 тысяч польских и немецких хозяйств из Винницкой и Киевской областей Украины, где преимущественно проживали поляки. Общая численность высланных только с Украины составила около 70 тысяч человек. Второй период депортаций пришелся на 1939 год. В целом, по разным оценкам, из западного региона СССР в казахстанские степи было выслано около 190 тыс. человек. Основанием для

применения репрессивных мер служили подозрение в «неблагонадежности» или наличие родственников в Польше, стандартным было обвинение в сотрудничестве с польской разведкой. Высылаемым разрешалось брать с собой лишь одежду, белье, обувь, постельные принадлежности, часть посуды (ножи, вилки, ложки, чайники, ведра), продовольствие на месяц, хозяйственный бытовой инструмент — всего не более 500 кг на семью. На сборы отводилось не больше двух часов. Операции по высылке обычно проводились на рассвете, чтобы избежать «ненужной шумихи и паники». Железнодорожные станции оцеплялись конвойными войсками, которые сопровождали эшелоны из 55 вагонов по 25-30 человек в каждом.

Следует отметить, что во многих случаях жизнь поляков, прибывших в Казахстан, зависела от принимавших их местных жителей. Несмотря на жестокое отношение властей, простые казахи относились к высланным полякам без всякой ненависти, делились с ними последним. Так, заместитель заведующего сельхозотделом ЦК ВКП(б) Ицков с тревогой сообщал секретарю ЦК Андрееву о том, что в одном из колхозов Кустанайской области Казахской ССР «ссылным устроили такую радушную встречу, что отдали им дневной удой молока с фермы, так что даже дети колхозников в детплощадке остались без молока». В местах прибытия поляков были образованы населенные пункты и села. Так, в 1936 г. было образовано село Озерное Тайыншинского района Северо-Казахстанской области. В 1941 г. рядом с селом в результате осадков и стока вод образовалось озеро, в котором появилось много рыбы. Эта рыба была единственным продуктом питания и в войну спасла людей от голода. Во время войны в Казахстан прибывало эвакуированное население, высылали целые народы, а из Казахстана на фронт мобилизовали людские ресурсы. Именно в Казахстане в годы II Мировой войны была сформирована армия генерала Владислава Андерса, впоследствии национального героя Польши, принимавшего участие в освобождении от гитлеровцев сначала Италии, а затем Бельгии и Голландии.

В суровое военное лихолетье поляки сохраняли свою духовность и культуру. В Казахстане известный польский поэт-футурист Александр Ват написал свое знаменитое стихотворение «Ивы в Алма-Ате» и другие произведения. Поэт Ян Гуща написал в Казахстане поэтический цикл, опубликованный позднее Ярославом Ивашкевичем и Земовитом Федецким в журнале «Твурчость». Как известно, до 1989 г. об арестах и высылках поляков в ПНР писать запрещалось, но в стихах Я. Гущи и не было этого слова — были казахские пейзажи, беседы с казахами у костра, выражение общей боли и страданий двух народов...

Послевоенное положение поляков, как и спецпереселенцев многих других национальностей, определялось постановлением СНК СССР от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпереселенцев», которое ограничивало не только свободу передвижения, но и возможности получения образования, работы и т.д. Только в 1956 г. поляки были сняты с учета спецпоселения. К этому времени поляки уже заняли определенное место в сложившейся хозяйственно-производственной системе в местах их компактного расселения. В 60-х годах XX века они сыграли большую роль в освоении целины. Например, в Кокчетавской области среди руководителей районного звена (председателей колхозов, работников местных органов власти и т.д.) значительную часть составляли поляки. Будучи носителями традиционной польской культуры, они и стали основой современной польской диаспоры в Казахстане.

Ныне, по данным статических органов, в Казахстане проживает около 50 тысяч поляков. При этом исследователи полагают, что казахстанских поляков, записанных в советские годы украинцами или русскими, гораздо больше — около 100 тысяч. Судьба разбросала их по разным уголкам страны. Самые большие компактные поселения поляков расположены в Северо-Казахстанской, Кокчетавской, Акмолинской, Карагандинской и Алматинской областях. Вместе с казахским народом им пришлось пережить тяжелые времена репрессий и национального угнетения. Несмотря на суровые жизненные испытания, большинство

поляков сохранило национальные традиции, сумело передать новому поколению любовь к родной песне, танцам, культуре.

Казахстанские поляки принимают активное участие в общественно-политической жизни Казахстана, среди них есть известные юристы, ученые и бизнесмены. Они поддерживают и укрепляют связи со своей исторической родиной. Председателем Союза поляков Казахстана избран известный общественный деятель профессор Ян Зинкевич, который многое сделал для сохранения национальных традиций и культуры поляков в Казахстане. Во многом благодаря его усилиям ныне в стране действует пять польских обществ, которые занимаются вопросами национального и культурного возрождения. В Северном Казахстане уже несколько лет ведется спутниковое вещание телеканала «Полония». По договоренности между министерствами образования наших стран, в Казахстане работают преподаватели из Польши. Ежегодно дети и студенты, активно изучающие польский язык, едут отдыхать в Польшу. Около 600 студентов из Казахстана обучаются в высших учебных заведениях на своей исторической родине.

Визит великого поляка — Папы Иоанна Павла II в Казахстан в 2001 г. дал мощный импульс укреплению католической Церкви. Сегодня в столице и других городах Казахстана построены костелы и соборы, а в Астане регулярно проводятся съезды католиков стран Азии. Предмет нашей общей памяти и наших молитв — находящиеся на польской земле могилы советских солдат-казахов, которые погибли в борьбе с фашизмом, и могилы сол-

дат армии генерала Андерса и многих поляков из числа репрессированных, покоящихся в казахской земле.

Сегодня Казахстан проводит открытую политику по отношению к национальным меньшинствам, которая учитывает интересы всех национальных групп с полным соблюдением их прав в соответствии с международными стандартами. Эти принципы содержатся в базовых двусторонних документах, подписанных между Казахстаном и Польшей. Как известно, в январе 2001 года Польша объявила о репатриации поляков. Однако мы не ожидаем массового выезда поляков из Казахстана. По мнению председателя общества «Полония» В.Стельмаховского, процесс репатриации этнических поляков из Казахстана в последние годы сократился до минимума, чему способствовало повышение уровня жизни в Казахстане, и даже наметился процесс реэмиграции.

Наличие многотысячной польской диаспоры в Казахстане, общность исторических судеб наших народов, а также тесные духовные, культурные и гуманитарные связи — вот основополагающие элементы казахстанско-польских отношений, залог их дальнейшего развития. Хороший задел в казахстанско-польских отношениях, а также сходство интересов в области межрегионального сотрудничества могут придать импульс укреплению взаимопонимания и расширению взаимодействия между Казахстаном и Польшей, а в долгосрочной перспективе — через Варшаву — и Евросоюзом. Наследие польского монаха Бенедикта, открывшего Казахстан европейцам, не должно быть утрачено.

Алексей Волков — чрезвычайный и полномочный посол Казахстана в Польше.

Петр Вежбицкий

КВАРТЕТЫ ШОСТАКОВИЧА

Мои любимые пластинки

В Дмитрие Шостаковиче было что-то от Моцарта — он мог всё. Это значит, что не было такой музыкальной формы, в которой он не достиг бы успеха. Овладел он и самой сложной формой — струнным квартетом (для двух скрипок, альты и виолончели).

Я люблю квартеты Шостаковича. Люблю их слушать. Можно какое-то произведение считать шедевром, но не особо стремиться постоянно его слушать. Можно его любить платонически. Моя связь с квартетами Шостаковича очень живая. Я постоянно слушаю их — от первого и до последнего, Пятнадцатого.

Люблю я и симфонии Шостаковича, особенно Пятую, Девятую и Десятую. Но в них мне кое-где мешают пафос и тот излишек шума, который способен издать чересчур разгулявшийся в каком-нибудь финале оркестр. Квартеты Шостаковича иные, по-настоящему камерные, не годятся для большой сцены. В своих симфониях Шостакович единоборствует с миром — в квартетах он мир оплакивает. В симфониях прославляет или осуждает — в квартетах просит прощения. В симфониях грешит — в квартетах исповедуется.

Я люблю квартеты Шостаковича, ибо, сколько бы я их ни слушал, они всегда меня изумляют. Вот во времена художественной провокации, эксперимента, авангарда — как ни в чем не бывало возникают сочинения, написанные почти так, как писал Брамс. Вот некая эпоха должна была окончательно завершиться — но, как выясняется, не завершилась. Вот уже казалось, что дальше так сочинять нельзя, — а оказывается, можно, и без использования фольклора, без «бахизмов», без пародирования устаревшего. Вот музыка бежит от эмоций, как от заразы (ибо это подражание XIX веку, безвкусица и т.п.) — а тут русская душа, открытая, нагая, по своей воле щеголяет без кожи и ораторствует о том, что ей досаждают. Терзания. Наболевшее. Боль. Во все новых и новых вариантах — собственно, почти тот же мотив жалобы, только не бетховенской, мечущей грома и молнии, устремленной в одну точку, а такой как бы рассредоточенной, с колебаниями, а может быть, и страхом в глубине. Когда я слушаю это, у меня перед глазами стоит лицо Шостаковича. Я вижу человека в очках, опечаленного, невидящего, измученного, подвешенного между взлетом и падением. В симфониях он провозглашал свой триумф, в квартетах — поражение.

Я люблю мрачные причитания в квартете №3 с кантиленой, звучащей бесконечно, как у романтиков, как в Скерцо си-бемоль минор Шопена, грустную думу в Andantino из квартета №4, грозно звучащее *memorandum* в Largo из квартета №8, застывшую, замершую музыку в квартете №15, последнем.

Но еще больше я люблю нечто, что появляется в этих квартетах изредка, в виде исключения, на миг. Это проблески хорошего настроения, забытья. Здесь свойственный Шостаковичу метод обработки крайне простых мотивов и ритмов — прямо-таки детских, взятых из каких-то дворовых считалок, — здесь его «На златом крыльце сидели...» дает громоподобный, поразительный результат. Мотив, напеваемый во время бритья (немного сквозь зубы) из первой части квартета №3, вежливые уговоры в Allegretto из квартета №6 и весь Первый квартет, удивительно зрелый, как будто это квартет последний, аполлоновский, не затронутый ни отчаянием, ни сожалением, ни гневом, почти такой идеальный, словно он создан рукою Гайдна, с намеками на «Классическую симфонию» Прокофьева и с неожиданно выскакивающей в середине третьей части забавной одочкой к радости...

Только печальный человек умеет по-настоящему радоваться.

Иоанна Арашкевич

ЮМОР И МЕТАФИЗИКА В РУССКОЙ МУЗЫКЕ XX ВЕКА

23 ноября прошлого года в Варшавской Музыкальной академии им. Фредерика Шопена состоялся концерт из цикла «Среда в Музыкальной академии». На этот раз нам довелось участвовать в представлении, характер которого явно отражал метафизическую сторону музыки, но отнюдь не ее юмористический аспект, который подразумевало название. На самом деле юмора было не слишком много, а если он и был, то очень тонкий и благородный. Первым из представленных произведений было «Three merry pieces for piano trio» Родиона Щедрина (1932 г.р.) в исполнении Юстины Дуды (скрипка), Анны Арматыс (виолончель) и Майи Носовской (фортепьяно). Три сочинения для фортепьянного трио затрагивают глубокие проблемы в форме шутки, обращаясь к творчеству выдающегося итальянского композитора XIX в. Джоакино Россини. 15-минутное выступление исполнительниц было насыщено русским фольклором, сатирой, неожиданными юмористическими темами (внезапными замедлениями, глиссандо и сменой ритма). Оно приобрело форму музыкального анекдота, конец которого наступает вдруг, без всякого предупреждения. Как хороший анекдот кончается в момент кульминации, так и «Three merry pieces» умолкают внезапно, прерванные ностальгической дрожью смычка...

Метафизической частью концерта несомненно стала великолепно исполненная Петром Райхертом (альт) и Майей Носовской Соната до мажор (соч. 147) Дмитрия Шостаковича, в ко-

торой композитор близок к неоромантизму, экспрессионизму, а временами к гротеску. Индивидуальный стиль Шостаковича достигает здесь апогея — в этом небольшом произведении заключены и задумчивость, и витализм, а фраза построена в неоклассической манере. В сонате прослеживается тенденция к цитированию других композиторов, что особенно хорошо видно в Адажио, использующем главную тему «Крейцеровой сонаты» Людвиг ван Бетховена. Соната для альты и фортепьяно стала последним сочинением больного раком Шостаковича. Она была написана очень быстро, с перерывами на лечение. Соната поражает космической глубиной и ясностью изложения, в котором есть место и для эмоционального восприятия, и для размышления, что делает переживания исполнителей и публики более интенсивными. Солисту удалось создать микрокосмическую камерную атмосферу, исполненную простоты, которая дополняется элементами пародии. Он играл с большим энтузиазмом, увлеченно, но в то же время иронично и технически безупречно.

Представленные во втором отделении «Сатиры» Шостаковича на стихи Саши Черного, вопреки своему красноречивому названию, не искрились юмором так, как можно было того ожидать. Тенор Петр Кусевич, исполнивший четыре песни из сатирического цикла («Критику», «Потомки», «Крейцера соната» и «Недоразумение»), явно лучше зареко-

мендовал себя с артистической, нежели с вокальной стороны. Необузданность этих песен, а также их злободневность, подчеркнутая намеками на советский период, привела к тому, что цикл получил подзаголовок «Картинки прошлого». Это должно было наводить на мысль о временах царизма и спасти произведение от цензуры. Тем не менее в свое время на исполнение песен был наложен запрет. Юмор и шутливость «Сатир» заключаются в способе артикуляции и в построении фразы, а не в эстетике звучания. Солист любой ценой старался быть забавным, однако достиг лишь половинчатого результата, так как временами подводила постановка голоса. У него чувствуется явная склонность к современному и даже джазовому исполнению, однако ему недостает классической трактовки музыкального текста.

Очередную порцию метафизики преподнес зрителям квартет «Дафе», в составе которого выступили Юстина Дуда (первая скрипка), Данута Аугустин (вторая скрипка), Анета Думановская (альт) и Анна Арматыс (виолончель) в сопровождении пианистки Майи Носовской. Музыканты исполнили Фортепьянный

квintет Альфреда Шнитке (1934-1998), посвященный памяти матери композитора (подзаголовок звучит «In memory of my mother Maria Vogel»). Одним из важнейших источников вдохновения Шнитке были григорианский хорал и православная богослужебная музыка. Впрочем, спектр его интересов был весьма широк: он охватывал инструментальную и вокальную, симфоническую и камерную, хоровую и сольную музыку. Другая характерная черта стиля композитора — это минимализм, сочетающийся с эклектизмом, что явственно слышно и в квинтете, звучащем очень современно. Шнитке удалось соединить два полюса — монументальность и задорное лукавство.

Наверное, именно поэтому концерт получил название «Юмор и метафизика». Речь шла не о противопоставлении шутки вдумчивой серьезности, но скорее о соединении юмористической стилистики с атмосферой созерцания и рефлексии. Благодаря таким концертам нельзя забыть и еще об одном — о том, как с помощью музыки достичь полной внутренней тишины... А развеять ее внезапной сменой настроения — это уж русские композиторы умеют лучше всего.

Иоанна Арашкевич

НОВОСТИ ПОЛЬСКОЙ ДИСКОГРАФИИ

Анна Мария Йопек

«Небо», Universal Music Group, 2005.

Вышел новый диск артистки, которая каждый раз удивляет новаторским взглядом на так называемую популярную музыку. Соединение этого жанра с элементами джаза дает необычайно интересный результат. Пластинка «Небо» — гораздо более лирическая, поэтическая и глубоко личная, чем предыдущие записи вокалистки (альбомы «Боса», «Ненасытность», «Фарат»). Здесь записаны двенадцать новых сочинений, которые Йопек написала совместно с Мартином Кидрынским (а он вдобавок демонстрирует здесь свой талант гитариста). В числе участников появляются также ударник Мино Цинелю, виолончелистка Юстина Раубо, скрипачка Патриция Йопек (сестра Анны Марии), а также гитарист Марек Напюрковский. Завершает запись специальное дополнение, то есть авторская версия Adagio из Фортепьянного концерта ля мажор Моцарта (KV 488). «Это альбом о счастливой любви и главных вопросах нашей жизни», — говорит сама артистка. К сожалению, не удалось избежать некоторой монотонности и экзальтации. Каждое из произведений действительно очень интересно, но в целом альбом лишен композиционного единства. Слишком много в нем Кидрынского (в определенные моменты атмосфера в точности напоминает его передачу «Сиеста»), слишком мало Йопек. Надеюсь, что очередной диск — с музыкальной точки зрения — станет продолжением прежних художественных достижений вокалистки.

Квартет Томаша Станько

«Suspended night», ECM Records 2004, дистрибутор Universal Music.

Пользующийся мировой славой джазовый музыкант, получивший всестороннее образование, посещал классы скрипки, фортепьяно и трубы. Однако известен он главным образом как трубач. В 1963 г. его пригласил сотрудничать Кшиштоф Комеда, и это стало переломным моментом в карьере Томаша Станько. Хотя основное внимание он посвящал сочинению собственной музыки и творческому сотрудничеству с Комедой, тем не менее Станько концертировал и записывал пластинки также с Анджеем Тшасковским, Бернтом Розенгреном, Збигневом Намысловским. Важное место в творчестве Станько занимает музыка для кино и театра. Он, в частности, написал музыку к кинофильмам «Дыра в земле», «Проказа», «Прощание с Марией», к спектаклям «Освобождение» и «Балладина». Кроме того Станько — автор многочисленных джазовых тем. Пластинку «Suspended Night», которая записана совместно с Мартином Василевским (ф-но), Славомиром Куркевичем (контрабас) и Михалом Миськевичем (ударные), приятно слушать в спокойной обстановке тихим вечером, однако ее мрачноватый характер (следствие весьма субъективного взгляда на искусство) многих слушателей может попросту утомить. При всей ее мягкости эта музыка несет в себе некий заряд агрессии, разумеется, в положительном значении этого слова; быть может, это predetermined тем направлением джаза — «free jazz», который Станько культивирует. «Мы ощущаем себя совершенно свободными, — говорит об этом сам музыкант. — Мы играем по стандартам, но удовольствие, которое мы получаем от игры, дезинформирует нас самих и может привести к тому, что контакт с публикой утрачивается. (...) Это мое личное восприятие, так как мне процесс исполнения доставляет удовольствие, а слушатель сидит и скучает». Когда я слушаю записи Томаша Станько, у меня каждый раз возникает ощущение, что артист сосредоточен именно на процессе творчества. «Suspended Night» лишь еще раз подтверждает и усиливает это ощущение.

Трио: Мартин Василевский, Славомир Куркевич, Михал Миськевич
ECM Records 2005, дистрибутор Universal Music.

Ансамбль более известен как «Simple Acoustic Trio». Музыканты сотрудничают с Томашем Станько (в частности — при записи вышеупомянутого диска Станько), и хотя альбом записан без его участия, влияние его явно ощущается. Запись носит характер вариаций: у каждого из произведений есть свое название, но все вместе они составляют единое целое. Собранный музыкальный материал, сам по себе, кстати, менее интересный, чем у Станько, выстроен таким образом, что музыкальное содержание, на первый взгляд хаотичное, приобретает вполне определенную форму. Сочинения, с которых начинается альбом, достигают настроения «smooth jazz», а в конце альбома — благодаря композиционной свободе — настроение становится сдержаннее и приближается к «free jazz». Это очень удачные сочинения, которые дают исполнителям возможность как можно больше сказать своим исполнением, а слушателям — возможность сосредоточиться и наслаждаться звуком. Таким образом, для одних самым большим недостатком диска может оказаться отсутствие некой связности, для других — наоборот, именно разнообразие произведений станет его большим плюсом. Самые интересные моменты альбома — это полная драматического напряжения, скомпонованная Бьерк баллада «Hyperballad», а также стилистически «упорядоченная» «Sister's Song». Одним словом, Трио сделало запись гораздо более взвешенную, полную настроения, но менее динамичную, чем прежние записи Василевского, Куркевича и Миськевича.

Морыго — Шостакович
DUX 2005.

Здесь записаны два популярных сочинения в совершенно иной, чем прежде, трактовке.

Концерт для виолончели с оркестром польского композитора Станислава Морыго (1992), представляющий собой превосходно сбалансированную звуковую форму с классической трехчастной схемой, посвящен памяти друга композитора Збигнева Кычи. Солист Томаш Страхл и Силезский камерный оркестр под управлением Мирослава Яцека Блашика вводят совершенно неожиданные повороты музыкального повествования. Концерт начинается динамичным *Drammatico*, отличающимся невероятной экспрессией и интенсивностью звучания. В сольной партии второй части, *Lugubre*, появляется фраза из старинного польского песнопения Страстной недели «Плачь же сегодня». Произведение завершает *Agressivo* — самая драматичная и вместе с тем очень трогательная часть цикла. Исполнение Томаша Страхла полно напряжения и обладает упорядоченной и в то же время выразительной мелодической структурой. Сочинение с четко выстроенной конструкцией становится выражением смелого творческого замысла и не без основания считается одним из лучших у Станислава Морыго.

Первый скрипичный концерт ля минор, написанный одним из величайших композиторов XX века Дмитрием Шостаковичем, впервые был публично исполнен только после смерти Сталина, и произошло это в значительной мере благодаря выдающемуся скрипачу Давиду Ойстраху, которому композитор посвятил свое сочинение. Концерт состоит из четырех частей, звучащих в довольно непривычной последовательности: Ноктюрн, Скерцо, Пассакалия и Бурлеск. В исполнении Романа Лясоцкого и симфонического оркестра Силезской филармонии под управлением М.Я.Блашика мы слышим лирическую первую часть, которая затем переходит в демоническое и полное гротеска Скерцо, требующее от солиста невероятно высокого мастерства. В некоторых фрагментах третьей части звучит тема из Пятой симфонии Бетховена, а в последней части, в Бурлеске, мы слышим темы русской народной музыки. Исполнение Романа Лясоцкого очень продуманное, спокойное и созерцательное (особенно это ощущается во второй и четвертой частях), что крайне редко можно сказать об исполнении произведений Шостаковича. Это позволяет гораздо глубже ощутить богатство гармонии произведения, понять его мелодическую фактуру, что довольно часто «ускользает» от нашего внимания при слишком быстром темпе исполнения.

Магдалена Байер

ПОПРОБУЙТЕ ПЕРЕПРЫГНУТЬ

За месяц с небольшим до украинских парламентских выборов в Киеве прошла конференция «Профессиональные СМИ в демократических обществах», организованная по инициативе государств Веймарского треугольника. По дороге из аэропорта в гостиницу участники конференции проезжали мимо густо расставленных вдоль шоссе рекламных щитов примерно сорока партий. В свободной стране это неудивительно, так же как неудивителен и типичный международный стандарт гостиничных комнат (с Интернетом в случае надобности), конференц-зала, оборудования для переводчиков и т.п.

Чуть ли не первым, о чем мы узнали незадолго до открытия конференции, была новость о приостановке лицензии на вещание симферопольского частного телеканала — за нарушение положения о выборах, которое запрещает представлять кандидатов таким образом, чтобы это могло уменьшить их шансы на победу. Это возмутило в основном гостей, а не наших украинских хозяев, которые комментировали появившееся сообщение так: «А вы думали, что наши СМИ свободны по вашим меркам?»

В числе гостей были журналисты — по несколько из Германии, Франции и Польши, — а также дипломаты из этих стран. Украинских журналистов было несколько десятков — из разных городов и СМИ, не исключая партийных органов.

Мне выпала честь произнести вступительное слово к дискуссии на тему «Свобода и ответственность: как найти равновесие». Уже в самом нача-

ле я чувствовала себя скованно из-за использованной ранее украинским докладчиком формулировки «ножницы в голове», которую можно назвать лапидарным определением самоцензуры. Материалы все еще режут, несмотря на то что большая часть журналистской среды пытается противостоять этому явлению. У нас таких проблем не было, так как после 1989 г., когда формальная предварительная цензура была отменена, мы поспешили воспользоваться свободой слова, не прикасаясь к ножницам, даже когда следовало бы воздержаться от опрометчивых суждений, клеветы и излишней сенсационности. Иными словами, мы все еще ищем равновесие между свободой и ответственностью за слово.

Украинские СМИ пока что сражаются за свободу — во всяком случае они очень пристально следят за тем, чтобы пространство отвоєванной свободы не сузилось. Участвовавшие в конференции журналисты жаловались на склонность многих своих коллег к угодничеству. Нас, гостей, они выспрашивали в кулуарах, можем ли мы критиковать власти и каким образом это происходит. Чувствовалось, что они считают контроль над политической властью первоочередной задачей СМИ.

Нам довелось услышать горькие слова: о порабощении (прежде всего экономическом) журналистов в коммерческих СМИ; о широко распространенной растлевающей системе гонораров «в конвертах» (несогласие на эту практику вызывает по-

дозрения в сомнительных связях с властью или коррумпированным бизнесом); о дискриминации телевидения, которое на Украине все еще государственное, а не общественное.

В Киеве я все время думала о том, что из нашего опыта может пригодиться украинским журналистам. Например, способны ли они уже сейчас перейти от сообщений о скандалах и плохих политиках к публицистике, описывающей и объясняющей обществу механизмы развития демократии, свободного рынка, участия граждан в управлении государством?

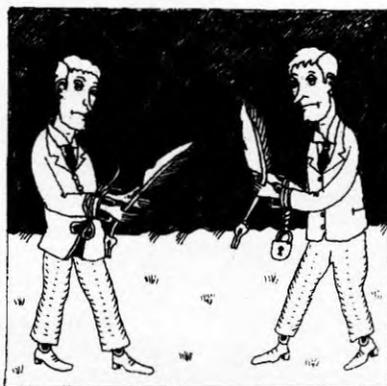
А может, переступив порог свободы, СМИ всегда должны пережить горячку информирования обо всем и описания прежде всего зла, так как раньше им долго не удавалось это сделать?

Я говорила об этом со своими украинскими коллегами, чувствуя, что сейчас им больше всего нужно другое — просто поддержка их усилий по сохранению свободы слова, заверение, что журналисты из более развитых в этом отношении стран готовы помогать им и дальше так, как помогали «оранжевой революции».

У наших коллег есть множество организаций и профсоюзов. Есть Национальный совет по вопросам телевидения и радиовещания Украины, одна из членов которого в заключительный день работы конференции охарактеризовала ситуацию, еще раз повторив то, что мы уже слышали:

простояли очень долго. Рассказ экскурсовода перенес нас в малоизвестные нам, соседям, времена мощи и величия родины этой молодой патриотки.

Я на ломаном английском рассказывала немцам и полякам о Киевской Руси. У памятника князю Ярославу Мудрому мы рассказали о польской княжне Гертруде, которая в XI веке вышла замуж за русского князя Изяслава и оставила потомкам молитвенник, который варшавская медиевистка Тереса Михаловская признала первым произведением польской литературы, хоть и написанным по-латыни.

Мне подумалось: хорошо бы поскорее настало время, когда в украинских СМИ об этом будут говорить историки и публицисты, освобожденные от ситуационных политических нужд и страхов.

Вечером, у немецкого посла, я отважилась сказать журналисту из моего родного Львова: «Попробуйте перепрыгнуть через это время — первое время после обретения свободы, время хаоса, взаимных подозрений и недобрых воспоминаний. У вас есть к чему обратиться».

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• Давно уже в Польше не отмечали с таким размахом ничей юбилей. 80-летие Анджея Вайды превратилось во всенародное празднество. Накануне варшавских торжеств Вайда получил на Берлинском международном кинофестивале «Золотого медведя» за творчество в целом. Вручавший премию директор фестиваля сказал: «Сегодня мы вручаем «Золотого медведя» великому мастеру, который не только снимает фильмы, но и творит историю». Сам же Вайда в интервью, данном Барбаре Холлендер, признался: «В начале своей режиссерской карьеры я верил, что кино может быть чем-то большим, чем удовольствие, развлечение и даже искусство. Я думал, что оно может менять мир и преобразовать человеческое сознание». Зрители сочли лучшим фильмом Вайды «Землю обетованную». Следующие места заняли «Человек из мрамора», «Пепел и алмаз», «Канал» и «Барышни из Вилька».

• Фильм, который снимает в Варшаве американка Мэри Скиннер, должен был появиться уже давно. Его героиня — 96-летняя Ирена Сандлер, спасавшая во время войны еврейских детей из варшавского гетто. Она спасла в два раза больше людей, чем Оскар Шиндлер... «В США есть несколько тысяч работ о Катастрофе, но только одна о «Жеготе» [кодовое название Совета помощи евреям при подпольной делегатуре правительства в изгнании (1940-1945)], — говорит автор фильма. — За пределами Польши люди не понимают, что поляки противостояли нацистам, рисковали жизнью».

• Присуждены «Польские орлы» — ежегодные кинопремии, называемые иногда «польскими Оскарами». В этом году решения жюри были довольно монотонными: почти во всех категориях «Орлы» достались уже награжденному в прошлом году на кинофестивале в Гдыне фильму Феликса Фалька «Судебный исполнитель». На сцену выходили по очереди сам Фальк, лауреаты премий за лучшие главные роли Кинга Прейсс и Анджей Хыра и наконец продюсер Януш Моргенштерн. Главным проигравшим оказался Кшиштоф Занусси со своим фильмом «Персона нон грата».

• В этом году исполнилось 10 лет со дня смерти Кшиштофа Кеслёвского («Любитель», «Три цвета», «Декалог»). В связи с этим польские телеканалы посвятили много места его творчеству, показав уже давно не демонстрировавшиеся ранние документальные фильмы режиссера и множество фильмов, которые долгие годы лежали на полках цензуры. «Быть может, все творчество Кеслёвского заключалось в очищении жизни от мифов и в то же время было попыткой создать совершенно иной миф, выстроить для нужд фильма собственное представление о вере, Боге, любви, свободной воле», — написал Павел Т. Фелис. Тем временем на экраны кинотеатров вышел фильм «Ад», снятый по написанному еще для Кеслёвского сценарию Кшиштофа Песевича.

• В Варшаве на 91-м году жизни скончалась замечательная актриса Ханка Белицкая. Она выступала на сцене почти до самого конца. «Пани Ханка, спасибо Вам за улыбку и сердце. Теперь на небесах будет весело, когда Вы начнете читать свой вечный монолог», — написал один из поклонников ее творчества на форуме «Газеты выборчей». Ханка Белицкая сыграла несколько ролей в польских комедиях («Кафе под Миногой», «Брак по расчету»), выступала на прославленных театральных подмостках (в варшавском Современном театре), но прежде всего была эстрадной актрисой, которая со своими историями из городского фольклора объездила чуть ли не весь мир, неизменно вызывая искренний энтузиазм поляков.

• Под художественным руководством Гжегожа Яжины бывший варшавский театр «Розмаитости» («Всякая всячина»), ныне избравший себе логотип TR, стал сценой интересной, будоражащей умы и привлекающей преимущественно молодую публику. Связанные с ним режиссеры (Варликовский, Цепляк и сам Яжина) пользуются успехом в мире — их приглашают в самые видные театры. В этом году TR, который последние два года работал под девизом «Территория Варшава» (желая тем самым доказать, что спектакли можно играть в любом месте метрополии), рас-

ширяет свою деятельность. Новый логотип будет представлять собой надпись TR/PL и польского орла с оторванной головой и хлещущей кровью вместо короны. «Мы хотим посмотреть, что у орла внутри (...) После вступления в Евросоюз мы расправили крылья. Время сейчас исключительное, и театр тоже должен быть исключительным (...) Пришла пора понять и обдумать то, что произошло в 90-е, описать смену самосознания. Пространство вокруг нас расширяется. Надо развивать новые темы», — написали в своем манифесте режиссеры и артисты театра. Тем временем TR наладил сотрудничество с авторами самых шумевших в последние годы дебютов (такими, как Дорота Масловская, Михал Витковский, Славомир Схуты и др.), которые пишут для него специально заказанные пьесы. Кроме того, у театра есть шанс получить вторую сцену (первая ломится от зрителей) в варшавской Праге — в популярном частном центре «Фабрика тростника», где у него появится возможность обратиться к совершенно новой публике. Сам Яжина комментирует свои последние начинания так: «Нам не все равно, где жить и работать. Мы хотим превратить TR в дом польской драматургии, но так, чтобы при этом наше отношение к нему было не идолопоклонническим, а критическим. Только тогда орел сможет обрести свою голову».

• **Между тем живущий в Кракове Кристиан Люпа возвращается к работе в Варшаве, где ставит спектакль австрийского драматурга Томаса Бернхарда «Горные вершины спят во тьме ночной».** В одном из интервью Люпа сказал: «Довольно долго я боялся Варшавы. Она угнетала меня (...) Кроме того (...) после наших политических перемен Варшава (...) не могла прийти в себя, была городом хаотическим и особенно неприятным (...) От нее веяло пустотой. И лишь в последнее время я с радостью замечаю, что что-то меняется, что-то появляется и формируется (...) Я размышляю о потенциале этого города. Я чувствую, что этот город чего-то ждет. И в то же время я опасуюсь, как бы наша нынешняя политическая ситуация все это, грубо говоря, не раздолбала».

• Еще один частный театр одного актера создается в варшавском Муранове. Организует его Эмилиан Каминский в подвале старого жилого дома начала прошлого века (сейчас этот период пользуется особой популярностью), от которого театр и получил свое название — «Старый дом». Камин-

ский будет ставить прежде всего монодрамы и небольшие музыкальные спектакли. Публика надеется, что найдет в его театре атмосферу многократно описанных, хотя и неизвестных у нас парижских кабаре.

• **Тем временем в театре «Полония» Кристины Янды фурор произвела новая премьера. В спектакле по роману украинской писательницы Оксаны Забужко «Полевые исследования украинского секса» бывшая секс-бомба польского кино Катажина Фигура показала себя великолепной, полной экспрессии актрисой, почти сравнявшейся с Яндой по выразительной силе и, пожалуй, еще более хищной. «В комбинации, кошмарных очках и растянутом свитере она читает абсурдную лекцию о собственной сексуальности и тут же прерывает ее молитвой на ступенях алтаря», — написала Иоанна Деркачов. А театр «Полония», который до сих пор ремонтируется, обретает все более сильную позицию среди варшавских сцен.**

• Прошедший в пражской «Фабрике тростника» очередной, пятый по счету фестиваль «Варшавский джазовый андеграунд» был на редкость удачным. «В художественном отношении 5-й фестиваль был на пятерку, — пишет Лукаш Каминский. — С публикой было немного хуже, чем в прошлом году, но 950 человек — это и так результат, которому могут позавидовать не только авангардные, но и коммерческие мероприятия». А многие другие городские и общественные начинания могут позавидовать изобретательности «Фабрики тростника».

• В этом году в программу ежегодного вроцлавского фестиваля «Musica Polonica Nova» вошли 24 концерта, в рамках которых были впервые исполнены 28 сочинений. Наряду с сочинениями молодых польских композиторов в их числе оказались также творения классиков современности (Лютославского, Пендеревского, Гурецкого). Самой большой неожиданностью стали премьеры целых пяти камерных опер — в т.ч. не исполнявшейся уже 40 лет «Хагит» Кароля Шимановского и документальной оперы Тадеуша Велецкого «Заседания «круглого стола»».

• Самым интересным польским книжным дебютом с момента появления Дороты Масловской критика признала роман Миколая Лозинского «Reisefieber». «Проза Лозинского — приглушенная и (...) камерная, — пишет Рышард Осташевский. — В ней нет спорных тем с первых страниц газет и стилистиче-

ской экстравагантности. Автор показывает (...) сменяющие друг друга картины семейной драмы, сосредотачиваясь на переживаниях и эмоциях героев, тонко прорисовывая психологические портреты». Фабульный стержень романа — приключения живущего в США шведа, который, узнав о смерти матери, едет в Париж, где провел детство, чтобы привести в порядок свои дела.

• **Ежи Фицовский** получил премию им. Станислава Реймонта, присуждаемую Союзом польского ремесла. Последний сборник его стихов называется «Пантарейя», что очевидным образом относит читателя к гераклитовскому утверждению: «Все течет». Януш Джевуцкий пишет: «Ежи Фицовский напоминает нам о том, что мы вроде бы знаем, но о чем не думаем и не хотим думать, ибо — как нам кажется — у нас нет на это времени». И далее: «О том, что такое уходящее время, Фицовский (...) знает более чем достаточно. Автор «Письма Марку Шагалу» и «Прочтения пепла», а также издатель произведений Бруно Шульца, (...) редактор народной поэзии польских евреев и автор книг о польских цыганах, с которыми история обошлась крайне жестоко, не раз и не два терпеливо напоминает нам слова Библии: «Проходит образ мира сего». Премия присуждена также Томашу Лубенскому за книгу «Всё в семье».

• На первое место в списке бестселлеров триумфально вернулась Иоанна Хмелевская со своей новой книгой «Бледная спирохета» — детективным романом, действие которого разворачивается на фоне скачек (похоже, что сама Хмелевская тоже ими увлекается). На втором месте — «Лягушка» Малгожаты Мусерович, а на третьем неожиданно вышел роман «Объехать Париж» — вторая книга скульптора и прозаика Малгожаты Варды, описывающая историю четырех молодых женщин в Польше времен преобразований. Рецензент пишет, что пожилых людей вроде него «может несколько удивить фривольное отношение к такой ценности, каковой является (а скорее была) партнерская верность». Стоит также отметить присут-

ствие в первой десятке бестселлеров сборника недавно умершего о. Яна Твардовского «Пробуждать надежду. Азбука девяностолетнего» и «Двое-точия» Виславы Шимборской. В категории документальной литературы небывалым успехом пользуется книга Павла Зухневича «Чудеса Иоанна Павла II», описывающая чудесные события, которые могли бы послужить основанием для канонизации умершего год назад Папы.

• Упоминания заслуживает и первое польское издание книги Сигизмунда Кржижановского, писавшего по-русски поляка, чье творчество было открыто лишь после 1990 г. и вызвало сенсацию. Вышедший по-польски роман называется «Возвращение Мюнхгаузена». Как пишет Дариуш Новицкий, его герой, знаменитый враль, сошедший со страниц старой немецкой книги и оказавшийся в Европе 20-х годов, «быстро гаснет и умирает, то есть возвращается в старую книгу, из которой он на минуту вышел. Мир настолько погряз во лжи, что не нуждается даже в самом изобретательном лгуне. Да и сама действительность настолько абсурдна, что не нужно ничего выдумывать — достаточно лишь ее (действительность) цитировать». Кржижановский, писавший в стол, работал над этим романом в 1927-1928 годах. Тогда у него не было ни малейшего шанса опубликовать свое сочинение.

• В польской публичной жизни 8 марта уже давно перестало быть просто Женским днем. Во многих польских городах в этот день проходят «манифы», марши феминисток. В этом году демонстрантки несли фиолетовые шарiki с головами Леха и Ярослава Качинских, а на транспарантах были изображены желтые утки [напомним, что утка по-польски — качка]. «Нам не нравятся планы польского правительства, вытесняющие женщин из публичной жизни», — заявила одна из организаторш краковского марша. Популярностью пользовался и лозунг, высмеивающий инициативу создания Национального института воспитания: «Политики, оставьте детей в покое! Следите за собственным воспитанием!»

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Оборачиваясь назад, я вдруг замечаю, что из этих моих «выписок» можно составить довольно толстую книжку; если б я вздумал ее издавать (чего наверняка не произойдет), то охотно назвал бы ее «Польша для русских». Просматривая польскую периодику, я давно уже нацелен вполне определенно: извлекать то, что могло бы заинтересовать русского читателя, привлечь его внимание к Польше. Причем в подборе тем и цитат я руководствуюсь скорее интуицией, нежели знанием читателей. Я же вас, мои дорогие, почти совсем не знаю. Но в то же время я стараюсь к вам обращаться, отвергая расхожие стереотипы — как о врожденной враждебности русских к полякам, так и о «непостижимых глубинах русской души». Тут мне близок подход Ежи Помяновского, который в интервью, опубликованном в последнем номере «Одры» (2006, №3) и озаглавленном «Отложения в памяти», говорит: «Мы лелеем некий стереотип русского интеллигента, в который якобы входит особая духовная инаковость, а я весьма подозрительно отношусь к таким понятиям, как неизменный национальный характер, русская — по-прежнему не разгаданная — душа и т.п.». Вот бы пригодился этакий словарик «Сто стереотипов» — польско-русских и русско-польских, — где ученые мужи и столь же ученые дамы в коротких эссе истолковывали бы и переистолковывали существующие клише. Много лет назад вышел подобный словарик польско-немецких и немецко-польских стереотипов — книжка интересная и полезная.

Тем полезнее такие тексты, если учесть, что стереотипы — часто употребляемые сознательно — иногда оказывают влияние на политические споры. Об этом, в частности, пишет в том же номере вроцлавского журнала Анджей Йонас в статье «Польша — Россия — Евросоюз. Сложный вопрос»:

«Разговоры, которые я вел в Москве несколько месяцев назад, только усложнили картину. Собственно, они лишь привели меня к тому же мнению, которое выражает польский министр иностранных дел Стефан Меллер: «Когда я встречаю человека, который говорит, что понимает Россию, то обхожу его стороной». Это, конечно, не означает, что умом Россию не понять. Просто, как чуть ли не по каждому поводу любят говорить русские, это сложный вопрос».

Далее, пересказывая разговор с одним из своих русских знакомых (и не раскрывая его имени: «Это мнение одного из российских экспертов, имени которого я не приведу, так как до сих пор не убедился, что иметь свое мнение, критическое или попросту иное, нежели у власти, стало в России совершенно безопасно»), Йонас цитирует его:

«Если говорить о Польше (...) то русские, а также Кремль убеждены, что ваша черта — антироссийская настроенность. А значит, чтобы уменьшить потери, которые поляки могут нанести российским интересам в Европе, следует минимализировать влияние Варшавы в Евросоюзе».

Приводит он и слова еще одного москвича:

«Да и что такого Польша внесла в ЕС, чтобы желать оказывать влияние на его внешнюю политику? — сказал мне другой эксперт, занимающий влиятельный пост в академических и политических кругах. — Вы считаете русских оккупантами, а ведь не поспоришь с тем, что наши солдаты освободили вас от фашистов. А как только закончилась холодная война, вы добровольно отдали свой суверенитет НАТО и Евросоюзу».

С этим освобождением от «фашистов» у меня проблемы — из-за языковой путаницы, которая здесь появляется. После войны коммунисты, которые старались внушить, что «коммунизм» и «социализм» — синонимы (особенно этот вопрос был важен в Польше, так как польские социалистические традиции, представленные Эдвардом Абрамовским и его окружением, фальсифицировались или просто замалчивались), одновременно, как черт свяченой воды, избегали правильно называть гитлеровскую систему национал-социалистической, так как это могло бы вызвать опасные ассоциации. Я их даже понимаю, но стараюсь избегать этой языковой манипуляции. В результате, как я

понимаю те времена, советская армия, правда, освободила нас от национал-социализма, но вместо этого ввела коммунизм под названием социализма. Кто-нибудь когда-нибудь должен навести порядок в этой языковой неразберихе, а то сегодня у школьников все в голове перепутано. И, может быть, стоит этим детям — в том числе и в России — время от времени напоминать, что именно поляки, прежде чем вновь «потерять свою независимость», связавшись — кстати, добровольно, по своей просьбе, — с НАТО и Евросоюзом, сумели начать демонтаж коммунизма, и не только для себя. И действительно: не нужно стульев ломать, чтобы констатировать, что Лех Валенса — *герой* [по-русски в тексте]. Но вернусь к тексту Йонаса:

«Каково состояние и каково будущее отношений между поляками и русскими и между Польшей и Россией? Проще всего было бы написать, что отношения плохие и виновата в этом российская сторона. Примеров сколько хочешь. Нефтяные игры, которые в Варшаве воспринимаются как стремление подчинить себе польский энергетический сектор. Проект северного российско-немецкого газопровода, оцениваемый в Польше как шаг, направленный против польских экономических интересов. Ограничения в торговле сельскохозяйственной продукцией, унижение во время празднования годовщины окончания II Мировой войны. Вдобавок трудности на пути катынского следствия, вновь и вновь появляющаяся в официальных выступлениях давно разъясненная историческая клевета».

Вслед за этим перечнем Йонас ссылается на довольно приятные слова президента Путина, сказанные польской журналистке:

«Появились проявления уважения и признания достижений и роли Польши в Европе, а также уверенность в близости, вытекающей из факта принадлежности к одной и той же славянской семье. Другое дело, что славянство иначе понимают в Польше, а иначе — в России, но факт остается фактом. Так что же, наступили ли какие-то изменения в позиции Москвы? (...) Ответ на этот вопрос могут дать только конкретные факты, но было бы ошибкой пренебречь тональностью, появившейся в высказывании президента».

При этом, по мнению Йонаса, важно не упустить две тенденции:

«Наблюдая отношение России к Польше, трудно не заметить, что чем больше [в России] побеждает курс на сильную центральную власть, тем это отношение хуже. Сила российского государства сегодня вынуждена гораздо больше питаться эмоциями, нежели материей, и большее, чем прежде, значение приобретают факторы психологического порядка. Поэтому образ великодержавности обращается к отзвучавшим стереотипам, среди которых неблагоприятная Польша и презируемые Россией поляки занимают почетное место. А лечение постимперских комплексов неизбежно вызывает стремление унижать других. С этой точки зрения равноправные партнеры России — только государства «большой семерки», самые крупные и сильные на земном шаре. Партнером может быть также НАТО или Евросоюз, но не такие середнячки и мелкота, как Польша или прибалтийские республики. Россия открывающаяся, демократизирующаяся — это не та Россия, которая сосредотачивается вокруг власти. После ельцинской фазы Россия вошла в путинскую, совсем другую. Борис Ельцин не умел или не хотел обращаться к старой модели. Владимир Путин делает это, похоже, с полной убежденностью и успешно».

Но во всем этом есть новые элементы, вытекающие из необходимости сосуществования и взаимодействия на международной арене:

«В сфере политики, особенно политики безопасности, Россия уже давно оставила откровенно антагонистические по отношению к Западу позиции и, поняв многие вызовы современности, стала его союзником. Нет сомнения, что в отношениях Запада с Россией мы имеем дело со многими путями, по которым движение идет в обоих направлениях. Так происходит в отношениях с Россией Запада, а значит, и Польши. Мы в Польше твердо знаем, что наше государство стало частью западного мира — разумеется, по современным критериям, а не по тем, которые уцелели со времен холодной войны. Знают это и наши западные партнеры, хотя приходится признать, что это знание нелегко прокладывало себе путь в их сознание. Следующий шаг — укрепить этот факт в сознании русских и России. Это наверняка нелегкая задача, так как исторический опыт и прочные стереотипы подсовывают другой образ. Быть может, в глазах России Польша в последний раз составляла часть Запада в

эпоху наполеоновских войн, а для более просвещенных русских — в межвоенное двадцатилетие. Иллюзии в политике весьма опасны. Если в России бытует иллюзия, согласно которой Польша не принадлежит к Западу, то многие шаги России по отношению к Польше находят объяснение. Но ничего не поделаешь: политические карты тем отличаются от физических, что подвергаются изменениям. И то, что Польша — западное государство, это не манифест и не грезы, а политический и материальный факт. Со всеми его последствиями. В том числе и тем, что на Запад ложится задача помочь России принять это к сведению».

И вот, в то самое время, когда я выписывал цитаты из статьи Йонаса, возникла новая заваруха, то есть ответ российской Главной военной прокуратуры на ходатайства по катынскому делу. Этому, в частности, посвящена статья Анджея Качинского и Яна Ордынского в газете «Жечпосполита» (2006, №54). В статье говорится:

«Главная военная прокуратура Российской Федерации еще 18 января приняла решение по индивидуальному ходатайству польских граждан, родственниц одного из погибших в Катыни. Однако она указала, что это решение действительно также в отношении ходатайств всех лиц, которые обратились в ГВП с тем, чтобы катынские жертвы были охвачены предписаниями закона 1991 года о «реабилитации жертв политических репрессий». Польское посольство в Москве зарегистрировало несколько десятков таких ходатайств. (...) В обосновании, с текстом которого мы смогли ознакомиться в пятницу [3 марта], говорится, что закон 1991 г. относится только к реабилитации жертв политических репрессий, осужденных на основе Уголовного кодекса. А убитых в Катыни судили вне его рамок. «...в ходе предварительного следствия по указанному уголовному делу, к сожалению, не было установлено, на основании какой статьи Уголовного кодекса РФ (в редакции 1926 г.) были привлечены к уголовной ответственности указанные лица, так как документы были уничтожены» — так звучит окончательное заключение ГВП. «Жечпосполита» обратилась к экспертам.

Проф. Войцех Матерский, историк, Польская АН: «В деле Катыни российская прокуратура не автономна. Это решение не могло быть принято без ведома президента Путина. И от него (или его преемника) зависит, изменит ли Россия правовую оценку этого преступления и когда».

Проф. Витольд Кулеша, Институт национальной памяти: «Это решение показывает важность польского следствия. Позиция российской прокуратуры не может остаться единственной правовой оценкой, сформулированной по этому делу».

Божена Лоек, «Катынская семья»: «На Нюрнбергском процессе советский прокурор доказывал, что катынское убийство было преступлением геноцида, до тех пор, пока рассчитывал, что вину удастся свалить на немцев. Таким образом, уже тогда было признано, что это политическое преступление».

Так говорят эксперты, а авторы комментируют:

«5 марта 1940 г. Сталин и члены политбюро ЦК ВКП(б) подписали решение, в котором поручили органам НКВД приговорить польских граждан — 14 700 военнопленных и 11 тысяч заключенных в тюрьмах Белоруссии и Украины — к высшей мере наказания. Так называемые тройки, особые совещания НКВД, рассматривали их дела в особом порядке, без вызова арестованных, без предъявления им обвинений, без обвинительных заключений. В том же документе Сталин и его сотрудники определили поляков, подлежащих расстрелу, как «закоренелых, неисправимых врагов советской власти», а в другом месте того же решения сказано, что все они враги советской власти, полные ненависти к советскому строю».

И, наконец, мнение Анджея Пшевозника:

«Позиция России во вопросу о катынском преступлении за последние годы прошла знаменательную эволюцию. Началось с миссии Рудольфа Пихои, начальника государственного архива, который 14 октября 1992 г. по поручению президента Бориса Ельцина передал президенту Леху Валенсе документы относительно катынского преступления. Среди них был протокол заседания политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года. (...) Передачу этих документов я считаю важнейшим решением российской стороны, принятым за все минувшие годы по катынскому делу. Потом наступили недвусмысленные заявления президента Ельцина об ответственности за это преступление. Было решение о начале следствия Главной военной прокуратурой, и первые несколько лет оно велось без всяких помех. В это же время

шли переговоры о строительстве кладбищ, завершившиеся в 2000 г. открытием некрополей в Катыни и Медном. После этих событий воцарилось молчание, прерванное 21 сентября 2004 г. решением о закрытии дела, следствие по которому продолжалось 13 лет».

Теперь с момента начала следствия прошло уже 15 лет, и вот перед нами новая фаза эволюции отношения российских властей к этому преступлению. При этом нельзя забывать, что решения, принятые по катынскому делу Горбачевым и Ельциным, натолкнулись в России на сопротивление таких национал-большевиков (кстати о терминологии), как господа Мухин и Куняев, автор несомненно очаровательной книжки «Шляхта и мы», единственная цель которой — науськивать русских на поляков. Что, впрочем, неудивительно при непрекращающихся нападках Куняева на «Новую Польшу».

В конце концов не секрет, что еще Хрущев хотел раскрыть катынское дело, но, по слухам, его отговорили от этого польские коммунисты. Очевидно, что полное раскрытие катынского дела — в интересах как Польши, так и России. Очевидно также, что Польша не может пойти ни на какие «уступки», потому что уступать нечего. И когда я об этом размышляю, то вижу два осмысленных объяснения поведения российских властей. Либо они хотят ради каких-то неясных политических целей «отложить на потом» полное раскрытие катынского дела, то есть еще какое-то время эту карту «разыгрывать», либо — и это кажется мне более вероятным — боятся, что «победа» поляков в этом вопросе повлекла бы за собой целую лавину подобных дел. Одно не подлежит сомнению: пока всё не будет названо по имени, катынское дело будет вызывать эмоции, скорее не способствующие нормализации польско-российских отношений. Но когда-то придется всё назвать по имени — и чем позже, тем хуже для всех. Я не сомневаюсь, что тогда в российском УК появится преступление «катынская ложь», преследуемое в судебном порядке, как преследуется в Германии «освенцимская ложь».

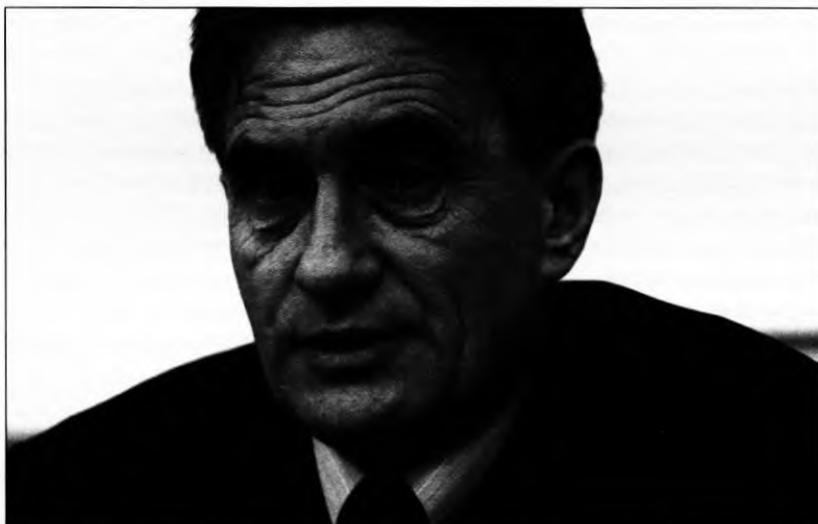
Примечание Натальи Горбаневской:

Российский закон о реабилитации отнюдь не ограничивает понятие «жертвы политических репрессий» жертвами статей УК РСФСР. Сама ГВП проговаривается, указывая, что «официальных решений судебных или несудебных органов о применении к погибшим репрессии по политическим мотивам, как того требует действующее реабилитационное законодательство, не имеется». Итак, согласно действующему законодательству, для признания человека жертвой репрессий статья не обязательна. С другой стороны, официальное — хоть и полвека засекреченное — решение несудебного органа, т.е. политбюро ЦК ВКП(б), имеется. То есть решение ГВП прямо противоречит действующему закону о реабилитации. Стоит добавить, что аналогичным образом Генеральная прокуратура РФ не признала жертвами политических репрессий членов расстрелянной царской семьи.

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ НЕОБХОДИМА

Беседа с министром экономики Польши Петром Гжегожем Возняком

— Пожалуй, начиная с 1989 года вы — первый министр, «пришедший» из энергетики. Это означает, что у вас есть шанс навести порядок в энергетической политике Польши и разработать стратегию диверсификации поставок энергоносителей: нефти и газа. Так с чего же начать?

— В настоящий момент вопрос диверсификации поставок энергоносителей действительно

очень важен. В контексте быстрого развития экономики таких государств, как Китай или Индия, доступность энергетического сырья становится все более существенным фактором. Тот факт, что Польша, подобно другим европейским странам, это сырье импортирует, требует от нас действий по обеспечению непрерывного и надежного доступа к нефти и газу. Диверсификация источников и направлений поставок, а также повышение уровня добычи польских производителей — один из путей к обеспечению стабильного снабжения страны энергоносителями.

— *О диверсификации поставок газа и нефти говорят уже давно, но большую часть нефти и почти две трети газа мы до сих пор импортируем из России, что делает нас зависимыми от этого поставщика. Сырье становится для России главным политическим оружием. Кремлевские власти используют его в качестве фактора политического давления, особенно на государства бывшего советского блока и бывшие союзные республики. Что сделать, какие средства давления использовать, чтобы Россия отделяла политику от экономики?*

— Тут мы возвращаемся к первому вопросу. Государство или фирма зависят от одного поставщика до тех пор, пока есть риск, что он прекратит поставки. Поэтому диверсификация поставок необходима.

Что касается давления, то это плохой метод. В области энергетики отношения должны быть партнерскими, а это значит, что в Польше должны быть сильные фирмы, сотрудничающие с разными поставщиками.

— *В подписанных в 1993 и 1995 гг. договорах с Российской Федерацией предусматривается строительство до 2001 г. двух ниток ямальского трубопровода, который должен соединить Россию с Западной Европой. В 2000 г. одна из них была сдана в эксплуатацию, а о строительстве второй перестали говорить с тех пор, как в сентябре 2005 г. немецкие фирмы (BASF и E.ON) подписали с российским «Газпромом» договор о строительстве Балтийского трубопровода. Возможно ли строительство этой второй нитки?*

— Для строительства второй нитки ямальского трубопровода необходим достаточно высокий спрос на газ. При нынешнем уровне спроса невозможно выгодно продать газ в таком объеме, какой обеспечивали бы «Ямал-2» и Северный газопровод вместе взятые. Сейчас как Германия, так и Польша, ищут совершенно иные пути и источники поставок газа.

— Другой относительно близкий источник нефти и газа — это Каспийское море и Ближний Восток. Когда и как можно было бы начать изменять прежние пропорции поставок, импортируя часть нефти и газа из Каспийского региона и с Ближнего Востока через Украину? Почему, несмотря на продолжающиеся разговоры о строительстве участка нефтепровода из Бродов в Плоцк, с Украиной до сих пор не заключен даже предварительный договор?

— Добыча нефти и газа в Каспийском регионе, Азербайджане, Иране и Казахстане не представляет проблемы. Иначе обстоит дело с транспортировкой этого сырья в Европу.

Для Польши Украина действительно может быть важным транзитным государством. При поддержке Евросоюза Польша и Украина работают над проектом трубопровода Одесса—Броды—Плоцк. Пока что мы подписали двусторонние декларации и предприняли конкретные технические шаги — например по подготовке для этого проекта feasibility study. Это очень перспективный проект.

— Во всем мире нефть перевозится на танкерах. По морю перевозят и сжиженный газ. Построит ли Польша терминал по приему и перевалке сжиженного газа, например из Африки и с Ближнего Востока, и если да, то когда это произойдет?

— Строительство терминала сжиженного газа — это один из путей диверсификации поставок газа в Польшу. В настоящий момент как в правительстве, так и в концерне «Польская нефте- и газодобыча», контрольный пакет которого принадлежит государству, идет работа по подготовке проекта такой инвестиции.

— Когда-то ПНР участвовала в инвестициях СССР (например, в строительстве оренбургского трубопровода). Может ли Польша и сейчас участвовать в строительстве нефте- и газопроводов на востоке?

— Это зависит от того, где именно. Во-первых, существует инвестиционный риск из-за того, что Российская Федерация не ратифицировала транзитный протокол. Во-вторых, это связано с высокими расходами в отдаленных регионах России. В-третьих же, такие инвестиции могут прийти в столкновение с существующей промышленной сетью и связями с российскими фирмами.

— Польша богата углем. На нем работает большинство электростанций и ТЭЦ, все меньше загрязняющих окружающую среду благодаря устройствам по очистке воздуха от пыли и других отходов. Между тем шахты закрываются под предлогом нерентабельности в сравнении с другими источниками энергии, которых в Польше нет (нефть) или которые есть в недостаточном количестве (газ). Обречены ли мы импортировать нефть и газ вместо того, чтобы развивать угольную энергетику?

— Польша не планирует отказываться от угля. Энергетическая безопасность Польши все еще зависит от этого топлива, особенно учитывая нынешний высокий уровень цен на другие источники первичной энергии — прежде всего нефти и газа. Каменный и бурый уголь еще долго будет главной составляющей энергетического баланса страны.

Результаты программ реструктуризации угольной промышленности можно назвать удовлетворительными. По сравнению с началом 90-х экономическое положение сектора существенно улучшилось — в частности, благодаря прекращению эксплуатации залежей, нерентабельных из-за геологических условий, и снижению уровня занятости. Кроме того, в шахтах значительно улучшились технико-экономические показатели производственных процессов. Оздоровление отрасли все еще продолжается и будет продолжаться до тех пор, пока мы не добьемся устойчивой рентабельности угольных шахт.

Необходимость развития или сокращения производственных мощностей польской угледобывающей промышленности зависит от конъюнктуры на мировом угольном рынке и от уровня цен. При стабильном спросе на это сырье на внутреннем рынке польские шахты продают около 20% добываемого угля за границу. Ввиду высоких цен на нефть и газ имеет смысл перерабатывать уголь в жидкое топливо и пропагандировать технологии чистого сгорания (т.н. clean coal technology). Во всем мире внедряются новые технологии добычи, обогащения и переработки угля, нацеленные на производство безвредного для окружающей среды топлива и чистой энергии. В недалеком будущем они будут окупаться настолько, что их применение станет повсеместным.

— Мы почти не используем возобновляемые источники энергии (ГЭС, ветряные, солнечные и другие электростанции, биомассу). Что можно сделать, чтобы доля этих источников в энергетическом балансе страны увеличилась?

— В 2005 г. из возобновляемых источников было получено в общей сложности 3,7 ТВт/ч, т.е. 2,6% всей производимой в Польше энергии. Надеюсь, что эта доля будет увеличиваться, и в 2010 г. мы достигнем уровня 7,5%. В польских условиях важно и упомянутое вами производство энергии из биомассы. Ветряные электростанции тоже развиваются неплохими темпами. Увеличение доли возобновляемой энергии уже стало фактом.

— Пока что в Польше нет ни одной атомной электростанции. А ведь есть такие страны (например, Франция), где АЭС производят до 70% электроэнергии. После чернобыльской катастрофы (16 апреля 1986 г.) все проекты развития атомной энергетики были заморожены. Однако в последнее время появились новые, более безопасные электростанции. Не стоит ли построить их и в Польше — ведь «чернобыльская фобия» уже позади?

— В отличие от таких стран, как Франция или Германия, Польша никогда не занимала по этому вопросу крайних позиций. Например, Германия полностью отвергла атомную энергию. Польша не отказывается от нее в долгосрочной перспективе, но у нас еще нет конкретных планов строительства атомной электростанции.

— Одна из директив ЕС (носящая скорее рекомендательный, нежели обязательный характер) гласит, что страна не должна покупать более трети потребляемой ею энергии (в т.ч. энергетического сырья) у одного поставщика. ЕС остро нуждается в общей энергетической политике, которая означала бы, что любые действия (включая двусторонние), нарушающие энергетическую безопасность одной страны, создают угрозу для всего союза. Как эта директива соотносится с польской энергетической политикой?

— Это широко распространенная мистификация: такой директивы нет. Быть может, такой принцип и должен быть введен, но пока это только правило, которое подсказывает здравый смысл. Его придерживается Германия — без административного принуждения.

Однако в данный момент ключевой для безопасности поставок остается независимо проводимая отдельными странами, в т.ч. и Польшей, политика диверсификации источников и путей транспортировки энергоносителей, а также совместная работа государств-членов над «Зеленой книгой» и внешней энергетической политикой Европы, в чем Польша уже достигла определенных успехов.

— В связи со вспыхнувшим этой зимой российско-украинским газовым конфликтом в Европе стали внимательнее относиться к энергетической стратегии, опубликовали упомянутую вами «Зеленую книгу», содержащую наброски общей энергетической политики. Польша предложила строить энергетическую политику ЕС, исходя из принципа солидарности. В чем он заключается?

— Мы с удовлетворением восприняли основные положения «Зеленой книги». Однако она не до конца оправдывает наши ожидания, касающиеся сотрудничества стран-членов в области энергетической безопасности.

В феврале этого года Польша выступила с предложением заключить договор или соглашение государств-членов ЕС и НАТО, который воплощал бы в жизнь принцип солидарности. Основным содержанием такого договора была бы взаимопомощь подписавших его государств в случае угрозы энергетической безопасности одного из членов. Следует подчеркнуть, что принцип этот может функционировать только как идея, дополняющая энергетическую политику ЕС.

Беседу вел Лешек Волосюк

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ГЛАЗАМИ УКРАИНСКОЙ ПРЕССЫ

Трубопроводы всех стран, соединяйтесь!
Ukraine Daily, 14.03.2006

США заинтересованы в подключении Казахстана к строительству нефтепровода Баку—Тбилиси—Джейхан

«США заинтересованы в подключении Казахстана к строительству нефтепровода Баку—Тбилиси—Джейхан (БТД)», — заявил во вторник в Астане журналистам министр энергетики США Сэмюэл Бодман по окончании встречи с президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым. Об этом сообщает РИА Новости.

«Мы обсудили пожелание США, касающееся скорейшего завершения переговоров между Казахстаном и Азербайджаном о транспортировке казахстанских энергоресурсов по трубопроводу БТД», — сказал Бодман. «Казахстану необходимо взять на себя роль регионального лидера в развитии инфраструктуры энергетического сектора и создании дополнительных транзитных маршрутов для энергоресурсов», — подчеркнул он. «Прозрачный, стабильный и предсказуемый инвест-климат в Казахстане не только сможет привлечь дополнительные инвестиции, но и станет источником новых рабочих мест», — считает министр энергетики США. По его мнению, «в ближайшие 5 лет объем инвестиций в Республику Казахстан может удвоиться».

По данным МИД Казахстана, объем инвестиций США в казахстанскую экономику с 1993 года по первый квартал 2005 года составил 11,43 миллиарда долларов. Товарооборот между США и Казахстаном в 2005 году — 1,7 миллиарда долларов.

Подписание межправительственного соглашения о подключении Казахстана к строительству нефтепровода Баку—Тбилиси—Джейхан переносилось несколько раз. Соглашение предусматривало, что участок Актау—Баку будет работать как самостоятельная часть. Для создания системы Актау—Баку предполагается строительство нового терминала для хранения и перевалки нефти в Курьке (порт в 76 километрах юго-восточнее Актау), а также соединительных трубопроводов. Для этого будут сооружены выносные причалы.

Мощность системы по перевалке составит 30 миллионов тонн нефти в год, на первом этапе будет перевозиться до 7,5 миллионов тонн. Объем инвестиций будет определен после подписания межправительственного соглашения. Новая система будет построена к моменту, когда пойдет первая нефть с месторождения Кашаган.

Протяженность нефтепровода БТД составляет 1767 километров, из них в Азербайджане — 443 километра, в Грузии — 248 километров, а в Турции — 1076 километров. Пропускная способность трубопровода — 50 миллионов тонн нефти в год.

Акционерами Баку—Тбилиси—Джейхан являются: BP (30,1% долевого участия), ГНКАР (25%), Unocal (8,9%), Statoil (8,71%), ТРАО (6,53%), Иючи (3,4%), Amerada Hess (2,36%), ENI (5%), ConocoPhillips (2,5%), Inpex (2,5%), Total (5%). Причем ENI, ConocoPhillips, Inpex и Total участвуют в контракте на разработку месторождения Кашаган.

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

Д.Шевиионков-Кисмелов о выставке Исаака Цельникера
К.Маслонь о польской прозе
О.Закиров: из воспоминаний
А.Новак о «Великом Новгороде» Стефана Братковского
М.Выка о Станиславе Бжозовском
Я.Гондович о молодых литераторах
Г.Хлыстовский: действительно ли мы не издаем русских писателей?
Р.Пшибыльский об Иосифе Бродском и Анне Ахматовой
Б.Поцей о Ванде Ландовской
К.Яновская и П.Мухарский: Беседы к началу столетия
Наши за границей: А.Северин, В.Пшоняк, З.Рыбчинский,
А.Холланд, Р.Полянский, А.Кшивицкий и др.
Беседы Сильвии Фролов с А.Легоцким, Е.Яроцким, В.Зинем, З.Ромашевским

СТИХОТВОРЕНИЯ

**Милоша, Стахуры, Бялошевского, Хартвиг,
Яструна, Херберта и др.,**

в переводах

**Бродского, Базилевского, Астафьевой, Ройтмана,
Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.**

Журнал «Новая Польша»
допущен к распространению на территории Российской Федерации
Решением Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации **ПИ №77-1063** от 3 ноября 1999 года)

ЛУЧШИЕ ПИСАТЕЛИ И КРИТИКИ Национальная Библиотека представляет журналы:

twórczość

Старейший польский литературный ежемесячник, посвященный современной прозе, поэзии и литературной критике.
Оказывает влияние на перемены в польской литературе.
тел.: +48 (22) 627-15-52; тел./факс: +48 (22) 628-95-07
e-mail: tworczość@bn.org.pl

Dialog

Ежемесячный журнал, посвященный современной театральной, телевизионной и радиодраматургии.
тел.: +48 (22) 608-28-80; +48 (22) 608-28-81; тел./факс: +48 (22) 608-28-82
e-mail: dialog@bn.org.pl
www.dialog.waw.pl

**NOWE
KSIĄŻKI**

Ежемесячник. На протяжении более полувека незаменимый источник информации о книгах. В каждом номере рецензии, интервью, статьи о писателях, публицистика, библиография, анонсы.
тел.: +48 (22) 826-62-60; тел./факс: +48 (22) 826-62-35
e-mail: noweksiążki@wp.pl

OWUTYGOODNIK
ruch muzyczny

Старейший и единственный в Польше журнал, посвященный музыкальной жизни, творчеству и вопросам музыки. Выходит 26 раз в году.
тел.: +48 (22) 608-28-70; +48 (22) 608-28-71; тел./факс: +48 (22) 608-28-72
e-mail: ruchmuzyczny@onet.pl
www.muzyka.onet.pl/klasyka

**LITERATURA
na świecie**

Ежемесячник. Единственный журнал, уже многие годы публикующий все достойные внимания новинки современной мировой литературы.
тел.: +48 (22) 827-47-91; тел./факс: +48 (22) 828-64-96
e-mail: litnasw@free.art.pl

**НОВАЯ
ПОЛЬША**

Ежемесячник. Единственный журнал о Польше на русском языке. Богатая подборка публицистики польских и российских авторов. Переводы малоизвестных в России произведений польских поэтов и прозаиков.
тел.: +48 (22) 608-25-65; +48 (22) 608-27-95
тел./факс: +48 (22) 608-27-96; +48 (22) 608-25-05
e-mail: nowpol@bn.org.pl
www.nowpol.ru

odra
ПИСЬМЕСНИК

Ежемесячный журнал, широко представляющий современные проблемы общества и искусства. Форум критической гуманитарной мысли. Польша и мир, история и возможное будущее.
тел.: +48 (71) 344-77-37; тел./факс: +48 (71) 343-55-16
e-mail: odra@odra.art.pl
www.odra.art.pl

a
akcent
literatura i sztuka • kwartalnik

Ежеквартальный журнал, посвященный литературе и другим областям искусства в контексте последних достижений гуманитарной мысли. Выходит в Люблине с 1980 года.
тел./факс: +48 (81) 532-74-69
e-mail: akcent_pismo@gazeta.pl
www.akcent.glt.pl

**Biblioteka Narodowa,
Dział Wydawniczy
Czasopism Patronackich**

02-086 Warszawa, al. Niepodległości 213
tel. (0-22) 608 24 88

Cena 6 zł w tym 0% VAT

ISSN 1508-5589

9 771508 558065